

Д Ж Е Й С О Н Б Е Р Р И

ДЕНЬГИ ВАТИКАНА

ТАЙНАЯ
ИСТОРИЯ
ЦЕРКОВНЫХ
ФИНАНСОВ

Джейсон Берри
Деньги Ватикана. Тайная
история церковных финансов
Серия «Религия. Война за Бога»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4572929

Берри Дж. Деньги Ватикана. Тайная история церковных финансов : Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-56903-8

Оригинал: JasonBerry, "RENDER UNTO ROME The secret life of money in the catholic church"

Перевод:

Михаил Завалов

Аннотация

Это сенсационное журналистское расследование призвано осветить одну из самых закрытых финансовых систем мира: как обращаются с деньгами в Ватикане. Что происходит с пожертвованиями верующих всего мира? Сколько имущества в собственности у Католической церкви на самом деле? Кто и как управляет финансами в Ватикане? Связана ли церковь с мафией? Вы узнаете, на чем и как зарабатывает церковь, как устроена финансовая система Ватикана и почему церковь не спешит раскрыть свои бухгалтерские книги.

Содержание

От автора	4
Пролог	5
Князья и их владения	5
Дилемма растраты	12
Финансовая подотчетность	15
Ватикан	18
1	21
Семейные ценности	25
Окрестности	29
Прозрение	33
2	36
Мир Pio Nono	40
Епископы-строители	50
Дьявольская сделка с фашизмом	58
3	64
Кардиналы в критическом положении	70
День реконфигурации	79
4	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Джейсон Бери

Деньги Ватикана. Тайная история церковных финансов

Посвящается памяти

Ариэль Ляфоре Берри, ребенка моего сердца,

Джеральда Реннера, коллеги и друга

Я – старый полицейский, охраняющий золотые запасы. Если старому полицейскому говорят, что законы скоро изменятся, он вспомнит, что он – старый полицейский, и сделает все возможное, чтобы предотвратить эти изменения... Когда новые законы становятся сокровищем церкви, увеличением ее золотых запасов, остается только один принцип: быть верным в своем служении церкви. Но это служение предполагает верность ее законам – верность слепого. Я – некто вроде слепца.

Кардинал Альфредо Оттавиани, префект Священной канцелярии, к Марио фон Галли, «Собор будущего» (1966)

От автора

В книге используются интервью, взятые во время многочисленных обменов звонками и e-мейлами, так что приводить их в виде цитат со ссылками было бы непрактично. Большинство прямых цитат приведены не в примечаниях, а в основном тексте. Я старался как можно меньше напрямую использовать данные источников, пожелавших сохранить анонимность, однако расследования, особенно касающиеся Ватикана и высших уровней Католической церкви, опираются на показания людей, которые настаивали на анонимности, поскольку публикация имен поставила бы под угрозу их карьеру. Я ссылаюсь лишь на небольшую часть интервью, которые было уместно передавать в виде цитат. Многие статьи и документы, которые я цитирую в данной книге, доступны в библиотеке на сайте www.bishopaccountability.org.

Пролог

Князья и их владения

Церковь стояла у подножия холма Банкер-Хилл в Чарльзтауне, одном из старейших пригородов Бостона. Подобно другим местам в городе, Чарльзтаун давно уже перестал быть районом, где явно преобладают ирландцы. Около старых деревянных трехэтажек, где десятилетиями жили семьи рабочих, стали активно селиться представители среднего класса, так что к 2004 году здесь лишь уединенные далекие улицы напоминали о былой эпохе наркоторговли.

Социальная пестрота прихода Св. Екатерины Сиенской нравилась Роуз Мэри Пайпер. Ее жизнь приближалась к концу, она была матерью четырех взрослых детей и бабушкой нескольких почти взрослых внуков. Из-за многообразия людей, посещавших мессу, этот приход сильно отличался от других, куда собирались преимущественно белые, и это трогало Роуз, потому что она чувствовала свое единство с массой верующих, не похожих на нее. Из домов, построенных в рамках государственной программы вдоль Мистик-Ривер, на воскресную мессу приходили пуэрториканцы и доминиканцы со своими испанскими сборниками гимнов и двуязычными программками, которые молились рядом с католиками ирландского происхождения или такими космополитическими жителями Бостона, как ее зять Питер Борре, живший неподалеку.

Роуз Пайпер понимала, как трудно здесь жить женщинам из Латинской Америки – такие же трудности испытывали ее предки, некогда приплывшие из Ирландии и высадившиеся на Стейтен-Айленд в Нью-Йорке. Если ты живешь, ты должен быть готов к изменениям. Когда врачи сказали, что у ее мужа развивается слабоумие, Роуз решила продать их дом в Хилтон-Хэд. На протяжении долгих лет их брака Билл Пайпер работал инженером-химиком в «Дюпоне» и потому был привязан к штату Делавэр. Роуз любила проводить с ним время в их доме в Южной Калифорнии. Но она понимала, что одна не справится с заболевшим мужем, и решила обосноваться около Бостона, где жили две ее дочери. Мэри Бет с ее склонностью бунтовать уже не ходила в церковь, но ее муж Питер посещал ту же церковь, что и Роуз.

Каждое воскресенье Роуз Мэри Пайпер опускала в корзинку для сборов чек на 10 долларов, это сделалось ее твердой привычкой. Питер клал туда свои деньги. Раньше он служил в морском флоте и привык верить в справедливость начальства. Ты приходишь в храм, молишься за тех, кого любишь, просишь прощения грехов и даешь деньги, потому что это справедливо. Пока не разразился скандал, они не задумывались о финансовой жизни церкви – о том, на что тратятся их пожертвования, какой процент от них идет на покрытие расходов храма, какая часть идет на приходскую школу и на бедных, какая – епископу и в Рим. Ты даешь деньги, а священник и епископ ими распоряжаются. Католическая церковь – святая, истинная, апостольская и достаточно богатая, чтобы помогать многим нуждающимся.

Для Питера Борре жизнь перевернулась в 2004 году, когда в Бостонской архидиоцезии началось масштабное закрытие приходских церквей. За несколько месяцев до этого события церковь договорилась о юридическом урегулировании конфликта с 552 жертвами злоупотреблений со стороны духовенства. «Кардинал Лоу прикрывал растлителей детей, – с горечью думала Роуз, – а теперь распродают церкви!» Питер Борре, привыкший к комфортабельной жизни, также был этим возмущен и начал интересоваться тем, что же происходит в церкви с деньгами. Он мог увидеть, что многие американские католики также негодовали, думая о нечестности епископов в финансовых вопросах. В результате массы судебных про-

цессов, связанных с тем, что епископы прикрывали педофилов, приходские церкви закрывались вопреки воле местного населения; кроме того, гласности предавались все новые и новые случаи нечестного обращения священников и мирян, работавших в церкви, с приходскими финансами. Католики почувствовали, что их предали. Расследование злоупотреблений духовенства в 2010 году показало, что в этом деле неблагоприятную роль сыграл кардинал Йозеф Ратцингер задолго до того, как он сделался папой. Хотя Бенедикт XVI встретился с жертвами злоупотреблений и просил у них прощения, он с удивительным равнодушием продолжал относиться к назревшему и очевидному вопросу о структурных реформах в церкви.

Начиная с Бенедикта XV, старавшегося стать миротворцем во время Первой мировой войны, роль пап радикальным образом изменилась: они стали уже не просто духовными вождями, но борцами за мир на международной арене. После Второй мировой папы стали как бы нравственными политиками всего мира, они осуждали антисемитизм церкви прошлого и призывали к переговорам и дипломатическим мерам в решении вооруженных конфликтов, особенно – ядерной эпохи. Важный шаг в этом направлении произошел в 1958 году, когда Иоанн XXIII, который, будучи папским нунцием в Стамбуле во время войны, помогал спасать евреев, исключил выражение «вероломные иудеи» из службы Страстной пятницы. Папа приветствовал делегацию американских евреев словами из описанной в Ветхом Завете истории Иосифа в Египте: «Я – Иосиф, брат ваш»¹.

Его преемник Павел VI повторял такие слова: «Если вы хотите мира, стройте справедливость»². И даже Пий XII – о котором продолжают спорить историки и еврейские деятели, поскольку во время Второй мировой войны он не выступил с осуждением Гитлера и нацизма, – в послевоенные годы стал знаменитым миротворцем. Вопросы о роли папы Пия пробудили к жизни отнюдь не только скептицизм историков. По иронии судьбы папа Иоанн Павел II призывал церковь более честно взглянуть на саму себя и говорил об «очищении памяти»³. Ведущий борец за права человека на политической сцене Иоанн Павел просил прощения за многие грехи церкви прошлого, в том числе – за «страдания, причиненные евреям»⁴, хотя при этом не называл имен каких-либо пап.

Но в последнее свое десятилетие Иоанн Павел нанес урон своей репутации защитника прав человека, когда отказался должным образом отреагировать на скандалы, связанные с растлителями детей среди духовенства, и признать, что церковная культура пропитана сексуальными преступлениями. Бенедикт XVI сохранил верность традициям ватиканского правосудия, согласно которым не принято наказывать епископов, замешанных в сексуальных преступлениях или в их сокрытии. Отказавшись применять строгие меры и судить самых отъявленных преступников из епископов, Бенедикт тем самым продемонстрировал свою верность юридической практике Ватикана. Канцелярии Ватикана обычно одобряют финансовые решения епископов. Данная книга в основном и посвящена именно этому вопросу, как функционирует юридическая система Ватикана.

Нам надлежит рассмотреть ряд имущественных и финансовых решений, которые вызывают некоторых американских епископов с чиновниками Ватикана; затем мы поговорим об отце Марсиале Маселе, который был величайшим фандрайзером церкви, а также ее величайшим преступником. Вслед за этими историями мы внимательнее рассмотрим вопрос о том, как церковь обращается с финансами в Бостоне, Кливленде и Лос-Анджелесе, а также положение вещей в некоторых других диоцезиях, все время возвращаясь к деятельности Конгрегации по делам Духовенства – службы Ватикана, которая контролирует продажу

¹ Hans Küng, *The Catholic Church: A Short History* (New York, 2001), p. 181.

² Message of Pope Paul VI, Celebration of the Day of Peace, January 1, 1972, www.vatican.va.

³ Luigi Accattoli, *When a Pope Asks for Forgiveness: The Mea Culpa's of John Paul II* (Boston, 1998), p. 96.

⁴ Ibid., p. 118.

собственности епископами. Высокопоставленный чиновник данной Конгрегации недавно помогал американским епископам создать выгодную схему продажи церквей в США. Важнейшую роль в этом сыграл кардинал Анджело Содано, который занимал пост генерального секретаря в течение четырнадцати лет при Иоанне Павле и чуть более года при Бенедикте. Кроме того, Содано был неумолимым защитником отца Масьеля. Кардинал отказывался давать интервью; тем не менее материалы, собранные ФБР в связи с деловой активностью его племянника, наряду с некоторыми другими источниками оказывают нам здесь большую помощь, так что я намерен осветить и махинации Содано. Кстати, от итальянского слова *Nipote* происходит термин «непотизм».

Мне очень помогла книга Джеймса Голлина «Земные сокровища» (1971), посвященная финансам Католической церкви. По подсчетам автора, от 50 до 60 процентов всех богатств церкви находятся в США, но большая их часть вложена в собственность, которую по закону нельзя продать. «Не так сложно оценить общее богатство церкви, – говорит Голлин, – но куда важнее понять, что с этим богатством происходит»⁵. Я мог убедиться в том, что здесь каждый епископ поступает по-своему.

Римско-католическая церковь, к которой принадлежит 1,2 миллиарда верующих, – это самая огромная и самая многочисленная единая организация в мире, действующая почти везде. Она также в значительной мере децентрализована, так что каждый епископ пользуется большой властью. И как бы епископ ни полагался на своих подчиненных и советников, его власть зависит от Рима. Каждый епископ подотчетен папе, действующему через чиновников Римской курии. Немногие католики ставили под вопрос природу этой монархической организации до тех пор, пока не узнали о том, как епископы скрывают сексуальные преступления от судов, когда СМИ обнажили перед всеми эту преисподнюю, окруженную нездоровой завесой молчания.

«Не перестаю удивляться тому, что в некоторых диоцезиях информация об их финансах остается малодоступной, – сказал в 2002 году газете *New York Times* Патрик Шилтц, декан Школы правоведения Университета Св. Фомы в Сент-Поле, штат Миннесота. – Они как родители, которые не желают посвящать малых детей в свои тайны»⁶. После этого Шилтц стал федеральным судьей. Подобные слова юриста, который занимался защитой диоцезий, обвиняемых в злоупотреблениях, показывают, что многие известные католики глубоко разочарованы делами своей церкви.

«Церковь должна открыть свои бухгалтерские книги, – сказала в интервью газете *Times* Эрика П. Джон, унаследовавшая деньги производящей пиво компании Miller и ставшая знаменитым филантропом. – Нам нужна прозрачность»⁷. Фонд семьи, созданный последним мужем Джон, служил солидной поддержкой для архидиоцезии Милуоки, однако в мае 2002 года она узнала, что архиепископ Ремберт Уикленд за несколько лет потратил 450 тысяч долларов США из денег церкви на своего озлобленного любовника⁸. Уикленд закрывал приходы, ссылаясь на финансовую необходимость, а в это время его адвокаты пытались замаять потенциальный скандал; он также отправил 1,5 миллиона долларов в Рим, чтобы организовать кафедру социального учения церкви, носящую его имя, в Папском Грегорианском университете, а также потратил полмиллиона на открытие кафедры литургии и музыки из средств архидиоцезии, значительная часть которых была получена от семьи Джон⁹. В своих мемуарах в 2009 году Уикленд отмечает: «Я понимал, что люди в первую очередь хранят

⁵ James Gollin, *Worldly Goods* (New York, 1971), p. 492.

⁶ Sam Dillon and Leslie Wayne, “Scandals in the Church: The Money,” *New York Times*, June 13, 2002.

⁷ Ibid.

⁸ Brian Ross, “Archbishop Settles Sex Assault Claim,” *Good Morning America*, May 23, 2002.

⁹ Tom Heinan, “Rome Endowments to Honor Weakland,” *Milwaukee Journal Sentinel*, November 22, 1997.

верность своему приходу, именно с ним они связывают свою католическую веру. Заккрытие или слияние приходов неизбежно должно было уменьшить количество практикующих католиков»¹⁰. Уикленд, которому не раз приходилось прикрывать растлителей детей, пожертвовал кафедральному собору Св. Евангелиста Иоанна в Милуоки бронзовый барельеф стоимостью 100 тысяч долларов, который прославляет святого Иоанна, святую Анну и его самого.

Целибат священников, который любой папа мог бы сделать необязательным, дорого обходится церкви. С 1960-х количество людей, ушедших из священников, превышает количество тех, кто ими стали; многие священники ушли, чтобы вступить в брак, кроме того, среди них широко распространен гомосексуализм. Количество семинаристов снизилось на целых 85 процентов. В одной пятой части 17 958 приходов Америки нет священников. Папы ввели целибат в XI веке главным образом для того, чтобы священники и епископы не могли создавать династии; в тот период церковь стремилась сохранить за собой свои владения и занять достойное место в юридической системе Европы. По словам историка Джеймса Брандеджа, запрет на браки клириков «был важнейшей предпосылкой для освобождения имущества церкви от контроля со стороны мирян»¹¹. Однако сегодня епископы со страшной скоростью распродают церковное имущество, чтобы расплатиться с жертвами священников, которые подлежат уголовному наказанию, но по большей части отправляются на дорогостоящее лечение в специальные центры.

В 1950-х на одного священника приходилось 650 прихожан, сегодня это число выросло до 1600¹². Большинство священников стремятся внести в жизнь прихожан свет Евангелия. Они также занимаются поиском источников финансов для прихода, и потому нехватка священников приводит к финансовым трудностям и потерям. Пастырям приходится полагаться на мирян, многие из которых имеют семьи и нуждаются в хороших зарплатах, в отличие от священников и монахинь, исполнявших эти функции раньше.

Сведения о финансах церкви малодоступны. Лишь немногие диоцезии публикуют полные финансовые отчеты, этого не делает и Конференция католических епископов США, которая обладает вместительным зданием в Вашингтоне, где работает немало служащих. В 2002 году Конференция издала отчет, где говорится, что общий сбор пожертвований на воскресных мессах составил \$5,6 миллиарда, а в приходы поступила общая сумма в \$7,6 миллиарда¹³. Финансовый аналитик Джозеф Клод Харрис, автор книги «Стоимость католических приходов и школ», изучил доступные данные о воскресных пожертвованиях таких людей, как Роуз Мэри Пайпер. «Крупнейшая церковь в мире не располагает точными данными о том, сколько составляет сумма сборов в США, — констатирует Харрис. — Полная картина финансов церкви должна включать в себя *все* доходы и расходы. У нас есть лишь фрагментарные данные. Может быть, это не так уж сложно сосчитать? Если каждый епископ желает получить такую информацию, Конференция католических епископов США способна это сделать»¹⁴.

Харрис исследовал данные о воскресных сборах за 2002 год, используя свежие данные о числе католических семей в США. В 2002 году, когда СМИ начали говорить о скандале в церкви, воскресные сборы, по его подсчетам, дали в сумме \$6,102 миллиарда. В 2003 году,

¹⁰ Rembert G. Weakland, *A Pilgrim in a Pilgrim Church: Memoirs of a Catholic Archbishop* (Grand Rapids, MI, 2009), p. 341. Рассказ Уи-кленда о его попытке договориться с Полом Марком, у которого я брал интервью для расследования, проводимого ABC News, отражает его жалость к себе в сочетании с удивительными фактическими неточностями.

¹¹ James A. Brundage, *Law, Sex, and Christian Society in Medieval Europe* (Chicago, 1987), p. 214.

¹² Douglas MacMillan, "A Business Plan for the Catholic Church", *Business Week*, September 30, 2008.

¹³ *The Catholic Church in America – Meeting Real Needs in Your Neighborhood* (Washington, DC: United States Conference of Catholic Bishops, 2002), pp. 13–14.

¹⁴ Из телефонного интервью с Харрисом, которому предшествовала обстоятельная беседа о том, как он интерпретирует имеющиеся данные.

когда информации о скандале стало гораздо больше, сборы *увеличились* на \$38 миллионов, так что общая сумма составила \$6,140 миллиарда. В 2004 увеличение составило \$207 миллионов, а сумма достигла \$6,347 миллиарда. В 2005 году опять наблюдалось возрастание суммы на \$194 миллиона, так что она составила \$6,541 миллиарда. И в 2006 году (более поздними данными Харрис не располагал) произошел еще более резкий скачок – увеличение суммы на \$441 миллион, так что она достигла \$6,982 миллиарда¹⁵.

Итоговое увеличение суммы воскресных сборов на \$880 миллионов во время самого шумного религиозного скандала в истории Америки свидетельствует о вере католиков «в церковь» – но не в ее структуры власти. Как показал опрос *USA Today*, проведенный в июне 2002 года, 89 процентов католиков считают, что епископ, который покрывает педофила, должен быть смещен. Однако, если не считать бостонского кардинала Бернарда Лоу, лишь немногие из виновных в этом епископы были «понижены». Увеличение объема пожертвований (сделанных наличными или другим способом) показывает, что католики не обращают внимания на замешанных в преступлении епископов и все равно хотят поддерживать свои приходы и программы. Однако кризис со скандалами этим не разрешился.

Согласно одному исследованию, проведенному по поручению епископов, между 1950 и 2002 годами церковь потратила \$353 миллиона на урегулирование отношений с жертвами, юридическую защиту, терапию для жертв и для преступников. Страховщики выплатили \$218,5 миллиона, так что в целом сумма расходов составляет \$571,5 миллиона¹⁶. В 2002 году после разоблачений в газете *Boston Globe* началась цепная реакция: появились многие новые жертвы, требующие возмещения. Между 2002 и 2009 годом церкви пришлось на это потратить \$1,755 миллиарда. Так что в последнее время в среднем соответствующие потери (или расходы) составляют \$203 миллиона за год¹⁷.

Как эта организация справляется с такими значительными потерями?

Краткий ответ будет звучать так – с помощью распродажи собственности; более развернутый ответ – через дефицитное финансирование.

Римско-католическая церковь в Америке переживает небывалое в истории «сокращение». Религиозные инфраструктуры, строившиеся еще за сто с лишним лет до президентства Авраама Линкольна и Джона Кеннеди, со страшной скоростью ликвидируют свои активы. Сами по себе скандалы не могут объяснить, почему идет эта «национальная распродажа по сниженным ценам» (слова Питера Борре), в процессе которой епископы продают церкви.

После 1995 года епископы закрыли 1373 церкви – это более одного прихода в неделю на протяжении пятнадцати лет. Новые приходы возникают в пригородах, а многие старые анклавы иммигрантов из Ирландии, Италии и Восточной Европы превращаются в гетто¹⁸. Люди европейского происхождения занимают более процветающие районы, а усло-

¹⁵ Харрис использовал данные Центра прикладных исследований Апостолата при Университете Джорджтауна (ЦПИА). Он так объяснил свою методику: «Подсчеты суммы воскресных сборов с 2002 по 2006 год происходили следующим образом. ЦПИА ежегодно собирал сведения о сборах с членов Международного католического совета управления. Кроме этого, члены ЦПИА проводили подсчет католических семей по диоцезиям. Для этого они выделили семь регионов: Северо-Восток, Южная Атлантика, Юг, Великие озера, Средний Запад, Горы и Тихоокеанский регион. Сначала мы подсчитали среднюю сумму пожертвований по диоцезиям в каждой диоцезии, готовой с нами сотрудничать. Затем мы помножили средние цифры на количество семей в диоцезиях, которые не предоставили отчета о сборах. Затем мы сложили данные поступивших отчетов с просчитанными нами данными, чтобы оценить общую сумму сборов каждой диоцезии региона. Эту работу мы проделали для каждого региона, чтобы подсчитать общую сумму сборов для пятидесяти штатов и округа Колумбия».

¹⁶ John Jay College of Criminal Justice, *The Nature and Scope of the Problems of Sexual Abuse of Minors by Catholic Priests and Deacons in the United States* (Washington, DC: United States Conference of Catholic Bishops, 2004), p. 105, table 6.

¹⁷ Joseph Claude Harris, “The Sexual Abuse Scandal in the United States: What It Cost” (неопубликованная рукопись, 2010). Подсчеты Харриса основаны на данных ежегодных исследований ЦПИА, связанных с сексуальными скандалами.

¹⁸ В личной беседе с автором данной книги Мэри Готье, доктор философии, сотрудница ЦПИА, объяснила это противоречие так: «Диоцезии по-разному пишут свои отчеты для *The Official Catholic Directory*, откуда и поступают эти данные».

вия жизни бедных людей из цветных ухудшаются. Зброшенные церкви теряют способность себя содержать, помещения приходских школ используются для других целей. Когда суровая нужда вынуждает епископов продавать некоторые церкви, вряд ли они должны радоваться тому, что в трудных районах, где церковь издавна помогала беднякам держаться на плаву, им будет больше не на что надеяться.

В каждой диоцезии приходы пересылают епископу от 5 до 15 процентов своих сборов, в зависимости от потока денег, стоимости поддержания прихода и способности платить. Приходы побогаче платят больше. Эти деньги представляют собой подать (она носит латинское имя *cathedraticum*), которую приход платит диоцезии. Здесь епископ играет роль как начальника налоговой инспекции, так и главного банкира. Диоцезия собирает эти средства, чтобы они приносили проценты; когда приходу нечем расплатиться, епископ может использовать эти проценты. Он также может возложить финансовое бремя бедных приходов на приходы богатые. Он может простить приходу долги или взимать с них проценты, пока те не расплатятся. Он может одолжить деньги приходу на какой-то проект под проценты. Он может переслать деньги в другие диоцезии или в другие страны, нуждающиеся в поддержке. Епископ также ищет деньги на крупные проекты, связанные, скажем, с разрастанием пригородов или обновлением структур.

Когда кто-то становится епископом, он – или его диоцезия – платит Ватикану определенную сумму под названием *taxa*. «Ее размер зависит от размера диоцезии, – объясняет Том Дойль, доминиканец, собирающийся оставить священство, работавший специалистом по каноническому праву в посольстве Ватикана в начале 1980-х. – Как я вспоминаю, когда Джо Бернардин стал кардиналом Чикаго, его *taxa* составляла \$6000. Я подумал, что Чикаго совершил выгодную сделку».

В наши дни многие диоцезии используют рынок облигаций, чтобы произвести реконсолидацию долгов и найти деньги на строительство. «Инвесторы все чаще видят в тарелке для сборов пожертвований надежный источник наличных, – писал Джеймс Фримен в газете *Wall Street Journal*. – Церковные долги, которые все чаще продаются в виде ценных бумаг, представляют собой нечто вроде тихой гавани на бурном рынке кредита»¹⁹.

Традиционно принято видеть в епископе защитника иммигрантов и бедных, многие иерархи исполняют эту роль, способствующую улучшению общества. Кардиналов называют «князьями церкви»; каждый епископ действует как глава своего княжества. При такой монархической структуре каждый епископ распоряжается деньгами по своему личному усмотрению – в зависимости от того, как он относится к внутренним фондам, собственности, капиталовложениям, социальным программам и приходской жизни. Но, что бы они ни делали с деньгами, обычно епископы ни перед кем не дают отчета о своих решениях. Изредка Ватикан снимает с поста некомпетентных епископов, но обычно иерархи действуют без контроля извне, коль скоро они не отступают от догматов. В конце 1990-х кардинал Энтони Бевилаква потратил \$5 миллионов на реконструкцию дома для отдыха, принадлежащего архидиоцезии, на побережье Нью-Джерси, своей резиденции в Филадельфии и трех зданий офисов. Одновременно он закрыл пятнадцать городских приходов в бедных районах, у которых накопился дефицит в общей сумме на \$1,2 миллиона. «Бевилаква потратил примерно \$5 миллионов, не оповестив публику об этих расходах, а в некоторых случаях даже не известив об этом своих советников», – писал Ральф Киприано в своем расследовании в газете *National Catholic Reporter*.

Скажем, если в диоцезии три прихода сливаются в один, нужно написать, что закрыто три прихода и один открыт. Слишком часто они этого не учитывают». Тем не менее «новый» приход, созданный из нескольких прежних, не то же самое, что церковь, которую строят, чтобы она стала католическим приходом.

¹⁹ James Freeman, "Pennies Backed by Heaven", *Wall Street Journal*, May 16, 2008.

В одном случае архидиоцезия не уведомила городские власти о реконструкции своего центрального офиса, что нарушает муниципальные законы.

Несмотря на его образ в глазах публики, в частной жизни Бевилаквы держится замкнуто. Как сообщают, он живет один на каменной викторианской вилле с тридцатью комнатами, которая считается официальной резиденцией епископа... с разукрашенными внутренними стенами, латунными перилами, стульями в стиле королевы Анны, зеркалами в позолоченных рамах, изысканными розовыми и в цветочек порттьерами, розовыми кушетками под парчой, гигантскими кроватями с балдахинами, латунными подсвечниками, латунными канделябрами и отполированными каменными статуями итальянских борзых²⁰.

Простые прихожане нисколько не участвовали в выборах кардинала Бевилаквы. Это делал Ватикан и другие епископы. И они – как узнал один мирянин в Филадельфии во время особенно яркого скандала с педофилией – не могут добиться его снятия с поста. Это может сделать только папа или прокурор. Окружной прокурор возглавил продолжительное расследование большого жюри в 2004–2005 годах, которое в итоге вынесло такое решение: законы Пенсильвании не дают оснований для судебного преследования Бевилаквы за укрывательство педофилов – за давностью срока событий. В отчете большого жюри 2005 года говорится о тяжести вины кардинала: «отягчающим обстоятельством здесь служит тот факт, что вред, который, с ведома кардинала Бевилаквы и его помощников, был причинен детям – растление, изнасилования, пожизненное чувство стыда и отчаяния, – не был следствием случайности или ошибки, если не говорить о таковых явлениях в нравственном смысле. Причинение вреда стало возможным благодаря сознательным решениям, тщательно продуманным мерам и целенаправленному бездействию»²¹.

²⁰ Ralph Cipriano, "Lavish Spending in Archdiocese Skips Inner City", *National Catholic Reporter*, June 19, 1998.

²¹ "A Continuous, Concerted Campaign of Cover-up", excerpts from the Grand Jury's Report, *Philadelphia Inquirer*, September 22, 2005.

Дилемма растраты

Католичество в своей истории породило культуру пассивности, установку вроде «молись, плати и слушайся», так что католики молчаливо предполагают, что их даяния, которыми справедливо распоряжаются иерархи, тратятся «на благо церкви». Это ветхое выражение скрывает за собой растяжимое понятие, отражающее комизм ситуации. Католики слишком мало знают о том, как – хорошо или дурно – епископы и другие ответственные тратят деньги прихожан, и о состоянии церковных финансов в целом. Огромнейшая организация в мире имеет характер монархии, не предусматривающей ни подотчетности, ни настоящей системы правосудия. Воровство и растраты со стороны американских священников и работников церкви приводят к существенным потерям. Профессор Чарльз Зех, экономист Университета Виллановы и директор Центра по изучению управления в Церкви, опубликовал с соавтором отчет, где содержатся следующие сведения: 85 процентов диоцезий, согласившихся участвовать в опросе, признают, что их деньги разворовывают. В одиннадцати процентах случаев речь идет о потерях, превышающих \$500 тысяч²².

Так, в 2009 году присяжные Уэст-Пальм-Бич (штат Флорида) признали отца Френсиса Гуинана, 66 лет, виновным в краже в крупных размерах, разобрав показания о том, как он в течение многих лет обращался с финансами своего прихода Св. Винсента Феррера. Суд приговорил отца Гуинана к четырехлетнему заключению. Второй священник Иоанн Скехен получил срок четырнадцать месяцев после признания своей вины и обещания возместить нанесенный ущерб, выплатив \$780 тысяч²³. Эти священники ирландского происхождения тратили деньги церкви на дорогие путешествия, женщин и роскошную жизнь. В американских СМИ мы найдем десятки случаев кражи церковных денег священниками и сотрудниками церкви из мирян. Эта проблема встречается и в других деноминациях. В случае преступлений католиков мы крайне редко слышим о том, что священнику запрещают служить.

Рассмотрим случай монсеньора Джона Вулси, бывшего пастыря Верхнего Ист-Сайда в Манхэттене, который в 2006 году признал себя виновным в крупном воровстве, поскольку похитил более \$50 тысяч из церковной кассы. Обвинители утверждали, что в течение последних семи лет Вулси присвоил себе более \$800 тысяч. Его приход, церковь Св. Иоанна Мученика, подала иск на страховую компанию Travelers Crime Plus, отказавшуюся выплатить \$1,2 миллиона, которые приход потерял в результате воровства Вулси. Священник провел один год в тюрьме. После его освобождения официальный представитель архидиоцезии Нью-Йорка заявил: «Теперь нам предстоит обстоятельно поговорить с монсеньором Вулси о его будущем»²⁴.

Подобные новости, как и отчет Университета Виллановы, не должны нас удивлять. Майкл Райен, ушедший на пенсию менеджер Инспекции Почтовой службы США, в течение нескольких лет занимался ревизией на местах банковской системы отделений почты. На протяжении десятилетий Райен, нестигаемый католик и отец пятерых детей, терпеливо писал письма епископам, кардиналам и в Центр прикладных исследований Апостолата (ЦПИА),

²² Robert West and Charles Zech, "Internal Financial Controls in the U.S. Church" (Villanova, PA: Villanova University, Center for the Study of Church Management, January 2007).

²³ Susan Spencer-Wendel, "Bookkeepers Believed Priest Was Skimming from Church", *Palm Beach Post*, February 18, 2009; and "Jury Finds Priest Stole Collections", *Palm Beach Post*, February 23, 2009.

²⁴ Anemona Hartocollis, "Monsignor Gets 4-Year Sentence for Large Thefts from His East Side Parish", *New York Times*, September 23, 2006; Associated Press, "N.Y. Church Sues Insurer Over \$1.2 Million Thefts Blamed on Priest", *Insurance Journal*, January 26, 2005; Veronika Belenkaya, "Priest Who Swindled East Side Parish Released from Prison", *New York Daily News*, September 22, 2007.

предлагая им свою программу защиты сборов церкви от нечестных служителей. Епископы избегали его как чумы. Письма и статьи Райена доступны на сайте www.churchsecurity.info.

«Предположим, – писал Райен, – из-за мошенничества около 17 900 приходов постоянно теряют около 10 процентов денег. Это значит, что средний приход теряет около \$1000 в неделю, то есть около \$50 тысяч в год. Это означает, что за год только в результате присвоения сборов церковь теряет около \$90 миллионов». Если Райен прав, это означает, что примерно за то же время, за которое церковь потеряла \$1,775 миллиарда из-за сексуальных скандалов, присвоение и воровство со стороны священников и сотрудников лишило ее \$2,16 миллиарда²⁵. Конечно, подсчеты Райена неточны. Они вызывают насмешку Джозефа Харриса, который любит точные данные. Однако выводы Райена разделяют многие другие достойные аналитики.

Леон Панетта, директор ЦРУ при Обаме (ранее глава Белого дома при Клинтоне), с 2002 по 2004 год служил в Национальном совете по защите детей и подростков, состоящем из выдающихся католиков-мирян, которым Конференция епископов поручила расследовать кризис вокруг сексуальных преступлений в церкви и выработать меры по исправлению ситуации. Панетта призывал церковь к введению мер внешнего контроля над финансами. «Им нужно обрести способность вступить в XXI век, – сказал он корреспонденту *USA Today*, – и ввести некоторые меры управления, которые обеспечивают защиту доверия к ним прихожан»²⁶.

Теренс Мак-Кирнан, возглавляющий сайт BishopAccountability.org, на котором собраны материалы о кризисе в Католической церкви, собрал данные СМИ (опирающиеся на официальные обвинения, приговоры и гражданские иски) о шестидесяти девяти случаях кражи денег внутри церкви, приведших к потерям в общей сумме на \$38,5 миллиона. Во многих случаях обвинители утверждали, что объем присвоенных денег был больше. Если принять во внимание эти обвинения, общая сумма присвоенного составит \$81,5 миллиона. Мы не знаем, какую часть этих потерь возместило страхование и что было при этом потрачено на страховые взносы, мы не знаем. «Раскрытые потери, – говорит Мак-Кирнан, – это лишь часть целого. Мы имеем дело с неподконтрольными потоками наличности. Большинство случаев краж в приходах, диоцезиях и организациях, которыми управляют религиоз-

²⁵ Майкл Райен опирается на данные о количестве прихожан аффилированного центра ЦПИА при Университете Джорджауна, а данные о финансах почерпнул из отчетов в СМИ, которые он собирал на протяжении более двадцати лет, изучая феномен присвоения денег в Католической церкви. Он делает вывод, что в 2010 календарном году потери в результате присвоения составили около \$90 миллионов. Райен пишет: «Иногда в статьях о конкретных финансовых преступлениях говорится о том, что украденные деньги возвращает диоцезия, выполняющая функцию своей собственной страховой компании. Сомневаюсь в том, что какая-либо коммерческая страховая компания согласится защищать приход или определенную диоцезию, не потребовав от них принятия вполне доступных мер, которые бы предотвратили любого рода присвоение сборов. При обнаружении присвоения страховщику нередко приходится выплачивать огромные суммы денег, а многие официальные представители диоцезии в таких случаях спешат заявить, что потери, понесенные пострадавшим приходом, покрыты структурами страхования. Но, платят ли в этом случае коммерческие страховщики или фонды диоцезии, это все равно потеря, и такие случаи следует предотвращать». Райен продолжает: «Вывод о том, что в 2010 году было потеряно \$90 миллионов сборов, основан на следующих расчетах. В среднем присвоение сборов составляет \$25 тысяч, или около \$500 в неделю, и в любой данный момент такое присвоение происходит в 20 процентах приходов. 20 процентов от 17 958 (данные ЦПИА на 2010 год) американских приходов – это 3592 прихода. Умножив их число на среднюю потерю от присвоения в приходе, мы получим \$89,8 миллиона – потери одного только 2010 года. Были подсчитаны потери других годов (1965, 1974, 1975, 1984 и т. д.) на основе базового 2010 года с \$89,8 миллиона потерь с учетом индекса потребительских цен, чтобы установить эквивалент стоимости доллара для каждого из ключевых годов. Средняя потеря за несколько лет между ключевыми годами была вычислена следующим образом: мы сложили потери начального и конечного года и поделили сумму на два». Оценка потерь в результате присвоения сборов в Католической церкви США **Суммарные потери за 1965–2010 годы составляют: \$2,317,036,000*** Ежегодные потери высчитываются на основании предпосылки, что в 20 % существующих приходов в среднем потеряли по \$25,000 в 2010 календарном году. Потери других лет, отображенные в левом столбце, были вычислены с учетом индекса потребительских цен на 2010 календарный год.† Центр прикладных исследований Апостолата, http://cara.georgetown.edu/CARA_Services/requestedchurchstats.html.‡ Вычислено на основании тенденций, на которые указывают данные ЦПИА. Estimated from trend reflected by CARA figures.

²⁶ Alan Gomez, “Bishops Look at Fleecings of Flocks”, *USA Today*, February 18, 2007.

ные ордена, остаются в тени. Одни и те же структурные проблемы и делают эти преступления возможными, и мешают их выявлять. В целом исследование Университета Виллановы с иной точки зрения показывает, что потери от присвоения за каждый год не поддаются подсчету».

«Особенность власти епископов, — объясняет Майкл Райен, — заключается в том, что они находятся вне поля конструктивной критики. Думаю, они отказываются принять меры для контроля за сборами церкви в первую очередь потому, что они привыкли к пастырскому подходу: они знают, какой воцарится ад, если они изменят нынешнюю систему, где священник может «походить вокруг денег» до того, как их отправляют в банк».

«Многие священники и прихожане не считают ситуацию, когда священник распоряжается деньгами по своему усмотрению, воровством», — добавляет Мак-Кирнан. По мнению Райена, когда деньги помещены в банк, для получения наличных священнику приходится выписывать чеки. Финансовый совет прихода будет отслеживать движения средств на счету, обращая особое внимание на наличный счет. Необходимо всегда подсчитывать воскресные сборы в присутствии двух людей и следить за тем, чтобы суммарная сумма соответствовала той, что кладется в банк и отражена в соответствующем бланке. На протяжении многих лет епископы уверяли, что они не могут ввести жесткие стандарты устранения растлителей детей, потому что каждый епископ действует автономно. Но они изменили свою политику в 2002 году, когда были введены меры по защите детей и подростков. То же самое они могли бы сделать и в отношении контроля над сборами. Эта мера, утверждает Райен, значительно бы повысила приток средств в диоцезии. Соответственно, по словам Мак-Кирнана, «потери могут оставаться незамеченными на протяжении десятилетий».

Если же мы обратим внимание на собранные на сайте BishopAccountability.org database факты о финансовых потерях религиозных орденов, мы поймем, что здесь ситуация еще хуже. В Филадельфии касса религиозных орденов столь же уязвима, как и в диоцезиях. В 2007 году большое жюри обвинило отца Чарльза Ньюмена из Ордена младших братьев в присвоении путем воровства и подлога средств Школы имени архиепископа Райена (где Ньюмен исполнял должности преподавателя, директора, а затем президента) и ордена францисканцев на общую сумму в \$1 033 748. Часть этих денег, согласно материалам обвинения, Ньюмен тратил на мальчика, которого он растлил и содержал; позже этот юноша погиб от передозировки наркотиков. Ньюмена признали виновным в финансовом преступлении и в 2009 году приговорили к тюремному заключению сроком от трех до шести лет²⁷.

²⁷ Julie Shaw, “Priest Admits Stealing from School: Sex Abuse, Drug Use Alleged”, *Philadelphia Daily News*, March 10, 2009; Joseph A. Slobodzian, “Judge Calls Priest Liar; Sends Him to Prison for \$900,000 Theft”, *Philadelphia Inquirer*, May 22, 2009.

Финансовая подотчетность

В 1985 году, изучая доступные сырые данные, Эндрю М. Грили обнаружил, что католики в среднем жертвуют церкви \$320 в год, тогда как этот показатель для протестантов составляет \$580. Отец Грили, выдающийся социолог, объясняет это таким образом: «Снижение количества пожертвований среди католиков за последние двадцать пять лет – это результат неудачного управления и отчуждения прихожан не от католической общины или от таинств церкви, но от церковных институтов»²⁸. На протяжении последующей четверти века после 1985 года это отчуждение от структур управления стало еще глубже. Как показывает одно исследование 1994 года, церковь потеряла \$1,96 миллиарда за год из-за «скупых пожертвований» – то есть это потери от той суммы, которую епископы «могли бы собрать за год, если бы католики жертвовали столько же денег, сколько жертвует средний американец» другой религиозной организации²⁹. В работе 2000 года под провокационным названием «Почему католики не жертвуют... и что с этим делать» профессор из Виллановы Чарльз Зех, опираясь на данные исследования, делает следующий вывод: католики «ощущают, что недостаточно влияют на решения церкви, не имеют информации о том, на что церковь тратит деньги, и не думают, что их иерархи кому-либо отчитываются в том, как они тратят собранные с прихожан деньги»³⁰.

Епископы, призванные осуществлять дела милосердия, не должны отчитываться о доходах и расходах перед акционерами или внутренней налоговой службой. Такое положение вещей не вызывало сомнений до тех пор, пока СМИ не показали, как некоторые прелаты покрывают сексуальные скандалы, тратя деньги на урегулирование конфликтов. Это вызвало вопросы о характере использования денег прихожан и породило стремление к прозрачности, так что сегодня многие епископы размещают финансовые отчеты диоцезий на своих веб-сайтах. Специалист по бухгалтерскому делу профессор Джек Рул, заместитель декана в Хавортском колледже бизнеса при Университете Западного Мичигана, занимается изучением вопроса о доступности информации о финансах Католической церкви в США. Он сообщает:

115 из 194 диоцезий и архидиоцезий предоставляют свои конечные или обзорные финансовые отчеты в Интернете. 39 из оставшихся не предоставляют финансовые отчеты публике. В 12 диоцезиях нужен письменный запрос на имя главного финансового инспектора, который, если сочтет нужным, может предоставить эти сведения. Другие 28 диоцезий публикуют отчеты иного рода, возможно, не подвергавшиеся ревизии. Только 5 из 115 отчетов, прошедших ревизию, содержат сведения по приходам. Оставшиеся 110 – это прошедшие ревизию отчеты административных управлений. Поскольку в этих отчетах нет прошедших ревизию отчетов приходов, эти документы практически бесполезны для того, кто стремится исследовать финансовое положение дел в диоцезии.

Высокой надежностью обладает только полный набор финансовых отчетов, прошедших ревизию в независимых бухгалтерских компаниях.

Бухгалтерская компания не может составить прошедший ревизию отчет, не включив в него все нужные данные. Рул говорит, что можно с доверием относиться к отчетам архи-

²⁸ Andrew Greeley and William McManus, *Catholic Contributions: Sociology and Policy* (Chicago, 1985), pp. 2–3.

²⁹ Данные исследования Joseph Claude Harris, *The Cost of Catholic Parishes and Schools* (Kansas City, MO, 1996) приводятся по Charles E. Zech, *Why Catholics Don't Give... and What Can Be Done About It* (Huntington, IN, 2000), p. 13.

³⁰ Zech, *Why Catholics Don't Give*, p. 71.

диоцезии Бостона и диоцезий Лос-Анджелеса и Каламазу (Мичиган), предоставивших полноценные и проверенные отчеты, и продолжает:

Обзорный отчет по охвату значительно меньше отчета, прошедшего аудит. Такую неполную информацию приводит архидиоцезия Чикаго.

Финансовые отчеты, не проверенные бухгалтерской компанией, недостоверны. Для их составления достаточно попросить бухгалтера устранить лишь очевидные ошибки. Такой отчет приводит архидиоцезия Нового Орлеана. Его данные могут быть верными, а могут и не быть таковыми. Он не содержит полного набора необходимых финансовых отчетов и замечаний.

Атланта, Остин, Арлингтон и Анкоридж приводят прошедшие ревизию отчеты, но без данных по приходам. Диоцезия Остина утверждает, что ее приходы и другие организации прошли отдельную проверку. Чтобы убедиться в том, что средства не были потрачены на урегулирование сексуальных скандалов, нужно иметь полную уверенность в том, что такая отдельная проверка проводилась. «Особого рода» отчет Анкориджа не соответствует общепринятым бухгалтерским стандартам.

Наконец, некоторые финансовые отчеты даже не содержат отчета аудитора. Кто-то мог нарисовать в них любые произвольные цифры. Такого рода отчет, например, приводит архидиоцезия Филадельфии³¹.

Церковь испытывает значительные трудности с обеспечением престарелых священников и монахинь, многие из которых никогда не вносили денег в фонд социального страхования. В 2009 году архидиоцезии Лос-Анджелеса не хватало \$98 миллионов на выплату пенсий и содержание духовенства, вышедшего на пенсию. В 2010 году архидиоцезии Чикаго не хватало \$103 миллиона на эти цели, а архидиоцезии Бостона – \$104 миллиона. Это лишь отчасти объясняется финансовым кризисом, снизившим доходы от инвестиций. Сексуальные скандалы дорого обошлись церкви. Люди стали давать меньше денег, потому что совсем покинули церковь, или утратили доверие к епископам, или их возможности ограничил общий финансовый кризис. В 2003 году религиозным орденам на обеспечение своих членов из престарелых не хватало \$8,7 миллиона. Из 573 религиозных общин, согласившихся представить данные для исследования, лишь 38 обладали достаточными средствами для обеспечения престарелых³².

Это грустные факты, особенно если вспомнить о том, какую значительную роль сыграли монахини в развитии католических школ, госпиталей и приютов для сирот. Сегодня эти инфраструктуры влияют на жизнь всего общества, а не только верующих. В католических школах учатся дети из бедных районов из некатолических семей. Церковь работает с бедными, иммигрантами и отверженными, нередко при этом осуществляя социальные программы государства. Американская католическая благотворительность (АКБ) была организацией, которая играла ведущую роль в деле помощи вьетнамским беженцам, оказавшимся в США в конце 1970-х, или семьям побережья Мексиканского залива, пострадавшим при разливе нефти компании по поверхности воды в 2010 году. Отец Фред Кеммер, член ордена иезуитов и бывший президент АКБ, пишет: «В Соединенных Штатах Римско-католическая церковь руководит самыми большими частными школами, крупнейшими частными здравоохранительными заведениями и обширнейшей частной системой социальных служб. Мы выстроили параллельную систему, которой почти исключительно занимались посвятившие

³¹ Джек Рул (Jack Ruhl), личная беседа с автором.

³² См. “Mercer Actuarial Study”, National Religious Retirement Office, www.nccbuscc.org/nrro.

себя этому служению католики» – здесь он имеет в виду священников, монахов и монахинь религиозных орденов, а не духовенство диоцезии. «Теперь же в трех этих системах преимущественно работают миряне. Они служат другим мирянам и не католикам. Если взглянуть на это явление негативно, можно жаловаться на нехватку священников. С другой же стороны, это знак церкви после Второго Ватиканского собора, выход на сцену мирян, понимающих, что крещение есть призыв к служению. Такова реальность»³³.

В 2007 году бюджет АКБ составлял \$3,8 миллиарда. Сорок процентов средств поступило из фондов штата и местных властей, а 11 процентов из федеральных грантов. Более \$440 миллионов было отведено на программы помощи нуждающимся детям и семьям, включая интернаты и приемные семьи³⁴. В каждой диоцезии у АКБ существуют свой бюджет, свои программы и свой фандрайзинг. В целом в АКБ трудятся 50 тысяч сотрудников и 250 тысяч добровольцев, и ее службы составляют важную часть всей сети социальной защиты страны.

³³ Fred Kammer, SJ, "The Jaynotes Interview", *Jaynotes: The Magazine of Jesuit High School in New Orleans, Graduation 2008* 34, no. 2 (2008): 28.

³⁴ Fred Kammer, SJ, *Faith. Works. Wonders. An Insider's Guide to Catholic Charities* (Eugene, OR, 2009), pp. 63–64.

Ватикан

Святейший престол ежегодно в июле публикует свой финансовый отчет, хотя он не дает ясной картины имущества Ватикана и его стоимости. Там есть две главные категории: город-государство Ватикан и так называемая Апостольская вотчина (Патримония). Доходы города-государства связаны с недвижимостью, музеями, магазинами с сувенирами, марками и монетами. Апостольская вотчина – это управление, или Курия, она руководит 120 дипломатическими миссиями, издательством, передачей Радио Ватикан и ежедневной газетой *L'Osservatore Romano*. Доходы города-государства обычно покрывают расходы Патримонии. В 2006 году, как показывает отчет, доходы Ватикана на \$3,2 миллиона превысили расходы, несмотря на потери в \$9,5 миллиона из-за соотношений курсов евро и доллара. «Большинство пожертвований Ватикану, как и некоторые его инвестиции, делаются в долларах, но расходует Ватикан преимущественно евро», – отмечала Католическая служба новостей³⁵. Но у Святейшего престола есть важные активы, о которых не упоминает финансовый отчет Банка Ватикана.

В 1984 году Банк Ватикана согласился выплатить \$242 миллиона трем банкам-кредиторам в качестве компенсации за то, что Ватикан участвовал в схеме отмывания денег банка Роберто Кальви Banco Ambrosiano, который разорился, оставив после себя \$1,2 миллиарда долга. Банк Ватикана обычно «вне бухгалтерии», это черная дыра в финансовом отчете Святейшего престола. Поэтому чистый капитал Святейшего престола остается тайной. Вычет суммы денежных обязательств из заниженной суммы стоимости активов ничего не дает. Тем не менее в 2007 году Ватикан указал в своей балансовой ведомости, что общая стоимость его активов составляет 1,4 миллиарда евро, то есть около 2,05 миллиарда долларов США. Это показывает объем средств, поступающих к Святейшему престолу от арендованной собственности в Европе. «Этот чистый капитал невелик для национального правительства, – комментирует Джек Рул, – однако здесь стоимость активов значительно занижена. Так, указанная стоимость базилики Св. Петра и других исторических зданий составляет по 1 евро за здание (\$1,47)».

В отчете ничего не говорится о таком имуществе, как золото. «Святейший престол располагает почти [метрической] тонной золота, которое на сегодняшнем нестабильном рынке стоит около 15 миллионов фунтов стерлингов», – писал в 2008 году Роберт Микенс, римский корреспондент английского независимого католического журнала *The Tablet*³⁶. «Я никогда не видел в финансовых отчетах отдельного упоминания о золоте, – комментирует Рул. – Обычно золото используется не для инвестиций, но для спекуляций, поскольку золотой рынок крайне нестабилен. Поскольку Святейший престол дает заниженные сведения о стоимости своих активов, нам невозможно их оценить». Город-государство Ватикан и Апостольская Патримония в финансовом плане надежно защищены, однако остающиеся в тени доходы Банка Ватикана не позволяют говорить о какой-либо «прозрачности» Святейшего престола.

Между тем, восемь американских диоцезий и северо-западная провинция Общества Иисуса (куда входит Аляска) пытались заявить о своем банкротстве, чтобы снизить суммы, которые по приговорам суда они должны были выплатить жертвам сексуальных преступлений. Когда в СМИ появились отчеты о регистрации банкротства и соответствующих гражданских судебных процессах, публику удивлял один вопрос: каким образом столь могуще-

³⁵ Cindy Wooden, “2006 Vatican Budget Closes with Surplus; Peter’s Pence up \$42 Million”, Catholic News Service, July 6, 2007.

³⁶ Robert Mickens, “Church with a Midas Touch”, *The Tablet*, September 27, 2008.

ственная церковь могла потерять около \$4 миллиардов (учитывая потери от присвоений) с 1965 года? Те же самые епископы, которые покрывали педофилов, решительно отказывались принимать меры контроля над использованием воскресных сборов. Защитники церкви утверждали, что суды несправедливо требуют выплатить слишком большие суммы на урегулирование, однако Ватикан не мог контролировать своих епископов по той причине, что его юридическая система страдает серьезными недостатками.

Коррупция в церкви – это просто историческая реальность. В истории демократии мы тоже найдем кошмарные страницы. Церковь как духовная реальность обладала устойчивостью и потому смогла оказывать пастырскую заботу, облегчать страдания людей и оказывать жизненно важную помощь нуждающимся. Сестра Кристин Шенк, акушерка и известный политический активист в Кливленде, которая еще будет играть важнейшую роль на страницах этой книги, говорит об этом так: «Мы видим, что церковь оказывала прямую помощь жертвам СПИДа в Африке или жертвам стихийного бедствия в Гаити и во многих других странах, причем она стояла в первых рядах. Церковь – одна из немногих международных организаций, которая собирает верующих вокруг тех вещей, что *не* приносят дохода, – вокруг помощи бедным, организации образования и питания, ухода за больными с помощью миссионерских служб. Об этом не слишком много говорят в новостях, но эти повседневные дела свидетельствуют об имени Христа. Церковь обладает сетью коммуникации, через которую можно связаться со многими бедными людьми мира, с теми, кто находится за бортом. Это не Microsoft. Это ответ на призыв Иисуса. Какой бы безумной ни была монархия Ватикана с ее политикой отдачи приказов сверху, католическая сеть тех, кто действительно помогает людям, распространяется повсеместно, это настоящее свидетельство о добре во всем мире».

Эта сакраментальная картина, этот дух ответственности за тех, кто отвержен обществом, позволяет многим из нас сохранять веру, несмотря на скандалы в официальной церкви. Блаженный Августин говорил, что справедливость – это такая добродетель, которая позволяет каждому воздавать должное. Церкви крайне необходима внутренняя справедливость.

В данной книге я иду тем же путем, что и в книге «Не введи нас во искушение» (1992), которая была результатом семи лет исследований и попытки очертить контуры национального скандала. Отдельные раскрытые тогда случаи злоупотреблений в Бостоне и Лос-Анджелесе привели меня к выводу о том, что, если бы мы получили доступ к закрытым архивам этих архидиоцезий, мы открыли бы для себя историю коррупции невиданных размеров. Тогда я не верил, что подобная информация когда-либо станет достоянием публики. Журналисты ссылались на мои подсчеты, согласно которым на ранней стадии скандала юридические и медицинские расходы на четыреста случаев со священниками составили \$400 миллионов. После ряда публикаций в *Boston Globe* в 2002 году можно было понять, что была открыта новая глава старого скандала. Под давлением публики Конференция епископов в итоге опубликовала закрытые данные: между 1950 и 2002 годами 4392 священника были пойманы на сексуальных преступлениях против детей и подростков³⁷.

В 2004 году вышла книга «Обет молчания», написанная мною в соавторстве с Джеральдом Реннером, многие годы возглавлявшим религиозный отдел в газете *Hartford Courant*. Именно в этой газете мы впервые заявили, что Ватикан не нашел достойного ответа на обвинения в педофилии, выдвинутые против Марсиаля Масьея, основателя Легиона Христа.

³⁷ *The Nature and Scope of the Problems of Sexual Abuse of Minors by Catholic Priests and Deacons in the United States*. В отчете была приведена заниженная цифра количества жертв; исследователи John Jay не провели интервью с обвинителями, обладавшими большим опытом в подобных процессах, отчеты епископов не снабжены перекрестными ссылками на данные групп помощи жертвам сексуальных преступлений, совершенных священниками. Глубокий анализ этого отчета – см. Mary Gail Frawley O'Dea, *Perversion of Power: Sexual Abuse in the Catholic Church* (Nashville, 2007).

В 2008 году я снял документальный фильм на основе книги и некоторых новых фактов. В главе 7 этой книги мы анализируем вопрос глубже, рассказывая о финансовых приключениях Масьеля и показывая, что они отражают правосудие Ватикана.

Данная книга – это завершение трилогии, посвященной расследованию скандала в Католической церкви. После моего первого расследования в 1985 году дела о злоупотреблениях священника каджунского прихода в Лафейетт (штат Луизиана) я переключил внимание на культуру, историю джаза и роман – эти труды заставляли меня думать о вдохновляющих тайнах жизни, в частности жизни моей родины, Нового Орлеана, воскреснувшего после потопа. Признаюсь, из-за этих вещей я пропитался оптимистическим отношением к человеческому эксперименту. Такое мое умонастроение несколько удивляло Джеральда Реннера, который упомянут в посвящении данной книги. Джеральд умер от рака в 2007 году в возрасте 76 лет. Я часто думал о нем, когда писал эту книгу. Он был репортером несокрушимой честности, а кроме того, любил хороший бурбон. Он обладал великим ирландским сердцем. Это один из самых замечательных людей среди тех, кого я знал.

1

Бостон: слабое звено

Питер Борре уже прожил шесть с половиной десятилетий, и подобно большинству мужчин, обретших семейную гармонию, он понимал, что женщины обычно правы. Постепенно усвоив эту драгоценную мудрость, он уже знал, что о некоторых вещах спорить с женщинами бесполезно.

Он с женой жил в их собственной квартире возле старой верфи, откуда можно было видеть парусные суда, стоящие возле бостонской гавани, и широкую панораму города. Во времена Второй мировой войны сорок тысяч рабочих строили здесь миноносцы; теперь же, как и в других бывших промышленных зонах в городах Америки, большую часть верфи заняли дома для обеспеченных людей. Стены его квартиры были украшены огромными цветными фотографиями, сделанными его женой Мэри Бет в их путешествиях: на них были запечатлены цветы Финляндии, резные двери Марракеша и изогнутый пешеходный мостик Таити.

Борре работал в нефтегазовой промышленности, он разрабатывал электростанции и местные энергосистемы. Он владел холдинговой компанией, занимающейся энергетикой. В 1980-х Борре работал для Mobil над разработкой проектов, связанных с природным газом в Западной Африке, и занимался маркетингом в Европе. До этого он работал на правительство: в 1973 году он стал сотрудником разведки Комиссии по энергетике в администрации Никсона, затем занял место товарища секретаря по международным отношениям при Джимми Картере, когда Комиссия была преобразована в Министерство энергии, где он прослужил еще один год и во время президентства Рональда Рейгана. Но геополитика и бизнес, которыми он занимался, не давали ему доступа к духовной жизни его 49-летней жены Мэри Бет, активистки демократической партии.

Каждое воскресенье, пока Мэри Бет смотрела передачу *Meet the Press*, Питер Борре вместе со своей тещей Роуз Мэри Бет ходил в церковь задолго до того, как в 2002 году газета *Boston Globe* начала публиковать материалы о том, как кардинал Бернард Лоу вместе со своими подчиненными епископами покрывал священников, совершивших растление малолетних. Эти публикации вызвали цепную реакцию в американских СМИ, а затем и в других странах, породив кризис, к которому хрупкий и больной папа Иоанн Павел II совершенно не был готов. К зиме 2004 года тема епископов, скрывающих преступных клириков от закона, стала менее популярной. СМИ переключились на историю предварительных президентских выборов демократов и на спорный фильм Мела Гибсона «Страсти Христовы». В 1996 году Мэри Бет Борре участвовала в организации кампании по перевыборам Билла Клинтона. Теперь ее мало интересовал кандидат с наибольшими шансами – сенатор от Массачусетса Джон Керри. Ей как-то пришлось участвовать в сборе средств для Керри в день его рождения, и ее поразили амбиции этого человека. Хотя она страстно интересовалась новостями, Мэри Бет устала от работы в предвыборных кампаниях. Бостон оказался эпицентром скандала с преступлениями священников, и церковь здесь испытывала финансовые судороги.

Мэри Бет и ее сестра Клавдия поместили своего отца, Билла Пайпера, в интернат, находящийся неподалеку от жилья Клавдии в Винчестере. Пока девушки росли, у него бывали приступы депрессии, а после выхода на пенсию у него нашли болезнь Паркинсона и затем слабоумие. Братья Мэри Бет, живущие в Делавэре и Калифорнии, отошли от церкви, Клавдия же исповедовала унитарянство. Мэри Бет ходила на мессу со своей матерью раз в году, на Рождество, это было просто данью семейным традициям. Она интересовалась духовной жизнью, но презирала организованную религию.

В течение шести месяцев Роуз жила вместе с Мэри Бет и Питером в их квартире, пока она искала себе дом в Бостоне. Когда она нашла жилье неподалеку от Клавдии и интерната, Билл изъявил желание снова жить дома вместе с Роуз.

Питер на семнадцать лет старше своей жены Мэри Бет. Наблюдая за реакцией мужа на публикации в газете *Globe*, она решила, что утонченное воспитание американца в Риме, хотя здесь не участвовали монахини, сделало из Питера итальянского католика. Католицизм для него был эстетическим феноменом, тогда как она сама сталкивалась с более пуританскими проявлениями веры. Мэри родилась в 1955 году и была старшеклассницей в Хокессине (штат Делавэр), когда Верховный суд после дела Роу против Уэйда принял решение о легализации аборт. Под влиянием Глории Стейнем и Жермен Грир Мэри Бет Пайпер становилась феминисткой, и она скрежетала зубами, слушая проповеди старого священника против аборт. Позднее она заметила, что молодой священнослужитель их прихода, блондин с покрашенными волосами в одеяниях с блестками (которые шила ее мать), переживал свою тайную драму. В то время ее завораживали социальные изменения, о которых каждый вечер говорили телевизионные выпуски новостей: борьба за гражданские права и права геев, феминизм и протесты против войны во Вьетнаме. Ее возмущали слова о чудесах и загробной жизни, которые она слышала на уроках религии. Ей хотелось найти смысл этой жизни и прямо сейчас. Она считала, что женщина имеет право сделать аборт, что вызывало недовольство ее матери. Когда она пыталась выйти из дому, не надев лифчика, мать возмущалась. «Из тощей девчонки Мэри Бет превратилась в привлекательную девушку, обладавшую всем, что нужно», – вспоминала Роуз, которая была ирландкой из Нью-Йорка в четвертом поколении со своими стандартами вкуса. Пресвитерианец Билл относился к дочери спокойнее, и его было несложно убедить в чем угодно. Попав в колледж, где она познакомилась с гомосексуалистами, Мэри Бет еще больше удалилась от церкви.

Питер Борре мрачно переживал сексуальный скандал, что предвещало перемену его взглядов. Когда первые статьи в *Globe* начали раскрывать, как кардинал Лоу покрывал преступления священников, Борре произносил туманные речи об «отдельных гнилых плодах» в церкви.

«Это признак нашего времени», – возражала ему Мэри Бет.

Она рассказывала мужу о том, с чем столкнулась в конце 1980-х, в первые годы их брака, когда тот совершал бесконечные деловые поездки, а она работала с жертвами СПИДа, эпидемия которого захлестнула Бостон. Беседуя с жертвами ретровируса, она слышала рассказы о том, как священники избегают таких людей, нуждающихся в утешении. Она узнала, что, несмотря на непримиримое отношение церкви к гомосексуализму, в ней существует множество священников-геев. Одни священники стремились помогать жертвам СПИДа, а другие избегали всяких контактов с ними. Кроме того, некоторые больные мужчины рассказывали, что их растлили священники, когда те были подростками. Среди ее коллег было много бывших католиков и бывших иудеев, порвавших с церковью или синагогой, которые обменивались друг с другом шутками о религиозной вине, поскольку они следовали глубокому иудео-христианскому импульсу, помогая людям, которые погибали от таинственной болезни.

Четырнадцать лет спустя, когда все узнали, что кардинал Лоу прикрывал облеченных священническим саном преступников, Мэри Бет Борре подумала, что теперь ее муж что-то поймет. Поскольку этот скандал все непрерывно обсуждали, Питер Борре признал верность наблюдений своей жены и всерьез задумался о том, что происходит в церкви.

18 сентября 2002 года адвокат истца Митчелл Гарабедьян и его помощник Уильям Гордон потребовали выплатить восьмидесяти шести жертвам одного священника, Джона

Джогена, сумму в \$10 миллионов³⁸. Поскольку пресса упоминала о подобных юридических действиях в прошлом, Борре заинтересовался тем, какую сумму архидиоцезии пришлось выплатить в конце 1990-х, чтобы урегулировать конфликты при помощи Гарабедьяна и преуспевающего адвоката из другой фирмы Родерика Маклиша-младшего (внука поэта Арчибалда Маклиша). Этим адвокатам удалось уладить семнадцать подобных случаев во внесудебном порядке, когда по условиям договора с архидиоцезией жертвы были обязаны молчать – эти условия скрывали документы церкви от глаз публики. Однако из-за большого количества подобных случаев информация просачивалась наружу в виде заголовков некоторых документов, которые заинтересовали Кристен Ломбарди из еженедельника *Boston Phoenix*. Юристы, работающие в *Globe*, попросили суд предоставить им доступ к этим документам. Судья Констанс Свини, несмотря на сопротивление юристов церкви, разрешил с ними ознакомиться, что открыло путь для эпического расследования 2002 года³⁹.

Журналисты *Globe*, изучая судебные повестки, выписанные адвокатами жертв, установили, что в сексуальных преступлениях были замешаны десятки священников. Публикаций на эту тему в СМИ становилось все больше, так что незадолго до Рождества 2002 года кардинал Лоу вынужден был покинуть свой пост.

Но события на этом не завершились: началась юридическая игра с высокими ставками. 9 сентября 2003 года церковь оказалась на грани банкротства, поскольку ей нужно было выплатить \$85 миллионов 542 жертвам. В это время Лоу жил при женском монастыре в Мэриленде. «Это обязательство поставило в крайне трудное положение архиепископа Шона П. О’Мелли, который в первые же недели в Бостоне должен был улаживать эти юридические дела», – писала об этом *Globe*⁴⁰.

Шон О’Мелли, монах-капуцин с белоснежной бородой, был епископом Пальм-Бич во Флориде в тот момент, когда папа назначил его архиепископом Бостона. Тогда ему было 59 лет. Он носил сандалии, коричневое одеяние и веревочный пояс, чем сильно отличался от царственного кардинала Лоу. Никто не думал связывать имя О’Мелли с разразившимся скандалом, тем не менее, пожертвования церкви снизились на 43 процента по сравнению с прошлым годом: они упали с \$14 до \$8 миллионов в 2003⁴¹. О’Мелли пришлось преодолевать великие препятствия, чтобы восстановить правду – и найти деньги. В обращении, опубликованном 9 января 2004 года, О’Мелли объявил, что седьмая часть зданий архидиоцезии нуждается в обновлении и это будет стоить \$104 миллиона. Церкви следует оценить свое имущество и расходы на работу инфраструктуры. 2 февраля 2004 года в своем выступлении на телевидении архидиоцезии О’Мелли сказал, что у церкви существует текущий дефицит на сумму \$4 миллиона и ей надо вернуть Рыцарям Колумба \$37 миллионов занятых денег: «Это не имеет никакого отношения к выплатам в связи с сексуальными преступлениями, но имеет прямое отношение к обеспечению жизненно важных служб».

«Не имеет никакого отношения...» – повторял Борре про себя.

Два месяца спустя, когда знаменитая бостонская команда Red Sox занималась тренировками, О’Мелли одобрил продажу особняка на Брайтонском холме, где Лоу жил как князь и где вышколенный персонал должен был называть его «ваше высокопреосвященство». Сто-

³⁸ Walter V. Robinson and Michael Rezendes, “Geoghan Victims Agree to \$10m Settlement”, *Boston Globe*, September 19, 2002; Kevin Cullen and Stephen Kurkjian, “Church in an \$85 Million Accord”, *Boston Globe*, September 10, 2003. Всего адвокаты требовали выплатить \$85 миллионов в пользу 542 жертв. Позже архидиоцезия договорилась с некоторыми жертвами, которые подавали свои иски без помощи юристов, так что в целом ей пришлось заплатить \$90 552 жертвам.

³⁹ Краткая история расследования – см. *Boston Globe Investigative Staff, Betrayal: The Crisis of the Catholic Church* (New York, 2002). Авторы – Matt Carroll, Kevin Cullen, Thomas Farragher, Stephen Kurkjian, Michael Paulson, Sacha Pfeiffer, Michael Rezendes, Spotlight Team Editor Walter V. Robinson – и исполняющий обязанности ответственного редактора Ben Bradlee Jr. совместно получили Пулит-церковскую премию за 2003 год и другие награды.

⁴⁰ Michael Paulson, “Diocese to Mortgage Seminary, Cathedral”, *Boston Globe*, December 9, 2003.

⁴¹ Phyllis Berman and Lea Goldman, “Catholics in Crisis”, *Forbes*, September 19, 2005.

имость резиденции кардинала и сорока трех акров прилегающей земли составляла \$107,4 миллиона. Покупателем оказался сосед, обитавший по другую сторону проспекта Коммонвелф – Бостонский колледж, жемчужина среди высших учебных заведений иезуитов⁴². Если принять во внимание количество студентов и преподавателей, а также разнообразие изучаемых предметов, Бостонский колледж по праву мог бы называться университетом, но Бостонский университет уже существовал. Тем не менее в этом ирландском и католическом городе Бостонский колледж имел много приверженцев из бывших студентов (многие из них имели итальянские или португальские корни), и потому он мог собрать вклады на сумму более \$1 миллиарда. Для католиков, исполненных возмущением на Лоу, который покрывал преступников, продажа особняка бывшего архиепископа имела символический смысл. Дворец кардинала, с позором покинувшего свой пост, стал собственностью иезуитского колледжа, который стоял за логику мышления и социальную справедливость.

Умудренный опытом работы в нефтяных компаниях Питер Борре стал думать о том, как архиепископ исполняет роль генерального директора предприятия. Если ему приходится выполнять роль мясника, прелат должен заботиться о том, чтобы кровь не капала на пол. Архиепископ О'Мелли был окружен пятнами красных чернил. Борре, следящий за новостями, понимал, что архидиоцезия скрывает какую-то информацию. *Куда идут деньги? Что замыслил О'Мелли? Пытается нас успокоить? Насколько плохо обстоят дела?*

Эти мучительные вопросы существовали в каких-то потаенных углах его мозга, отравляя воспоминания о золотых прошлых годах, а затем Питер Борре, который никогда не был радикалом, почувствовал в себе ярость против священников. В то самое время Мэри Бет размышляла над вопросом о том, чем ее муж с его утонченной организацией будет заниматься на пенсии, и здесь она сразу поняла, что он готов к битве. Питер Борре не был агрессивным человеком, но она видела, что, несмотря на свои элегантные манеры, этот итальянец намерен сражаться. Она получила диплом по маркетингу в Университете Делавэра.

⁴² Michael Paulson, "Diocesan Headquarters Sold to BC", *Boston Globe*, April 21, 2004.

Семейные ценности

В 1976 году Мэри Бет вышла замуж за своего возлюбленного, учившегося в том же колледже, их венчали на мессе под гитару. «Тогда это не казалось уступкой давлению наших семей, – говорила она, вздыхая, несколько десятилетий спустя. – Будь мы немного постарше, когда общество уже стало терпимо относиться к парам, живущим вместе, эта связь закончилась бы не столь болезненно. Я удивилась, когда то же самое сказала моя мать гораздо позднее». Через четыре года они развелись, детей у них не было. Мэри Бет окончательно порвала отношения с церковью и оставила религию. Слишком часто моральные указания казались ей грубым вмешательством в чужую жизнь обычных людей, которые ищут близких отношений.

В 1986 году она работала в нефтяной компании в Хьюстоне, где друзья познакомили ее с Питером, прибывшим в этот город по делам. Этот черноволосый с проседью на висках, обаятельный и остроумный мужчина сразу произвел на нее впечатление. Несколько лет назад он расстался с женой и был отцом троих детей. Когда Мэри Бет сказала матери, что отправляется в Париж со своим новым (сорокавосемилетним) другом, Роуз на поезде отправилась в Нью-Йорк, чтобы с ним познакомиться. Она обратила внимание на его безупречные манеры и на то, каким нежным жестом он вложил деньги в руки привезшего ее таксиста.

Через три месяца он сделал предложение.

В 1987-м они сыграли свадьбу в Гарвардском клубе в Бостоне.

Несмотря на французскую фамилию, Борре имел итальянские корни. Его дед по отцу Агостино родился в 1871 году – спустя год после того, как националисты захватили территории, ранее контролируемые папами. Италию сотрясали бедствия, и на этом фоне Джузеппе Агостино Борре покинул Зербу, горное селение в провинции Пьяченца к северу от Генуи, «по настоянию брата Эрнесто, уехавшего в 1882 году. Оба брата прибыли в США примерно в девятнадцатилетнем возрасте и оба стали поварами», как об этом рассказывает Мари Рот, кузина Питера, исследовавшая родословную семейства⁴³. Его дед со стороны матери Джузеппе Бальбони родился в деревне Эмилия в долине реки По. Сначала он продавал овощи и фрукты с тележки, а в итоге стал владельцем продуктового магазина.

Питер, родившийся в 1938 году в Бостоне, был еще мальчиком, когда его отца, также Питера, юриста и ветерана войны, пригласили работать над проектом восстановления Италии, предварявшим план Маршалла. В августе 1946 года семья переехала в Рим. Гробы с останками американских солдат все еще стояли в аэропорту, ожидая отправки в США. Мальчик спросил отца, что это за коробки. Отец деликатно рассказал ему историю войны. Его мать Мэри Альбина окончила курсы учителей, а затем в Гарварде защитила диплом по английскому языку. Она подружилась с философом Джорджем Сантаяной (всем знакомо его высказывание: «Те, кто не помнит своего прошлого, обречены его снова повторять»), который свои закатные годы проводил в Риме.

К ним за стол садились епископы, монсеньеры и священники, образованные люди, ум которых производил большое впечатление на мальчика. Один из посетителей, викарный епископ Бостона Джон Райт, был крупным и грузным человеком, который любил пить вино, обсуждая американскую политику, итальянскую политику и политику Ватикана. Позже Райт стал кардиналом в Ватикане и префектом Конгрегации по делам духовенства.

Израженная войной Италия была хаотичным миром, где существовали фашисты, где была крупнейшая коммунистическая партия в Западной Европе, поддерживаемая Советской Россией, где на юге возрождалась мафия и где были христианские демократы, партия,

⁴³ Marie Roth, генеалогическое древо и личная беседа с автором, 16 мая, 2009.

которую поддерживал папа Пий XII. Лидер христианских демократов Альчиде де Гаспери прославился перед войной своими антифашистскими выступлениями; он был заключен в тюрьму Муссолини в 1927-м и выпущен под опеку предыдущего папы Пия XI в 1929 г. Последующие пятнадцать лет де Гаспери жил преимущественно в Ватиканской библиотеке. «Католик, итальянец и демократ – именно в таком порядке» – эти слова были его девизом⁴⁴. В 1945 году в качестве одного из первых послевоенных премьер-министров он возглавил поддерживаемую церковью партию со скромной организационной структурой, тесно связанную с Католическим действием, движением, созданным в 1905 году папой Пием X с целью связать деятельность мирян с программой церковной иерархии. Единство в раздробленном обществе послевоенной Италии поддерживали 65 тысяч приходских священников, работавших в 24 тысячах приходов 300 диоцезий. Кроме того, 200 тысяч священников и монашествующих религиозных орденов работали в школах, госпиталях и благотворительных организациях⁴⁵. Де Гаспери руководил христианскими демократами при трех правительствах на протяжении многих лет, когда десятки партий вели борьбу за власть. Администрация Трумэна стремилась контролировать выборы 1948 года в Италии. «Америка действовала здесь масштабно и скоординированно как один эффективный механизм», – писал Томас Пауэрс, исследователь истории американской разведки⁴⁶. «Чтобы победить коммунистов, требовались наличные деньги, причем в огромном количестве», – писал журналист Тим Вейнер, занимавшийся историей ЦРУ⁴⁷; по данным шефа резидентуры в Риме, на это требовалось \$10 миллионов. И тогда министр финансов Джон Снайдер принял решение:

...воспользоваться Фондом стабилизации валюты, основанным в годы экономической депрессии, чтобы поддерживать стоимость доллара в других странах с помощью кратковременной торговли валютой. Во время Второй мировой войны этот фонд использовали для накопления поступлений от трофеев войны со странами Оси. В фонде хранилось \$200 миллионов, эти деньги были предназначены для восстановления Европы. Он перевел миллионы на банковские счета богатых американских граждан, многие из которых имели итальянские корни, чтобы те переслали деньги новой сформированной ЦРУ подставной организации. Доноры должны были указать, что это «пожертвования на благотворительность», приписав в бланке декларации о подоходном налоге особый код. Эти деньги были переданы итальянским политикам и священникам из Католического действия, которые осуществляли политическую волю Ватикана⁴⁸.

На протяжении двенадцати месяцев, предшествовавших дню выборов 18 апреля 1948 года, Америка через ЦРУ и в рамках программ помощи вложила в Италию \$350 миллионов. Банк Ватикана, созданный в 1942 году папой Пием XII для консолидации финансов Святейшего престола в самые трудные дни Второй мировой войны, стал источником финансов для христианских демократов. Пий «вложил 100 миллионов лир [\$185 тысяч] из своего личного банка, – писал Джон Корнвелл, – сумму, явно вырученную от продажи военной техники США, которую Ватикан намеревался потратить на борьбу с коммунизмом»⁴⁹. В 1948 году прошли первые парламентские выборы по послевоенной итальянской конституции после победы над фашизмом.

⁴⁴ Paul L. Williams, *The Vatican Exposed: Money, Murder, and the Mafia* (Amherst, NY, 2003), p. 81.

⁴⁵ John Pollard, *Catholicism in Modern Italy: Religion, Society and Politics Since 1861* (New York, 2008), p. 122.

⁴⁶ Thomas Powers, *The Man Who Kept the Secrets: Richard Helms and the CIA* (New York, 1979), p. 31.

⁴⁷ Tim Weiner, *Legacy of Ashes* (New York, 2007), p. 27.

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ John Cornwell, *Hitler's Pope: The Secret History of Pius XII* (New York, 1999), p. 329.

«Судьба Италии зависит от грядущих выборов и борьбы между коммунизмом и христианством, между рабством и свободой», – заявил нью-йоркский кардинал Френсис Спеллмен. По указу Ватикана Спеллмен обратился к американцам итальянского происхождения с просьбой написать письма своим родственникам, живущим на их исторической родине. Спеллмен, Гари Купер, Бинг Кросби и известный Френк Синатра участвовали в радиопередаче, посвященной партии де Гаспери⁵⁰. Ватикан делал все возможное, «заставив даже монашеские ордены открыть свои двери, чтобы монахи маршем пришли на избирательные участки и отдали свои голоса за христианских демократов», – писал журналист Нино Ло Велло⁵¹. Партия Христианских демократов победила с большим преимуществом и с тех пор продолжала существовать на деньги ЦРУ. «Практика ЦРУ оказывать помощь в предвыборной борьбе с помощью мешков с наличностью была повторена в Италии – и во многих других странах – на протяжении последующих двадцати пяти лет», – пишет Вейнер⁵².

По вечерам Борре встречались – в гостях или у себя дома – с американскими дипломатами, итальянскими политиками, бизнесменами, садившимися за один стол с ватиканскими чиновниками, банкирами и кинорежиссерами. Питер, единственный избалованный ребенок, рос в этой среде.

В 1930-х Муссолини оказывал масштабную государственную поддержку итальянскому кинематографу. Диктатор считал кино мощным средством воздействия и распорядился о выпуске фильмов – уже предвещавших фашизм – для пропаганды, в то время как он все более склонялся к альянсу с Гитлером⁵³. После войны, когда в Рим потекли американские доллары, глава семьи Борре официально работал на MGM и другие американские студии, которые привлекала дешевизна съемки фильмов и капитальная инфраструктура студии, созданной Муссолини. ЦРУ внушало американским киностудиям мысль, что их фильмы хорошо бы показывать в Западной Европе, чтобы противостоять политике коммунистов. Американские продюсеры не знали, куда девать лиры, а итальянские законы не позволяли им изымать средства из местных банков, чтобы переводить их в доллары. Поскольку американцы потратили горы денег в этой стране, в послевоенной Италии наблюдалось резкое развитие кинематографа, как будто новый Голливуд появился на Тибре. В 1959 году актер Чарльот Хестон получил Оскара за игру в фильме «Бен-Гур», а Питер Бурре, только что окончивший Гарвард, получил тогда сколько-то лир, потому что в процессе создания фильма работал переводчиком и ассистентом на съемочной площадке.

Через месяц после первого приезда в Италию семилетний Питер поступил в самую престижную иезуитскую школу – Институт Массимо. Одним из ее выпускников был Пий XII. Питер восхищался учителями, которые читали убедительные проповеди и лекции, прославляя Рим как столицу Католической церкви и напоминая о том, что каждый человек отвечает за углубление своей веры. Иезуиты настаивали на классическом образовании и столь строго требовали от учеников сурового труда, что сегодня это могло бы показаться истязанием детей. Каждый день шестидневной учебной недели начинался с мессы в 7 утра и продолжался до 14.30. Обед занимал ровно тридцать минут. В третьем классе Питер уже прекрасно говорил по-итальянски, изучал латынь и алгебру, в пятом он вдобавок к этому работал над греческим и французским.

Школа находилась в самом центре Рима, неподалеку от площади Республики и большой церкви Санта-Мария дельи Анджели, которую в 1563 году начал возводить Микеланджело над руинами древних бань, построенных императором Диоклетианом. Дверь в ее

⁵⁰ John Cooney, *The American Pope: The Life and Times of Francis Cardinal Spellman* (New York, 1984), pp. 159–60.

⁵¹ John Cooney, *The American Pope: The Life and Times of Francis Cardinal Spellman* (New York, 1984), pp. 159–60.

⁵² Weiner, *Legacy of Ashes*, p. 27.

⁵³ Christopher Duggan, *The Force of Destiny: A History of Italy Since 1796* (London, 2007), p. 478.

коричневой стене вела в помещение с высоким сводчатым потолком, пронизанным лучами света, которые падали на огромные колонны и разноцветный мраморный пол. Иногда в тишине дня Питер заходил сюда и, глядя на преклоняющих колени людей, чувствовал себя на фоне этого небесного величия чем-то маленьким, но в то же время уникальным. Посещая базилику Св. Петра, он с сочувствием смотрел на Пьету Микеланджело – статую Марии, оплакивающей своего только что снятого с креста Сына. Вот где находилась истинная вера.

Когда ему исполнилось четырнадцать, отец беспокоился, что мальчик, несмотря на прекрасную успеваемость и владение иностранными языками, с трудом может писать по-английски. И потому родители отослали его назад в Новую Англию, где он поступил в przygotowательную школу.

Первая месса, на которую он попал в Андовере, показалась ему ужасной. Церковь была украшена в стиле пестрой сельской ярмарки, священник с такой силой призывал прихожан жертвовать деньги, что показался ему невоспитанным крестьянином. Вместо красоты и величия священных храмов Рима, внушавших ему трепет перед вселенской верой, он увидел нечто убогое и провинциальное. Шестнадцатилетний Питер поступил в Гарвардский колледж. Все эти годы до поступления в университет его раздражало католичество в бостонском стиле, он зевал на проповедях со всеми их ирландскими хитростями, привлекающими внимание ирландских рабочих, и призывами молиться, ходить на исповедь, *следовать правилам* и давать деньги. Представления Борре о вере были связаны с теми умными священниками, с которыми он сидел за столом в Риме, с иезуитами, любившими аналитическое мышление, и с чувством священного, которое у него пробуждала красота храмов Италии.

Он еще был слишком молод, чтобы проникнуться тайной Иисуса, который с необычайной смелостью смеялся над сильными и тепло принимал отверженных, или понять, как зреет духовная жизнь под действием страданий, молитвы и привычных обрядов.

Он чувствовал, что попал в чужую страну. В каком-то смысле так оно и было.

Окрестности

Много лет спустя, когда он уже давно работал в сфере энергетики, так что ему пришлось жить в Вашингтоне и Нью-Йорке, Питер Борре научился радоваться жизни с Мэри Бет в Бостоне.

Чарльзтаун занимает квадратную милю на холмистом полуострове, который с севера огибает река Мистик-Ривер, а с юго-востока – река Чарльз, сливаясь вместе в бостонской внутренней гавани. Из окон жилья Борре был виден стальной мост, соединяющий северную часть Бостона с местностью, которая имела свою необычайно богатую историю.

В 1630 году, десять лет спустя после высадки первых пилигримов на полуострове Кейп-Код, Англию покинул бриг, на котором ехали пуритане. Джон Уинтроп произнес на борту корабля свою знаменитую проповедь, в которой он призывал верных соединить вместе «терпение и свободу... [дабы] мы стали городом, стоящим на верху горы»⁵⁴. После разрыва отношений между Римом и Генрихом VIII возникла новая государственная церковь, от которой теперь откололись Уинтроп и его последователи. Они видели в папе антихриста, а богослужение Англиканской церкви казалось им слишком похожим на католические мессы⁵⁵. Сепаратисты из последователей Уинтропа отвергали официальную религию в любых ее формах. Чарльзтаун был тогда столицей новорожденной колонии, но когда последователи Уинтропа расселились вдоль берега реки Чарльз, это место превратилось в город независимых библейских христиан. Дороги вели к растущим как грибы новым фермам и поселениям Новой Англии, ставшей местом обитания пуритан. Их конгрегационалистские церкви независимо одна от другой занимались своими делами, выбирали себе пасторов и строили храмы, внутри которых не было ни витражей, ни изображений⁵⁶.

Массачусетская колония поддерживала свои стандарты поведения, и порой здесь царствовала истерия и производились судебные процессы над ведьмами Салема. В середине XVII века Чарльзтаун «вышел из своей изоляции и стал центром торговли для всего региона», пишет Энтони Люкас. «Чем меньше город соответствовал идеалу Уинтропа, тем больше завораживала людей память об идеальном городе Новой Англии, где царили гармония и единодушие, где людей объединяли общая вера и верность общему делу»⁵⁷. 18 апреля 1775 года Пол Реввер проскакал по Чарльзтауну на коне, оповещая встречающих, что британские отряды приближаются к Лексингтону. Разразилась битва – первая в войне за независимость, – на которой Чарльзтаун выступил в союзе с Роксберри, лежавшим от них на юге за рекой. Пятнадцать тысяч вооруженных колонистов сражались против пяти тысяч солдат Короны. На Банкер-Хилле колонисты потеряли 138 человек, убив 226 британских солдат. Большая часть Чарльзтауна сгорела. Однако в 1810 году здесь обитало уже около пяти тысяч человек и Чарльзтаун стал третьим по величине городом страны, когда национальный флот создал здесь судостроительную верфь с гаванью. Мастера строили суда из срубленных деревьев. Через какое-то время Чарльзтаун был присоединен к Бостону.

Католическая церковь пришла в Массачусетс гораздо позже, чем в Калифорнию, где она активно действовала уже в XVII веке. В 1790-х два французских священника занялись обращением ирландских колонистов и индейцев в штате Мэн, который ранее посещали канадские духовные лица. В Бостоне первая католическая церковь была открыта в 1803 году, ее посещали почти исключительно выходцы из Ирландии. Ее строительство получило про-

⁵⁴ Thomas H. O'Connor, *The Hub: Boston Past and Present* (Boston, 2001), p. 8.

⁵⁵ Thomas H. O'Connor, *Boston Catholics: A History of the Church and Its People* (Boston, 1998), pp. 4–5.

⁵⁶ O'Connor, *The Hub*, pp. 33–35.

⁵⁷ J. Anthony Lukas, *Common Ground* (New York, 1985), p. 75.

тестантскую поддержку, особенно отличился бывший президент Джон Адамс, пожертвовавший на храм \$100. Он послал консула в Рим, чтобы установить отношения со Святейшим престолом, хотя они не носили характера официальных дипломатических связей. В 1808 году в Бостоне появился и епископ, уроженец Франции.

Одно поколение спустя в Бостон нахлынули оборванцы, которые приезжали на больших судах из Ирландии, так что местное общество утратило свое единообразие. Ирландцы, ютившиеся в хибарках, домиках из обшивочных досок и кирпичных многоэтажках, занимали в этом обществе маргинальное положение. В конце лета 1825 года местные хулиганы устраивали набеги на ирландский район: они били окна и ломали мебель, так что газета *Boston Advertiser* назвала их действия «позорным буйством». Стабильное положение Чарльзтауна зависело от верфи и протестантских ремесленников, купцов и фермеров. В октябре 1828 католики в присутствии епископа в облачении заложили фундамент местной церкви. По данным на 1830 год в городе с населением 61 392 человека проживало 8000 ирландцев⁵⁸. Около доков веселились и иногда дрались ирландские головорезы.

В 1834 году из большого монастыря урсулинок в Чарльзтауне, где под руководством дюжины подготовленных в Париже сестер занималось шестьдесят юных девушек, убежала монахиня в состоянии психического переутомления. Она оказалась в доме своего брата, а затем по собственному желанию вернулась в монастырь. По городу стали распространяться сплетни, и служитель конгрегационалистов Лаймен Бичер подлил масла в огонь негодования, которое ранее питалось историями о «похищенной» девушке, запертой в стенах монастыря, о которых писали газеты. Бичер обвинил папу в том, что он хочет колонизировать долину Миссисипи. Члены городского управления отправились к монастырю и требовали, чтобы их туда впустили и они могли произвести расследование, вслед за ними прибежала толпа, которая выволокла из обители монахиню и подожгла ее. Бостонские протестанты выражали вслух свое возмущение этим событием, однако лишь немногих из бунтовщиков взяли под стражу. Состоялся бутафорский суд, на котором никого не признали виновным. В 1836 году толпа подожгла большую часть жилищ ирландского района. Погромы проходили по ирландским гетто в Нью-Йорке, Филадельфии и Детройте, гнев напуганных шовинистов обрушился на людей, которые убежали сюда из-за того, что их родина оказалась в невозможно тяжелой ситуации⁵⁹.

Когда в Ирландии грибок уничтожил огромный урожай картошки, в стране воцарился голод, и в результате между 1845 и 1870 годами оттуда уехало 3 миллиона ирландцев⁶⁰. К 1890 году Ирландию покинуло 39 процентов родившихся здесь людей, которые в основном отправлялись в Британию, Северную Америку или Австралию. За одно десятилетие после 1846 года суда доставили в Бостон 130 тысяч ирландцев. «Нашу страну в буквальном смысле слова переполнили несчастные, порочные и грязные бедняки из старой страны», – сетовала газета *Bunker Hill Aurora* в 1848 году. Ирландцы постепенно перемещались из гавани и занимали трехэтажные многоквартирные дома на Банкер-Хилл, а теснимые протестанты переселялись в Соммервиль или в лежавший за мостом Бостон. В 1880 году архиепископ создал систему католических школ в Бостоне⁶¹. Чарльзтаун заполнили ирландцы, а в это же время

⁵⁸ О французских миссионерах и первой католической церкви см. O'Connor, *Boston Catholics*, pp. 19–22, 24; о беспорядках см. O'Connor, *The Hub*, p. 150.

⁵⁹ О протестантском Чарльзтауне см. Lukas, *Common Ground*, p. 76; о проповеди Бичера см. James Hennessey, SJ, *American Catholics: A History of the Roman Catholic Community in the United States* (New York, 1981), p. 122; о пьяных поджигателях см. Charles R. Morris, *American Catholic: The Saints and Sinners Who Built America's Most Powerful Church* (New York, 1997), pp. 56–57.

⁶⁰ О великом голоде см. R. F. Foster, *Modern Ireland: 1600–1972* (London, 1989), p. 345. Цитату из *Bunker Hill Aurora* приводит Lukas, *Common Ground*, p. 77.

⁶¹ St. Catherine of Siena Parish, *Ninetieth Anniversary Celebration, 1887–1977* (Boston, 1977), no page numbers.

в Бостоне между 1881 и 1886 годами удвоилось количество иммигрантов из Италии, которых уже насчитывалось 220 тысяч. Когда в 1880-х годах сюда прибыли дедушки и бабушки Питера Борре, ирландцев здесь обитало втрое больше, чем итальянцев. В самом начале XX века Чарльзтаун все еще был во многом ирландским поселением.

В конце 1930-х на федеральные средства вдоль Мистик-Ривер в Чарльзтауне были построены дома для малообеспеченной части населения. Священник церкви Св. Екатерины Сиенской переживал, потому что ему выпала тяжелая задача «восстановить приход, оставшийся без прихожан и почти закрытый», как о том свидетельствует летопись прихода. «Ему пришлось быть свидетелем этого горя и бедствия – видеть, как сотни его прихожан были вынуждены покинуть свои дома и рассеяться в самом Бостоне»⁶².

После Второй мировой войны Чарльзтаун оставался во многом ирландским и рабочим городком. Местная молодежь вступала в стычки с полицейскими и хулиганами из других районов. Чарльзтаун находился в избирательном округе для выборов в Конгресс, от которого в 1946 году кандидатом шел двадцатидевятилетний Джон Кеннеди – богатый красавец, он жил в роскошном отеле на Бикон-Стрит. Сглаживая впечатление от своего аристократического положения, Кеннеди обменивался рукопожатиями с рабочими верфи, взбирался по лесенкам трехэтажек, чтобы встретиться с матерями-домоседками, и часто упоминал о своем участии во Второй мировой войне. От имени своей семьи Кеннеди вручил архиепископу Ричарду Кашингу чек на \$650 тысяч на строительство госпиталя в Брайтоне в честь своего брата Джозефа Кеннеди, разбившегося на самолете во время Второй мировой⁶³. Кеннеди удалось завоевать симпатии многих горожан, и он победил на выборах. В апреле 1961 года он пригласил коллег по Совету Рыцарей Колумба в Банкер-Хилл на прием в саду у Белого дома, где они, переживая восторг, могли «поболтать со *своим* президентом»⁶⁴.

Кашинг стал кардиналом и легендарным фандрайзером в тот момент, когда бостонские католики процветали. К 1967 году он надзирал за масштабным проектом строительства, на который ушло \$300 миллионов: сюда входило возведение трехсот младших и средних школ и создание восьмидесяти шести новых приходов. Как отмечал его биограф, благодаря его плану страхования собственности архидиоцезии «его приходам удалось сэкономить десять миллионов долларов в течение двадцати лет»⁶⁵. Кашинг пожертвовал \$200 тысяч на обновление церкви в родном городе папы Иоанна XXIII и \$1 миллион на строительство католического университета на Тайване.

В середине восьмидесятых, когда Бернард Лоу стал кардиналом, на новой волне иммиграции сюда прибыли черные и латиноамериканские семьи; дешевое жилье в Чарльзтауне в основном заняли цветные. Белые, которые могли это себе позволить, переселялись отсюда начиная с середины семидесятых, когда федеральный судья распорядился о мерах по преодолению сегрегации в государственных школах Бостона, что вызвало в Чарльзтауне горячие протесты белых. Когда состоятельные белые начали покидать это место, молодые люди, устроенные на хорошие работы, начали перестраивать старые многоквартирные дома под просторное жилье для маленьких семей. Стоило немного пройти вниз вдоль реки, и можно было увидеть ирландских наркоторговцев на убогих улочках, которые подсаживали на наркотики многоэтнических обитателей соседних домов и увеличивали статистику преступлений среди местных. Границей домов служило благородное здание судостроительной верфи. В этом месте стояли три приходские церкви, расстояние между которыми было не больше мили. Во времена кардинала Лоу сюда уже тихо подкрадывался финансовый кризис, но

⁶² Thomas H. O'Connor, *The Boston Irish: A Political History* (Boston, 1995), p. 150.

⁶³ John Henry Cutler, *Cardinal Cushing of Boston* (New York, 1970), p. 214.

⁶⁴ Lukas, *Common Ground*, p. 25.

⁶⁵ Cutler, *Cardinal Cushing*, p. 82.

Питер Борре и Роуз об этом еще ничего не знали, когда воскресным утром 2004 года он с Роуз сидел на скамьях в самом бедном приходе Чарльзтауна.

Прозрение

Шестнадцатилетний Питер Борре поступил в Гарвард, где он изучал историю, и, выйдя оттуда с дипломом в 1959 году, прослужил три года в Военно-морском флоте США. В 1963 году он защитил диплом по международной экономике в Школе передовых исследований международных отношений при Университете Джона Хопкинса. Отец желал, чтобы Питер изучал право, но вместо этого тот получил очередной диплом по международным финансам в Гарвардской школе бизнеса. Опыт службы во флоте был для него очень важным: здесь он научился дисциплине и работе в команде, а также мог увидеть, что система приказов на корабле может действовать эффективно. Его сформировали три организации: Военно-морской флот, Католическая церковь и Гарвард, именно в таком порядке. В его сознании существовала связь между флотом и церковью, всемирным институтом, который испытывает на себе влияние войн, скандалов и отдельных нечестных пап. Миссия церкви исходит от Бога, но люди в состоянии испортить что угодно.

Роуз Пайпер обожала проповеди отца Боба Боуерса, священника за сорок с серебряными волосами, который энергично напоминал прихожанам, что в их приходе встречаются самые разные люди; он изучал испанский и руководил социальными программами, благодаря которым Роуз могла радоваться тому, что принадлежит к Католической церкви. Она была глубоко тронута, увидев, как двое приемных сыновей гей-пары принимали первое причастие. Ее сознание не могло примириться с браками гомосексуалистов. Большую часть жизни она голосовала за республиканцев, но добрые гражданские браки казались ей хорошим делом. Она знала, что многие дети на улице употребляют наркотики и дерутся, пуская в ход пистолеты, и потому понимала, что у этих двух мальчиков по крайней мере есть семья, хотя и странная: двое мужчин, которые их любят, причесывают их, одевают в красивые наряды и молятся с ними в церкви.

В приходе Св. Екатерины Сиенской «церковь» значила больше, чем правила, и она чувствовала, что здесь ее духовный дом, особенно когда вспоминала свои прошлые надежды, не ставшие реальностью. Когда они жила в Делавэре, она воспитывала двух своих сыновей и двух дочерей в церкви, а затем все они отошли от веры или к ней охладели. По каким-то причинам ее старшая внучка, выросшая в Калифорнии и заканчивающая Университет Виргинии, была горячо предана Католической церкви. Роуз понимала, что дети ее многому научили, в частности научили терпимости в изменяющемся обществе. Этой терпимости не хватало церкви, которую она любила, и ей было от этого больно. *Эти епископы! Они покрывают сексуальные преступления! Вся эта ложь! Кто-то должен сказать им всю правду!*

Поскольку Билл страдал слабоумием, от Роуз требовалось неимоверное терпение, и посещение мессы вместе с Питером давало ей утешение. Ее зять, проникнутый европейским духом, мог быть бестактным и порой даже надменным, но он обладал добрым сердцем. Она радовалась тому, что они с Мэри Бет нашли друг друга.

Питер Борре не мог не вести активную деятельность в приходе. После своего переезда в 1987 в Бостон он совершал бесконечные перелеты по делам. Иногда его сопровождала Мэри Бет, когда она могла и если ее привлекало место. Чаше он ездил один. Возвращаясь из Западной Африки, он обычно останавливался в Париже, где посещал церковь августинцев. Иногда же он бывал в Лондоне, и тогда посещал церковь Св. Мартина в полях неподалеку от Трафальгарской площади. А вернувшись в Бостон, он нередко ходил в собор Св. Креста в центре города. Но так он поступал лишь изредка, проходило несколько воскресений, и он возвращался в родной приход.

Когда Борре пересек рубеж пятидесятилетия, он нередко думал о своей духовной жизни в прошлом, до того, как распался его первый брак. На момент развода ему было за

тридцать. Он считал, что это произошло из-за его собственной неверности и нездоровой поглощенности работой. В двадцать с чем-то он женился на дочери европейского посла, которая воспитывала его сына и двух дочерей одна, потому что он всегда был в командировках. Глядя в прошлое, он мог понять, что его долгие отлучки на самом деле были бегством. После развода он испытывал чувство неприязни к себе самому. Со временем он начал поддерживать добрые отношения со своей бывшей женой, которая уже почти три десятка лет прожила с другим мужчиной на Мартас-Виньярд. Постепенно, не без боли, он восстановил связь со своими детьми. Теперь они уже выросли, так что у него появилось несколько внуков и внучек.

На каждой мессе он пытался восстановить духовное равновесие, найти потерянный нравственный центр жизни. Но когда на воскресной службе все вставали и подходили принимать евхаристический хлеб, в котором присутствовал сам Христос, Борре не решался последовать за другими. Он продолжал сидеть, пока люди выстраивались в очередь, чтобы причаститься.

Борре отказался от мысли о том, чтобы аннулировать свой первый брак, что позволило бы ему получать причастие. Многие католики считали, что такой процесс аннуляции – это возвращение к забытой боли развода. Из слов отца о Роте, высшем суде Католической церкви, который мог аннулировать брак, Борре мог понять, что этот процесс походил на рэкет. Его отец, американский юрист с хорошими связями в Риме, иногда передавал дела специалистам по каноническому праву из Роты, и сам Питер помогал отцу переводить некоторые прошения на итальянский.

«Я не раз слышал разговоры, – вспоминал Борре, – о том, насколько все там пронизано ложью. Там давали ложные показания о психическом состоянии супруга накануне вступления в брак. Ради этого заинтересованной стороне приходилось вести тайные переговоры и платить деньги за составление ложных документов. Мой отец лишь изредка соприкасался с подобными делами. Ли Бувье, сестре Джека Кеннеди, понадобилось аннулировать брак, чтобы выйти замуж за польского аристократа Станислава Радзвилла. Католическому президенту не подобало иметь разведенную близкую родственницу, тем более что она была подружкой невесты на его свадьбе. Это было ненадежное дело, однако Священная Рота с ним справилась, так что Ли смогла стать «княгиней Радзвилл». В бурные шестидесятые она провела немало времени в Риме. В 1970-х она развелась со своим князем. Но на тот момент это уже не имело политического значения».

Тем не менее многие католики проделывали процедуру аннуляции, чтобы очиститься и также получить возможность венчаться в церкви. При этом необходимо выплатить какую-то сумму в канцелярию диоцезии, заполнить объемную анкету о причине развода (где приходится описывать интимные детали куда подробнее, чем в гражданских судах), а затем долго ждать ответа из Рима. Резкий рост количества разводов среди американских католиков в 1980-х вызвал подозрительное отношение Ватикана. «Система правосудия США самая крупная во всем мире, – сказал мне ватиканский знаток канонического права при личной беседе в Риме в 2002 году. – Никак нельзя сказать, что там работают неопытные люди. И при этом юристы США допускают *великие* – просто чудовищные – нарушения в делах об аннуляции брака»⁶⁶.

Никто не знает, сколько разведенных католиков вступают в новый брак, не аннулировав старый, и принимают причастие. Большинство священников не знает, кто из подходящих причащаться делает это в нарушение канонов, и у них нет желания вспоминать о законах церкви, чтобы тем самым затруднить доступ к Евхаристии. Питер Борре – блуд-

⁶⁶ См. Jason Berry and Gerald Renner, *Vows of Silence: The Abuse of Power in the Papacy of John Paul II* (New York, 2004), p. 65.

ный сын, вернувшийся в церковь, – не сдавал позиции. Он избегал «дешевого католичества» людей, которые выбирают себе отдельные правила церкви по вкусу, и знал, что по канонам его второй брак незаконен. И несмотря на подозрительное отношение к процедуре аннуляции, он послушно сидел на церковной скамье и не мог освободиться от чувства собственного недостойнства, соблюдая касательно Евхаристии суровую католическую дисциплину, веря в божественную сущность церкви и в спасение в Иисусе Христе и ожидая, подобно обитателям чистилища у Данте, оставления грехов в каком-то отдаленном будущем.

Все смутно жаждут блага, сознавая,
Что мир души лишь в нем осуществим,
И все к нему стремятся, уповая⁶⁷.

[Перевод М. Лозинского]

Однажды, вскоре после того как сенатор Керри стал кандидатом на пост президента, Мэри Бет работала в саду дома во Флориде, где они с мужем отдыхали, и здесь внезапно она подумала, что от мысли об избрании Джорджа Буша-младшего ей становится тошно. Она тотчас же позвонила другу, участвующему в предвыборной кампании Керри, и сказала: «Я с вами». Вскоре она начала работать во Флориде, занимаясь организацией президентской кампании.

Тем временем Питер собирал сведения о финансовых проблемах, кипя от возмущения. Ему казалось, что цифры не сходятся.

⁶⁷ Dante Alighieri, *The Divine Comedy: The Purgatorio*, trans. John Ciardi (New York, 2003), p. 431, canto XVII.

2

Возникновение финансовой системы Ватикана

22 июля 2010 года Ватикан объявил, что папа Бенедикт XVI жертвует \$250 тысяч на восстановление разрушенной в момент ужасного землетрясения на Гаити школы в Порт-о-Пренсе⁶⁸. С прошлого века папы начали помогать «малым сим» на международном уровне. Но Святейший престол вовсе не богатая страна, подобная арабским нефтяным государствам. Его щедрость зависит от пожертвований, малых и больших.

Важнейшую роль здесь играет так называемая лепта св. Петра: это пожертвование собирают в конце июня по приходам развивающегося мира. Лепта Петра предназначена для помощи самым нуждающимся. В 2009 году размер пожертвований составил \$82,5 миллиона⁶⁹. Несмотря на финансовый кризис, эта сумма на \$7 миллионов превосходит сумму сборов 2008 года. Лепта Петра не единственный источник денежных поступлений для Святейшего престола. Например, в США существует Папский фонд (члены его совета обязуются вносить туда по \$1 миллиону в течение десяти лет), который поддерживает деятельность церкви в бедных странах под руководством Ватикана, куда поступают пожертвования в размере от \$15 тысяч до \$75 тысяч, как указано на сайте фонда⁷⁰.

Хотя Святейший престол ежегодно публикует данные о лепте Петра, мы мало что знаем о том, как именно церковь расходует эти средства на благотворительность. Небольшой офис в секретариате государства Ватикан подсчитывает поступления, рассылает благодарственные письма жертвователям и направляет средства другим службам для оплаты их расходов. Когда я пытался получить сведения об использовании лепты Петра в пресс-службе Конференции епископов США, мне посоветовали обратиться в офис папского нунция архиепископа Пьетро Самби в Вашингтоне, но оттуда мне не дали ответа. Алессандро Спечиа-але, римский корреспондент международной новостной интернет-службы, писал: «Значительная часть этих средств поступает к епископам бедных диоцезий, когда те встречаются с папой в рамках *ad limina*, встречи, проходящей раз в пять лет, и обсуждают с ним свои проекты открытия школ и госпиталей или выделения грантов для учащихся и т. д. Часть денег поступает в офис Кор Унум, часть тратит сам секретариат государства Ватикан, еще одной частью пользуется апостольская канцелярия, которая, очевидно, занимается преимущественно Римом и Италией. Еще какой-то частью распоряжается сам папа, тратя ее на благотворительность»⁷¹.

Из трех важнейших ответственных за использование лепты Петра только Кор Унум публикует ежегодные отчеты. Кор Унум осуществляет несколько проектов. Фонд Сахель, основанный Иоанном Павлом II, занимается сельским хозяйством и проблемами размывания почвы; Популором Прогрессио оказывает помощь аборигенам Латинской Америки и Карибов. В 2009 году совет Кор Унум потратил \$1,87 миллиона на неотложную помощь двадцати пяти странам, \$2,3 миллиона на помощь другим проектам в сорока пяти странах, \$2,3 миллиона через Фонд Сахель на проекты в девяти странах и \$2,13 на инициативы в двадцати странах Латинской Америки и Карибов.

⁶⁸ “Papal Donations Bring Hope to Needy Worldwide”, Catholic News Agency, July 22, 2010.

⁶⁹ Как об этом говорит USCCB.org, сайт Конференции католических епископов США, «лепта Петра предназначена на благотворительность, она дает Святейшему Отцу средства для оказания неотложной помощи жертвам природных катастроф, войны, угнетения и эпидемий».

⁷⁰ Информация с сайта www.thepapalfoundation.com

⁷¹ Алессандро Спечиаале (Alessandro Speciale) также работает для службы религиозных новостей в Риме, среди прочего, он помогал мне собирать материалы для данной книги.

Таким образом, в четырех областях Кор Унум потратил примерно \$8,65 миллиона, то есть 10,5 процента от \$82,5 миллиона лепты Петра. Ватикан не опубликовал данные о том, как были израсходованы остальные средства лепты Петра в 2009 году.

Международная благотворительность пап – относительно новый феномен в истории. В прошлом веке лепта Петра играла важнейшую роль в экономике Святейшего престола, однако в основном эти деньги расходовали не на нуждающихся, но на сокращение текущего дефицита Ватикана. В 1985 году, после того как Святейший престол согласился выплатить трем банкам \$242 миллиона в связи с участием Банка Ватикана в махинациях банка Роберто Кальви *Banco Ambrosiano*, Банк Ватикана не мог покрыть текущий дефицит Ватикана в \$39,14 миллиона. «Дефицит был покрыт преимущественно за счет лепты Петра и других добровольных пожертвований Святейшему престолу, составивших в сумме \$36,927811 миллиона», – говорится в общем годовом балансе⁷².

18 ноября 1987 года кардинал из Филадельфии Джон Крол выступал перед экономической комиссией с речью о финансах Святейшего престола. Потомок польских иммигрантов Крол уверен в себе и консервативен в социальной сфере, хотя, с другой стороны, поддерживал выступления американских епископов против ядерного оружия и критиковал оборонную политику Рейгана. Крол также выискивал немалые средства для поддержки польского сопротивления, тем самым укрепляя связь с папой Иоанном Павлом II. Во время своего выступления в 1987 году он сетовал на бюрократический стиль ведения дел в Римской Курии. Государство Ватикан справилось со своим бюджетом, но Курия оказалась слишком расточительной. «Ни одна из этих служб никак не связана с ИРД, который называют также Банком Ватикана, – агентством, работающим совершенно автономно под руководством нескольких кардиналов и директора», – сказал Крол, обходя в своей речи некоторые вещи. (ИРД здесь сокращение для Института религиозных дел – это другое название Банка Ватикана.) Крол ничего не сказал о том, что архиепископ Пол Марцинкус дал разрешение ИРД отмывать сомнительные деньги для Микеля Синдоны и Роберто Кальви. Синдона умер в тюрьме, где его отравили, а Кальви нашли повешенным на мосту в Лондоне⁷³. Уроженец Иллинойса Марцинкус пользовался дипломатической неприкосновенностью, чтобы игнорировать повестки о вызове в итальянский суд, для чего ему приходилось не покидать пределы Ватикана. Когда буря миновала, Марцинкус переехал в Аризону, где спокойно проводил свои закатные годы жизни за игрой в гольф. Крол в тот день 1987 года следовал стилю Ватикана с его любезным отношением к иерархам и потому говорил не о финансовом крахе, связанном с деятельностью Марцинкуса, но о его последствии – текущем долге Ватикана.

Традиционно лепта Петра собирается на благотворительные дела Святейшего Отца, но из-за снижения поступлений и роста расходов было принято решение использовать все деньги лепты Петра, а затем и все доходы от лепты Петра. Люди, посещающие Святейшего Отца, дарят ему денежные приношения. Эти средства, которые не предназначены для использования с той или иной благотворительной целью, также использовались для сокращения дефицита. На данном этапе резерва – если его можно так назвать – недостаточно для покрытия ожидаемого дефицита⁷⁴.

⁷² О долгах Ватикана см. *Communiqué on the Fifth Meeting of the Council of Cardinals for Studying the Organizational and Economic Questions of the Holy See*, Press Office, March 9, 1985; перевод из *L'Osservatore Romano* с итальянского на английский от 10 марта 1985. Данные о размере дефицита см. *Holy See General Final Balance Sheet and Profit and Loss Account, 1985*, p. 7. Копии обоих документов мне предоставил помощник.

⁷³ Philip Willan, *The Last Supper: The Mafia, the Masons, and the Killing of Roberto Calvi* (London, 2007).

⁷⁴ "Outline of Remarks by Cardinal Krol on Vatican Deficit", November 18, 1987, не опубликовано.

Крол не желал, чтобы лепта Петра, собиравшаяся с церковей некоторых стран как средства на благотворительность, была использована для покрытия зарплат и расходов бюрократии Курии. В 1987 году при бюджете в \$132,6 миллиона Святейший престол допустил перерасход в размере \$63,8 миллиона. «Создавшийся дефицит был сокращен за счет лепты Петра, из которой было на это использовано \$50,299,858,32 миллиона», – говорится в отчете о доходах и расходах за 1987 год. Кроме того, \$13,5 миллиона было получено «из других источников... включая ограниченные накопленные резервы, которые были полностью опустошены»⁷⁵. Говоря о средствах на благотворительность, Крол упрямо стоял на своем: «Собранную лепту Петра надлежит вернуть папе, чтобы тот мог помогать бедным»⁷⁶.

В 1991 году кардинал Эдмунд Шока, который оставил пост архиепископа Детройта, чтобы взять на себя заботу о финансах государства Ватикан, сообщил Конференции епископов США, что текущий долг Святейшего престола составляет \$86,3 миллиона. «Он сказал, что следует положить конец сложившейся в последние трудные годы практике покрывать дефицит Святейшего престола за счет лепты Петра», – сообщило агентство Catholic News Service⁷⁷. Известный корреспондент Сандро Мажистер, освещающий события религиозной жизни в римской газете *L'Espresso*, сообщил в 2009 году некоторые новые сведения. «Деньги, – писал он, – также поступают от религиозных конгрегаций и фондов. В одном конфиденциальном отчете [за 2007 год], разосланном Ватиканом по диоцезиям, в сумме эти вклады составили \$29,5 миллиона». Далее Мажистер переходит к другому источнику средств престола, к Банку Ватикана. Мажистер, который пишет через двадцать лет после известного скандала, говорит в том же духе, что и Крол:

В марте каждого года ИРД сообщает папе о приходах и расходах прошлого года. Эти данные хранятся в тайне, но можно предположить, что разница между расходами и приходами примерно равна лепте Петра. По крайней мере, это верно для тех четырех лет, когда благодаря утечке информации эти данные стали известны [до перехода Италии на евро]. В 1992 году эта разность составила 60,7 миллиардов лир, в 1993 – 72 миллиарда, в 1994 – 75 миллиарда, в 1995 – 78,3 миллиарда. Лепта Петра за каждый из этих лет лишь немного превышала эти суммы.

Это позволяет предположить, что в 2007 году Бенедикт XVI получил на «благотворительность» в сумме около двухсот миллионов долларов⁷⁸.

В 2007 году в бюджете Ватикана существовал дефицит в 2,4 миллиона евро. «Если сравнивать с другими годами, это просто ничто», – замечает Мажистер.

Отец Томас Риз, иезуит, старший научный сотрудник Вудстокского центра Университета Джорджтауна и автор книги «Внутри Ватикана: политика и организация Католической церкви», сказал мне в личной беседе: «На протяжении многих лет Ватикан также финансово поддерживал римскую диоцезию. Сегодня у диоцезии независимый бюджет и она процветает при нынешней системе вычета налогов, которая позволяет любому налогоплательщику направить деньги церкви. Даже некоторые коммунисты ставят галочки в своих налоговых

⁷⁵ Praefectura Rerum Oeconomicarum Sanctae Sedis, *Statement of Income and Expenditure of the Holy See, Year 1987*. Конкретные цифры взяты из трехстраничного письма, начинающегося с обращения “Dear Brother Bishops”, от 14 октября, 1988, которое подписали семеро кардиналов: Krol of Philadelphia; John O'Connor of New York; Edward Clancy of Sydney; Albert Decourtray of Lyon; Joseph Cordeiro of Karachi; Eugenio de Araújo Sales of Rio de Janeiro; and Paul Zoungrana of Ouagadougou. Копии документов мне предоставил помощник.

⁷⁶ Thomas J. Reese, SJ, *A Flock of Shepherds: The National Conference of Catholic Bishops* (Kansas City, MO, 1992), p. 282.

⁷⁷ Jerry Filteau, “Vatican’s Financial Head Says Catholics Not Giving What They Can”, Catholic News Service, November 12, 1991.

⁷⁸ Sandro Magister, “For Peter’s Cash, a Calm Amid the Storm”, trans. Matthew Sherry, January 30, 2009, www.chiesa.espressonline.it.

декларациях, потому что они верят, что церковь распорядится их деньгами лучше, чем государство, так что церковь Италии в состоянии давать деньги Ватикану. Однако скандалы с сексуальными преступлениями могут изменить такое положение вещей».

Банк Ватикана действует скрытно: о его деятельности ничего не говорится в финансовых отчетах Святейшего престола, мы ничего не знаем о его доходах и потерях или о том, какие суммы он передает папе. Однако еще когда Банк Ватикана не существовал, папы получали деньги за счет лепты Петра. Эти пожертвования на благотворительность поддерживали Ватикан в долгие годы войны и бедствий в Европе. Финансовая система Ватикана основана на пожертвованиях на благотворительность, превратившихся во вложения капитала.

Мир Pio Nono

В 1849 году, когда количество католиков в США составляло 5 процентов от нынешнего, епископы собрали чуть меньше \$26 тысяч для помощи папе, оказавшемуся в трудной финансовой ситуации. Сборы, проведенные в международном масштабе, стали возрождением традиции лепты Петра. В конце XIX века католики Франции, ранее вносившие больше всего пожертвований, уступили пальму первенства американцам. Но для 1849 года сумма, собранная в Америке для Пия IX, была достаточно значимой. Участие католиков Америки в лепте Петра – особенно это касается Нью-Йорка, Филадельфии, Чикаго и Бостона – стало ощутимей из-за притока оседавших в этих городах иммигрантов из Ирландии, Италии и других стран Европы. В 1870-х, когда папы получали огромные пожертвования, Пий IX мог отгородиться от объединенного Королевства Италии, потребовав вернуть огромные сельскохозяйственные территории папе как абсолютному монарху. Во времена борьбы за папское государство лепта Петра позволяла Ватикану делать инвестиции в бурно развивающийся рынок недвижимости⁷⁹.

Когда споры об утраченных территориях были, наконец, улажены в пользу Ватикана, Католическая церковь Америки, несмотря на Великую депрессию, оставалась главным источником финансов для Святейшего Отца. Епископы США, пользуясь своим политическим влиянием, собирали деньги и оказывали поддержку Ватикану. Поток финансов через Атлантический океан сократился еще до всемирного финансового кризиса 2008 года. В 2005 году, когда папой стал Бенедикт XVI, американские диоцезии переживали финансовые потери в связи со скандалом вокруг сексуальных преступлений. Епископы, которым пришлось участвовать в многочисленных судебных процессах, заявляли о своем банкротстве. Так произошло в Портленде, Спокане, Сан-Диего, Тусоне и Давенпорте (штат Айова), а затем в Уилмингтоне, Делавэре и Милуоки. При этом диоцезии не обращались за помощью к папе, но деньги все равно продолжали течь в Рим. Чиновники Римской Курии продолжали наблюдать за случаями банкротства и расходами на судебные тяжбы. В 2002 году Ватикан выдвинул следующее требование: епископ, желающий превратить свои активы в деньги в сумме свыше \$5 миллионов (или \$10,3 миллиона, в зависимости от размера диоцезии), должен получить на это разрешение Конгрегации по делам Духовенства из Рима⁸⁰.

Сердечные привычки порой нелегко поддаются объяснению. За этими финансовыми связями стоит странный роман между верными Нового мира и последней суверенной монархией Старого, облаченной в одеяния грязной итальянской политики. Но когда бы Ватикан ни нуждался в деньгах, католическая Америка их давала. На такую финансовую зависимость Ватикана не повлияли судебные процессы и государственные расследования последнего десятилетия, прошумевшие в США и Ирландии, из-за которых достоянием публики стали шокирующие документы о священниках, совершающих сексуальные преступления. Когда разразился этот величайший после эпохи Реформации кризис, папа Иоанн Павел II не предпринимал никаких действий, разве что иногда приносил извинения или сетовал в СМИ. В 2002 году, когда случаи педофилии среди священников вызвали международный скандал, папа Иоанн Павел II, страдавший от болезни Паркинсона, обвинял психотерапевтов в том, что те указали неверный путь епископам, а кардиналы Ватикана проклинали СМИ и юри-

⁷⁹ О размерах лепты Петра см. Peter R. D'Agostino, *Rome in America* (Chapel Hill, NC, 2004), p. 31. О недвижимости в Риме см. John F. Pollard, *Money and the Rise of the Modern Papacy* (Cambridge, UK, 2005), p. 62.

⁸⁰ Nicholas P. Cafardi, "The Availability of Parish Assets for Diocesan Debts: A Canonical Analysis", *Seton Hall Legislative Journal* 29, no. 2 (2004–2005), p. 362.

стов. Папа не желал признать свою ошибку – как будто о самой возможности этого не могло быть и речи.

За идеей непогрешимости папы стоит продолжительная история, тесно связанная с развитием финансовой системы церкви. В течение семидесяти лет Ватикан превратился из нищего с протянутой рукой в финансовую силу на фоне экономической депрессии, так что он мог давать деньги займы фашистской Италии. По мере развития этих странных событий менялся образ папы, который из религиозного монарха, обладающего земельными владениями, превратился в проповедника мира во всем мире.

Ключевой фигурой для нас будет папа Пий IX, *Pio Nono*, как его зовут итальянцы (*nono* означает «девятый»). Пий IX на правах абсолютного монарха потребовал вернуть престолу те сельскохозяйственные угодья, которые республиканцы отняли у папского государства. *Pio Nono* – первый папа, ставший «звездой», его любили католики во многих странах. Подобно большинству других знаменитостей, он отчасти был порождением своей славы; сам же он не был лишен странностей, иногда мрачного свойства. Тем не менее, епископы и кардиналы, которые путешествовали в Рим с щедрыми пожертвованиями, пользовались повышенным уважением по возвращении домой.

Родившийся 13 мая 1792 года Джованни Мария Мастай-Феретти был младшим ребенком в семье с девятью детьми. Его отец был графом в городе Сенигаллия, стоявшем на Адриатическом море. Священники, вышедшие из аристократических семей, занимали привилегированное положение в итальянской иерархии; кардиналы и архиепископы пользовались политической властью в Риме и в других городах, принадлежавших к Папской области, где церковь и была государством. Два дяди Мастай-Феретти были епископами, один из них служил в базилике Св. Петра. В подростковом возрасте у Джованни появились приступы, которые сочли проявлением эпилепсии. Верен этот диагноз или нет, этот приятный человек иногда испытывал приступы ярости и обладал жутковатым чувством юмора. Он не выделялся талантами в семинарии и в двадцать четыре года стал священником, а еще через четыре года – дипломатом папы. В 1823 году его послали в Чили, где он провел два года. Вернувшись в Рим, он стал заведовать церковным госпиталем. В 1827 году тридцатипятилетний Мастай-Феретти был назначен архиепископом города Сполето, находящегося в Папской области, а в 1840 стал кардиналом⁸¹.

Кардинал Мастай-Феретти, который славился своей неутомимостью, пастырскими качествами и чувством юмора, в 1846 году был избран конклавом и стал папой; друзья кардинала полагали, что конклав стремился найти человека, сочетающего в себе смирение и общительность. В начале своего правления Пий IX заботился о своей популярности. Он гулял по Риму, заботился об уличном освещении, объявил амнистию бунтовщикам в Папской области, избавил евреев от бремени тяжелого требования еженедельно слушать проповеди священников и организовал комиссию для исследования условий жизни в еврейских гетто⁸². *Pio Nono* также твердо верил в свое земное царство. Ему было восемь лет, когда в 1799 году войска Наполеона вошли в Рим и взяли в плен папу Пия VI, который умер в тюрьме во Франции. Ко временам папства Пия IX Италия вернулась к тому состоянию, в каком находилась до завоевания Наполеона: превратилась в ряд царств и автономных государств, не став единой страной со стойкой национальной идентичностью.

В результате Французской революции 1789 года один монарх лишился головы, но короли все еще правили многими странами Европы и в середине XIX века. Монархи относились к папе как к духовному вождю и владыке, стоящему вровень с ними. У пап был свой двор: кардиналы, епископы, важные чиновники, окруженные свитой советников и толпой

⁸¹ David I. Kertzer, *The Kidnapping of Edgardo Mortara* (New York, 1998), p. 15.

⁸² Eamon Duffy, *Saints and Sinners: A History of the Popes* (New Haven, CT, 2006), p. 286.

богатых аристократов, «черных римлян», корыстные интересы которых были как-то связаны с городом, управляемым папой. Двор папы существовал за счет доходов с Папской области, владения, возникшего еще в VIII веке, которое брало начало в середине полуострова вокруг Рима и простиралось на северо-восток, представляя собой на карте изогнутую территорию. Духовенство нередко делило здесь власть с мелкопоместным дворянством. Значительную часть земель возделывали сезонные работники; издольщики трудились на краю Тосканы и в Умбрии⁸³. Владения около Болоньи на севере приносили доход от шелка и табака, южнее, в землях, окружающих Рим, половина населения жила в страшной нищете. Иерархи подвергали цензуре прессу и использовали наемных убийц для запугивания возмущенных работников, готовых поднять бунт⁸⁴. Чарльз Диккенс, посетивший в 1844 году Рим, хладнокровно описывает «разрушенные храмы; разрушенные надгробья на кладбище. Пустыня, где все в упадке, мрачная и запущенная выше всякой меры»⁸⁵.

Южнее находился Неаполь, которым правил порочный король из династии Бурбонов при поддержке безжалостной армии. После своего путешествия по Италии в 1851 году британский политик Уильям Гладстон назвал монархию Неаполя «отрицанием Бога, которое превращено в систему правления». Слова Гладстона повлияли на общественное мнение. Вот какими словами о короле Неаполя говорила газета *New York Daily Times*: он есть «убийство, посаженное на трон и коронованное, воплощение зла... самый омерзительный и жестокий правитель из всех, что втоптывали народы в грязь»⁸⁶. У Америки были торговые отношения с Папской областью, хотя в Риме в 1847 году находился только вице-консул. Конгресс порвал все формальные связи с государством пап⁸⁷.

На севере Пьемонтом правил Виктор Эммануил II, король-воин, склонный проводить реформы, который смог заключить союз с графом Камилло Кавуром, премьер-министром Сардинии. Политический отец единой Италии Кавур боролся за введение национальной валюты. Но единая денежная система повлекла за собой геополитическое единство. В Сицилии харизматический полководец Джузеппе Гарибальди начал борьбу за Рисорджименто, объединение Италии. Пока с двух сторон полуострова к его центру начали двигаться войска, Папская область, дурной пережиток феодализма, продолжала терять деньги.

В 1832 году парижский банк Ротшильда предоставил Святейшему престолу кредит, чтобы тот мог продержаться. «Не имеющие юридического права владеть землей и исключенные из сферы торговли, которую контролировали гильдии, евреи нашли в финансах и кредитовании единственный открытый для них путь к процветанию», – пишет историк Дэвид Кертцер⁸⁸. Ротшильды боролись за то, чтобы евреи покинули свои гетто. Они видели в Пие IX реформатора, который способен облегчить тяжесть положения евреев.

Венецианская республика заключила евреев в гетто в 1517 году. В 1555 году Павел IV издал указы о сегрегации евреев в подвластных ему областях. «Для этого приверженца аскетике, – пишет историк Джеймс Каррол, – оставалась одна-единственная тактика: навязывать свой порядок везде, где это было возможно... Борись с протестантами вне церкви, вводи дисциплину внутри церкви. Но прежде всего – *обращай евреев*»⁸⁹.

⁸³ David Kertzer, беседа с автором по телефону 8 мая 2009. См. также David I. Kertzer, *The Popes Against the Jews: The Vatican's Role in the Rise of Modern Anti-Semitism* (New York, 2001), chap. 3.

⁸⁴ Pollard, *Money and the Rise of the Modern Papacy*, p. 24.

⁸⁵ Charles Dickens, *Pictures from Italy* (New York, 1974), p. 165.

⁸⁶ Tommaso Astarita, *Between Salt Water and Holy Water: A History of Southern Italy* (New York, 2005), p. 75.

⁸⁷ Massimo Franco, *Parallel Empires: The Vatican and the United States—Two Centuries of Alliance and Conflict* (New York, 2008), p. 32.

⁸⁸ Kertzer, *The Popes Against the Jews*, p. 79.

⁸⁹ James Carroll, *Constantine's Sword: The Church and the Jews* (New York, 2001), p. 379.

В 1848 году *Pio Nono* согласился ввести в Папской области конституцию с избираемой палатой представителей. Но когда австрийцы двинулись в сторону Итальянского полуострова, папа, надеясь избежать войны с другой католической страной, призвал народ хранить верность своим господам. Тем временем Гарибальди вместе с союзниками собрал армию, готовую сражаться за единую Италию. Экономическое положение ухудшалось; премьер-министр папы погиб от ножевых ранений. Когда войска Гарибальди вошли в Рим, папа в одежде простого священника бежал – повозка доставила его в Гаэту, крепость неподалеку от Неаполя.

Враждебное отношение Пия IX к объединению Италии было великим препятствием для политического разрешения проблем. Люди на полуострове говорили на разных диалектах, между отдельными областями существовали конфликты, так что было рано стремиться к такому национальному самосознанию, которое существовало, скажем, во Франции. Местные вожди желали объединиться под духовной властью папы, передав управление премьер-министру и парламенту. *Pio Nono* считал, что Римом должен править *он сам*, и это заводило переговоры в тупик. В июле 1849 года, когда Франция захватила Рим, папа снова обратился за помощью к банку Ротшильда. В Париже император Луи-Наполеон просил предоставить папе кредит. Но Джеймс Ротшильд «поднял вопрос о положении евреев в Папской области и поставил условие: сначала папа выпустит евреев из гетто, и только потом можно будет вести разговор о займе», как о том пишет Кертцер.

Папа послал Ротшильду письменное обещание через своего нунция в Париже. Он желает только блага евреям в Папской области, говорил папа, и надеется, что скоро издаст указ об отмене гетто. Но, добавил он, было бы некрасиво – и даже невообразимо – прямо связывать заем с таким указом⁹⁰.

В январе 1850 Ротшильд согласился предоставить папе заем в 50 миллионов франков. 12 апреля *Pio Nono* вернулся в смилившийся Рим, желая править древним городом. Но он не выполнил то, что обещал своему кредитору. Более того, он как будто стал более правым и восстановил жесткий контроль над еврейскими гетто, какой был раньше⁹¹.

В то время как он занял неудачную позицию в борьбе за судьбу Италии, Пий IX начал пользоваться популярностью *за пределами* Апеннинского полуострова. Тронутые судьбой изгнанного папы, католики из аристократических семей Парижа возродили средневековую традицию лепты Петра (скажем, в Англии в давние времена каждый дом платил подать в один пенни в пользу сидящего на престоле святого Петра)⁹², чтобы оказать прямую поддержку окруженному врагами *Pio Nono*. В 1849 году американские диоцезии собрали \$25,978,24 тысячи «в утешение Его Святейшества»⁹³. Архиепархия Нью-Йорка собрала \$6200, а Филадельфия – \$2800. Католическое население (численностью около 1,4 миллиона) возносило молитвы за папу, чьи злоключения делали его особенно близким для их сердец. Помогая ему, они оказывали помощь церкви и вере⁹⁴.

Пий IX поставил секретарем государства смышленного молодого диакона из неапольской семьи, обладавшей хорошими связями. Хотя Джакомо Антонелли не был даже священником, папа настолько ценил его умения, что сделал его кардиналом, а это вызвало зависть других князей церкви. Высокий, худой и «чертовски ловкий» (по язвительному выражению одного летописца) Антонелли трудился под прикрытием пестрой личности Пия IX. У кардинала был брат-банкир, который помогал устанавливать деловые связи за пределами Ита-

⁹⁰ Kertzer, *The Popes Against the Jews*, p. 115.

⁹¹ Pollard, *Money and the Rise of the Modern Papacy*, pp. 32–33.

⁹² “Peter’s Pence”, www.britannica.com.

⁹³ D’Agostino, *Rome in America*, p. 31.

⁹⁴ James M. O’Toole, *The Faithful: A History of Catholics in America* (Cambridge, MA, 2008), p. 132.

лии. Антонелли, занимавшийся финансами папы посреди бурных политических изменений в Европе, реструктурировал долг Святейшего престола, разделил бюджеты папского двора и Курии и ввел более строгую бухгалтерскую отчетность в Папской области⁹⁵. Он сделал своего брата главой банка папы. Один негодующий историк назвал Антонелли «жадным человеком»⁹⁶. Другой его брат стал главой монополии на импорт зерна в Рим. «Братья Антонелли фиксировали цены на зерновые, так что они вместе со своими агентами накопили немалое богатство... это был один из последних случаев вопиющего nepотизма при папах», – пишет Энтони Родс. *Pio Nono*, говоря об Антонелли, называл его «мой Варавва»⁹⁷.

В 1857 году Антонелли использовал лепту Петра как обеспечение нового займа у Ротшильда. Несмотря на это Пий отказался распорядиться о возвращении шестилетнего еврейского мальчика Эдгардо Мортары, которого полиция отняла у родителей в Болонье, после того как служанка заявила, что она совершила крещение ребенка, когда он оставался один и был серьезно болен. Его поместили в Дом катехуменов (изучающих вероучение) и представили папе. Пий IX брал мальчика с собой «на аудиенции, где он играл с ним в прятки, прячась за своим облачением»⁹⁸.

Международная пресса кипела от возмущения; Пий запугивал лидеров еврейских общин на аудиенции, когда они умоляли его вернуть мальчика в семью. «Благодать Божия велит мне исполнять мой долг, и я скорее готов лишиться всех моих пальцев, чем отступить от него», – заявил папа. Мальчика взяли в семинарию. Став священником, Мортара почти забыл о своей семье. Будучи уже взрослым человеком, он встречался со своими родственниками, но так и не смог с ними окончательно примириться. (Он умер в 1940 году в монастыре в Бельгии, дожив до восьмидесяти восьми лет.) То, как папа поступил с семьей Мортары, вызвало парадоксальную реакцию во многих странах. «Даже его критики, раздраженные его упрямством и не ценящие его логичного ума, признали, что его невозможно не любить, – отмечает историк папства Имон Дюффи. – Он был доброжелательным человеком без претензий, весь в крошках нюхательного табака». Когда через много лет умер его враг граф Кавур, папа назвал его «истинным итальянцем» и сказал: «Бог, несомненно, простит его, как мы его прощаем»⁹⁹.

В 1860 году коалиция Пьемонт-Сардиния Кавура вступила в союз с южными национальными силами Гарибальди, так что сторонники Рисорджименто захватили две третьих Папской области. Гарибальди, который некогда работал на производстве свечей на Стейтон-Айленд, сделался героем Америки. «Новое рождение Италии – это величайшее событие современной эпохи», – говорил специалист по Данте Чарльз Элиот Нортон. «Требование платить лепту Петра напоминает нам о времени крестоносцев, – холодно писала газета *New York Times*. – Но сегодня Святейший престол атакуют именно католики – католики юга и севера»¹⁰⁰.

Из благожелательного деспота Пий превратился в реакционного монарха. Он нанес ответный удар (не упоминая прямо Кавура, Гарибальди или республиканцев)¹⁰¹ в своем

⁹⁵ David I. Kertzer, *Prisoner of the Vatican: The Popes' Secret Plot to Capture Rome from the New Italian State* (Boston, 2004), p. 5.

⁹⁶ Kertzer, *The Kidnapping of Edgardo Mortara*, p. 79, цитируется по Jan Derek Holmes's *The Triumph of the Holy See* (Shepherdstown, WV, 1978).

⁹⁷ Anthony Rhodes, *The Power of Rome in the Twentieth Century: The Vatican and the Age of Liberal Democracies, 1870–1922* (London, 1983), pp. 36–37.

⁹⁸ Duffy, *Saints and Sinners*, p. 289.

⁹⁹ Ibid., pp. 293–94.

¹⁰⁰ “Peter’s Pence”, *New York Times*, December 4, 1860.

¹⁰¹ John F. Pollard, *Catholicism in Modern Italy: Religion, Society and Politics Since 1861* (New York, 2008), p. 22; Kertzer, *Prisoner of the Vatican*, p. 24.

эдикте от 1864 года *Syllabus*, «Перечень главнейших заблуждений», где он пытался приструнить нарождающуюся европейскую демократию. Гарри Уиллс назвал *Syllabus* «великим, хотя и в своем безумном стиле», документом, поскольку там говорится, что папа никогда не «примирится с прогрессом, либерализмом и современной цивилизацией и никогда их не примет»¹⁰².

Тем не менее Антонелли понял, что у него появился еще один ценный актив – изображение папы. Продажа картинок и маленьких карточек с ликом *Pio Nono* наряду с его имиджем в газетах сделали папу «популярной иконой, так что он стал самым известным из всех понтификов в истории»¹⁰³. Епископы Европы и Америки объединились для помощи папе, и потому между 1859 и 1870 годами лепта Петра ежегодно возрастала примерно на 8 миллионов лир¹⁰⁴. Хотя изначально папа думал, что будет использовать эти деньги для своей военной защиты, теперь он мог распоряжаться ими по своему усмотрению.

Хотя Пий не спешил освобождать евреев, Ротшильд смотрел в будущее. Его банк одалживал деньги и королевскому дому Пьемонта. Тот факт, что клиентом французского банка является папа, не вредил его репутации, несмотря на то, что папа не выполнил своих обязательств. Поскольку две трети Папской области захватили итальянские силы, *Pio Nono* уже не мог препятствовать созданию Королевства Италии. В 1861 году он отлучил ее короля, Виктора Эммануила II, от церкви. Пий отказывался от предложений новых политических вождей ввести Закон о гарантиях, согласно которому папа будет получать 3,5 миллиона лир ежегодно и ему обеспечат охрану Ватикана. Граф Кавур, стремившийся достичь соглашения с папой, призывал к созданию «свободной церкви в свободном государстве». Ловкий Антонелли мог бы заключить и более выгодную сделку, если бы только его здесь поддерживал папа. Но Пий верил в свое королевское достоинство. Он не желал признать, что утратил контроль над своими владениями¹⁰⁵.

Денег на повседневные расходы, особенно на зарплаты работникам Ватикана из мирян, всегда остро не хватало. Святейший престол обратился к французским епископам, чтобы те организовали пожертвования по подписке среди мирян, но скоро отказался от этой идеи, которая вступала в конфликт с лептой Петра. Католические финансисты предложили устроить всемирную папскую лотерею, Ватикан отверг эту идею. Оказавшийся в трудном положении Антонелли распорядился о чеканке большого количества серебряных монет, «содержащих меньше металла, чем было положено»¹⁰⁶. Французские и швейцарские банки отказались принимать эти дешевые монеты. Эта мера не помогла, шел рост инфляции, и к 1870 году долг пап составил 20 миллионов лир.

Посреди всех этих невзгод Пий сохранил свое странное чувство юмора. «Скажите, почему, – спрашивал папа британского посланника в начале 1866 года, – Британия может повесить две тысячи негров, чтобы подавить восстание на Ямайке, и все ее за это только хвалят, тогда как если я повешу одного человека в Папской области, весь мир меня будет проклинать?» Задав этот вопрос, он начал хохотать, а потом повторял его, потрясая одним пальцем¹⁰⁷. Посланник заподозрил, что у папы не все в порядке с психикой. В 1871 году папа велел итальянцам не голосовать на парламентских выборах – это распоряжение показало, насколько он был далек от политики, и подорвало влияние Ватикана на развитие партий в тот момент, когда по всей Европе происходили демократические изменения.

¹⁰² Garry Wills, *Papal Sin* (New York, 2000), p. 74.

¹⁰³ Duff y, *Saints and Sinners*, p. 228.

¹⁰⁴ Pollard, *Money and the Rise of the Modern Papacy*, pp. 32–33.

¹⁰⁵ J. N. D. Kelly, *The Oxford Dictionary of Popes* (Oxford, 1986), pp. 314–16. О сумме 3.5 миллиона лир см. Duff y, *Saints and Sinners*, p. 233.

¹⁰⁶ Pollard, *Money and the Rise of the Modern Papacy*, p. 39.

¹⁰⁷ Kertzer, *Prisoner of the Vatican*, p. 19.

Французские войска выделили гарнизон для защиты папы. В 1869 году Пий созвал всех епископов на Ватиканский собор. Он хотел, чтобы они поддержали идею папской непогрешимости: что папа не может допустить ошибки, возвещая догмат, и он вправе высказывать вероучительные положения без совещания с кардиналами и епископами. Американские епископы приняли эту идею не без сомнений. Диоцезии многих из них располагались в таких районах, где местное население пламенно ненавидело «папизм» – ту религию, которая ставит под угрозу американскую демократию. Епископ Рочестера (штат Нью-Йорк) писал из Рима своему другу по секрету: «По моему смиренному мнению, как и по мнению почти всех американских епископов, которые согласны в этом со мной, идея непогрешимости обернется великим бедствием для церкви». Епископ Питсбурга выражался еще решительнее: «Это нас убьет»¹⁰⁸.

На Ватиканском соборе создалась комическая ситуация. Противник республиканства Пий изъявил желание, чтобы епископы *голосовали*, как в парламенте, ради того, чтобы папы обрели сверхчеловеческую власть. Когда итальянский кардинал начал возражать, *Pio Nono* свирепо ответил, что тот совершает «ошибку». А затем он провозгласил: «Я, я есть традиция!»¹⁰⁹

Возможно, это высокомерие породило бунт во время предварительного голосования за предложенный папой текст, поскольку при первом раунде 88 голосов было подано против предложения Пия, 62 за него, а 85 епископов отсутствовало – то есть их не было в Риме. Французские защитники Ватикана отбыли, потому что начиналась война с Пруссией. Ватикан остался без защиты. Шестьдесят семь епископов, которые возражали против непогрешимости, уехали до начала голосования. Многочисленные епископы, которых Пий поставил в Италии и Испании, поддержали папу, так что он одержал – хотя и не совсем честную – победу: 533 голоса за, 2 против¹¹⁰. Но покинувшие собор чувствовали себя разочарованными. «Эта победа в чем-то осталась неубедительной, так что даже самые крайние сторонники крепкой руки не выражали восторга по ее поводу», – пишет Уиллис¹¹¹.

Антонелли, занимавшийся финансами, предупреждал папу, что непогрешимость оттолкнет от него многих. «За меня стоит Пресвятая Дева», – отпарировал *Pio Nono*¹¹². Действительно, доктрина непогрешимости была задним числом использована в качестве поддержки декларации папы от 1854 года о том, что Мария родилась вне первородного греха (доктрина непорочного зачатия). Ни в каких своих других заявлениях после Ватиканского собора Пий не ссыался на непогрешимость. (В дальнейшей истории был только один подобный случай: когда в 1950 году папа Пий XII провозгласил, что Мария была вознесена на небеса телесно.) Такие доктрины о духовном мире оставались в стороне от развивающейся науки. С точки зрения географии область, над которой властвовал Верховный понтифик, сжалась до размера маленького города, в то же время идея о совершенстве папы усилила его власть, с которой не мог соперничать никакой президент, премьер-министр или диктатор.

Когда финансовое положение папы ухудшилось, *Pio Nono* шутил: «Возможно, я непогрешим, но я точно банкрот»¹¹³. По иронии судьбы, непогрешимость начала приносить доходы. В популярном сознании появилось убеждение, что папа не способен совершить

¹⁰⁸ Ibid., p. 26.

¹⁰⁹ Ibid., p. 31.

¹¹⁰ Gertrude Himmelfarb, *Lord Acton: A Study in Conscience and Politics* (London, 1952), p. 102, объясняет, что в Папской области было шестьдесят два епископа, которые были представителями 700 тысяч человек, тогда как один польский епископ представлял 1,7 миллиона католиков Польши. «Оказалось, что по папской статистике двадцать обученных немцев значили меньше, чем один необразованный итальянец».

¹¹¹ Wills, *Papal Sin*, pp. 249–56.

¹¹² Ibid., p. 215.

¹¹³ Corrado Pallenberg, *Vatican Finances* (London, 1971), p. 59.

ошибки, и папство стало символом чистой истины. Католики Европы и Америки начали жертвовать деньги, демонстрируя тем самым свою поддержку папы.

Ватиканский собор закончился. Либеральная Италия поглотила Рим и остатки Папской области. Лишенный былых имений, оказавшийся монархом без армии, *Pio Nono* пересек Тибр и поселился в крохотном государстве Ватикан – на 108 акрах земли, где находились базилика Св. Петра, Апостольский дворец, сады и исторические здания. Называвший себя «узником Ватикана» папа с горечью дал обет не ступать по земле самого Рима, пока Италия не вернет ему отнятые владения. Это было красноречивым завершением умирающей эпохи европейской монархии.

Много лет спустя знаменитый богослов Ганс Кюнг, размышляя о Первом Ватиканском соборе (как его стали называть), написал такие слова: «Ахиллесовой пятой римской теории непогрешимости был, в итоге, недостаток веры. Действительно, Бог действует в церкви Святым Духом... Но люди, которые составляют церковь, могут ошибаться, давать неверные оценки и допускать промахи, стать глухими, утратить понимание или сбиться с пути»¹¹⁴.

Pio Nono, совершавший ошибки в сфере геополитики, одержал победу как непогрешимый богослов. Ирландские и немецкие священники распространяли маленькие изображения Его Святейшества, лежащего в темнице на соломе, – узника нечестивых итальянцев¹¹⁵. Популярное представление о бедствиях папы его обогащало: в 1847 году на католическом конгрессе в Венеции в качестве лепты Петра была собрана поразительная сумма в 1,7 миллиона лир¹¹⁶. Парламент Королевства Италия, возмущенный враждебным отношением папы, обсуждал введение запрета на лепту Петра, но этот план не осуществился. Между тем мысль о духовно совершенном папе, стоящем на скале догмы в стремительно меняющемся мире, изменила имидж папы: он перестал быть господином земельных владений и превратился в святого короля, стоящего на пороге бедности. Папа притягивал к себе пожертвования, как магнит, в эпоху распространения городского капитализма и несмотря на все возражения богословов и интеллектуалов, которые не соглашались и не соглашаются сегодня принять теорию непогрешимости.

Из своего элегантного бункера с выходом в сад и видом на великие здания Ватикана *Pio Nono* наблюдал за всем миром, открыв более двухсот новых диоцезий и поставив туда епископов. Эта масштабная религиозная экспансия создавала яркий контраст с его крохотным королевством. Он дал ход канонизации большому количеству святых, чем все вместе взятые папы за 150 предшествовавших лет; подобное наблюдалось только во время двадцатисемилетнего папства Иоанна Павла II. Когда советник из иезуитов предложил папе помириться с Италией и попросить возмещения за утраченную Папскую область, возмущенный *Pio Nono* ответил: «В Риме глава церкви может быть или правителем, или узником»¹¹⁷.

Кембриджский историк Джон Поллард подсчитал, что в течение семи лет после сдачи Рима в 1870 году Ватикан ежегодно мог откладывать по 4,3 миллиона лир из лепты Петра. Разрабатывая стратегию инвестирования, Антонелли игнорировал Италию с ее наполовину феодальной аграрной экономикой, он предпочитал индустриализованные страны. Папские посланники, нунции, играли важную роль в осуществлении этих замыслов. Поллард пишет:

Значительная часть денег Ватикана хранилась в иностранных банках, таких как банк Ротшильда в Париже, банк *Société Générale* в Брюсселе и Банк Англии; в то время в США деньги почти или совсем не посылались, хотя есть свидетельства о том, что Антонелли размышлял о такой

¹¹⁴ Hans Küng, *Infallible? An Unresolved Enquiry* (New York, 1994), pp. 145–146.

¹¹⁵ Pallenberg, *Vatican Finances*, p. 32.

¹¹⁶ Ibid., p. 33.

¹¹⁷ Kertzer, *Prisoner of the Vatican*, p. 132.

возможности. Антонелли использовал папских нунциев для осуществления его финансовых операций в других странах, в частности, те должны были находить подходящие банки, облигации и ценные бумаги, а не просто акции компаний. Двое финансовых посредников Рима... совершали необходимые операции, незаконно перевозя деньги из лепты Петра, когда правительство Италии это запрещало, обменивая валюту, получая наличные по чекам и ценным бумагам, полученным в рамках лепты Петра, и продавая ценные вещи, подаренные благочестивыми верующими¹¹⁸.

Папа отказывался вести переговоры о репарации, решительно требуя возратить ему Рим и древние плантации, не беспокоясь о том, что его бывшее царство держалось на ненадежном труде батраков. Антонелли управлял потоком финансов и руководил инвестированием в кредиты и коммерцию. *Pio Nono* не искал поводов к восстановлению дипломатических отношений и дал категорический отказ королевской семье, попросившей его в 1878 году возглавить похороны Виктора Эммануила. Двести тысяч людей вышли на улицы и присоединились к процессии, когда короля везли хоронить в Пантеоне – папа же упустил этот шанс примирения. В Америке это тоже вызвало разделения. Когда епископ Питсбурга отказался отслужить мессу для итальянцев об их короле, они собрались в пресвитерианской церкви. В Чикаго четыре тысячи итальянцев устроили траурную процессию, в которой было задействовано двести украшенных карет и десятков марширующих оркестров, а губернатор Иллинойса и мэр смотрели на процессию с трибуны¹¹⁹.

Это парадоксально: итальянцы, живущие в Америке, вышли на парад в честь короля их объединенной родины, при этом многие, если не большинство, из них готовы ходить и на мессу, чтобы молиться за папу, непокорного монархиста. Эти люди, под влиянием которых складывалась жизнь американских городов, хотели бы иметь и гарантии либеральной демократии, и *одновременно* быть твердо уверенными в правоте своей веры. Верные прихожане жили вне противоречий Ватикана, враждебно относившегося к мукам рождения республиканской Италии. Миряне Нового мира ожидали от иерархов Старого, что последние покажут им истинную веру в плюралистическом обществе, посылая лепту Петра в Рим.

Спустя несколько месяцев после смерти короля, 7 февраля 1878 года папа Пий IX скончался в возрасте восьмидесяти шести лет. Протестующие антиклерикалы теснили участников похоронной процессии; на мосту через Тибр произошло столкновение, так что гроб с телом папы чуть не упал в реку. В течение последующего десятилетия члены семьи папы судились за его личное имущество. В итоге кардиналам удалось со всеми мирно договориться¹²⁰.

Кардинал Джоакино Печчи, которого конклав выбрал стать преемником умершего *Pio Nono*, отличался большим умом и более широким взглядом. Лев XIII, как его стали называть, правил церковью 25 лет, не покидая Ватикана. Он жадно читал газеты и романы. Писатель Эмиль Золя, посетивший папу, отметил, что у него были «великолепные глаза, сияющие как черные алмазы». Стремясь найти гармонию между миром и Святейшим престолом, Лев послал своих нунциев в разные страны и маленькую делегацию в Вашингтон¹²¹. Одновременно он поддерживал Христианскую общественную партию в Австрии, программа которой отражала антисемитизм ее вождей, что вызывало возражения со стороны австрийских епископов¹²². Создалась парадоксальная ситуация, когда США официально признали сво-

¹¹⁸ Pollard, *Money and the Rise of the Modern Papacy*, p. 51.

¹¹⁹ D'Agostino, *Rome in America*, pp. 61, 78.

¹²⁰ Pollard, *Money and the Rise of the Modern Papacy*, p. 51.

¹²¹ Rhodes, *The Power of Rome*, p. 76.

¹²² Kertzer, *The Popes Against the Jews*, p. 192.

бодную Италию, в то время как священники, монахи и издатели католических газет возмущались тем, что Святейший Отец пребывает в изоляции. Лев XIII, обращаясь к французам и немцам, говорил, что ему надлежит восстановить власть над Римом и вернуть себе утраченные владения. Но европейцы эпохи современности полагали, что Италия принадлежит Италии. В то время как многочисленные итальянцы поселились в США, Лев отказывался вести переговоры о Законе о гарантиях. Власти Италии откладывали деньги, ожидая в будущем согласия по этому вопросу.

В 1891 году папа Лев XIII издал энциклику *Rerum Novarum*, один из самых влиятельных документов папства. В этой энциклике папа связывал социальное учение церкви с правами рабочих в эпоху бурного развития профсоюзов. Лев подчеркивал, что частная собственность священна, тем самым решительно отделяя церковь от марксизма и выражая готовность поддерживать итальянские банки и кредитные ассоциации, которыми управляют католики. Благодаря *Rerum Novarum* в Америке многие священники и даже епископы стали участниками профсоюзных движений.

В отличие от своих предшественников, Лев XIII не демонстрировал отрешенного отношения к деньгам и не думал, что о них должен позаботиться Бог – или Антонелли, который умер раньше Пия IX. Под своей кроватью папа хранил сундук, наполненный золотом, драгоценностями и наличностью. Он назначил монсеньора Энрико Фольки *commissario* финансов. «Лев постоянно участвовал в обсуждении вопроса о том, куда вкладывать деньги, и особенно о предоставлении займов, которые, в том числе, предоставлялись его племяннику графу Печчи», – пишет Джон Поллард. Это облегчало работу Фольки¹²³. После смерти популярного Пия IX об этом папе стали постепенно забывать. Чтобы создать свой собственный имидж, Лев XIII организовал несколько религиозных юбилеев, во время которых десятки тысяч людей устремлялись в Вечный город. Монсеньор Фольки помогал опустошать белые вельветовые сумки, которые паломники наполняли деньгами во время аудиенций, клал в банк наличные, обменивал иностранные банкноты и слушался папу Льва, который давал распоряжения, сколько следует тратить на двор, на Курию и на службы Ватикана.

В 1880-х годах благодаря деятельности Фольки Ватикан стал значимым владельцем акций Банка Рима (*Banco di Roma*), который вкладывал большие деньги в недвижимость. Элегантные здания в районе Прати, в десяти минутах ходьбы от собора Св. Петра, строились как правительственные офисы и резиденции чиновников или политиков. Когда цены на недвижимость стали резко расти, Фольки вложил накопленные деньги из лепты Петра в *Società Gignale Immobiliare*, фирму-исполнитель, которая стала важнейшей строительной фирмой Рима. Пока папа символически оставался узником, Ватикан вкладывал деньги в компанию города-тюремщика. В 1885 г. Банк Рима приобрел контрольный пакет акций в автобусной и трамвайной службах города. Непогрешимость способна приносить доход.

¹²³ Pollard, *Money and the Rise of the Modern Papacy*, p. 360.

Епископы-строители

Купаясь в реке пожертвований из дальних диоцезий, Ватикан наслаждался жизнью в 1880-х, а в это время бостонский семинарист Уильям О'Коннелл учился в Папском североамериканском колледже, семинарии, основанной *Pio Nono*. Джеймс О'Тул в книге «Воинственная и торжествующая», биографии О'Коннелла, пишет:

Семинаристам... настойчиво прививали чувство *Romanita`* – «римскости», – так что у них создавалось интуитивное убеждение в том, что только папа и его административный аппарат олицетворяют собой католичество в его чистом виде. Некоторые выпускники «римского» заведения позже начинали смотреть на вещи шире, но большинство сохраняло консервативный взгляд и веру в централизацию. «Римский ум есть ум церкви и ум Христов», – писал позже Уильям О'Коннелл, глубоко усвоивший эту установку¹²⁴.

Родившийся в 1859 году в семье выходцев из Ирландии, где он был вторым ребенком из шестерых, Уильям вырос в Лоуэлле. Его отец трудился на текстильной фабрике. Дети из ирландских семей обычно вступают в брак поздно, находя себе пару среди ирландцев, и среди них существует сильная солидарность¹²⁵. Четверо братьев Уильяма начали зарабатывать себе на жизнь простым ручным трудом, в то время как мальчик, служивший алтарником, отправился в Бостонский колледж, где получал медали за успеваемость и был приглашен произнести речь на торжестве в честь выпуска. При поддержке архиепископа Уильям О'Коннелл отправился в Рим, чтобы поступить в семинарию, и там оказался в Североамериканском колледже. Затем, став священником, он сделался ректором этого заведения.

В 1901 году в Риме О'Коннелла рукоположили в епископа, а в 1903 году, когда ему было сорок четыре, послали епископом в Портленд, штат Мейн. Это была маленькая диоцезия в лесистом регионе: 57 церквей, разделенных лесами, 100 священников на 97 тысяч католиков в штате с населением в 700 тысяч человек. Первый раз обращаясь к новой пастве, О'Коннелл объявил: «В том, что касается патриотизма, я американец, но также я римлянин в вере и любви к церкви – и таким всегда останусь»¹²⁶. Исполнительный и немного строгий епископ О'Коннелл посещал церкви и следил за тем, как живут священники и приходы; если финансовые дела прихода были запутаны, епископ разбирался, в чем дело. Он ужасно боялся долгов и хотел стабильно вносить свой вклад в лепту Петра, которая свидетельствовала о верности рассеянных по всему миру епископов Святейшему Отцу. На протяжении пяти лет его правления скромная диоцезия Мейна ежегодно собирала по \$3000. В 1906 году его перевели в Бостон, где он стал помощником большого архиепископа; предполагалось, что со временем Рим сделает О'Коннелла его преемником.

Бостон, где католиков насчитывалось 850 тысяч, был огромным карьерным шагом вперед для О'Коннелла. Однако в Мейне новый епископ провел ревизию и нашел вопиющую недостачу. Значительная часть денег куда-то исчезла. В ярости Льюис Уолш написал архиепископу О'Коннеллу письмо с требованием возместить недостающее. В кратком ответном письме О'Коннелл не признавал себя в чем-либо виновным, но послал с ним чек на \$25,576,09 тысячи, чтобы возместить пропажу. Уолш успокоился и засел заполнять бухгалтерские отчеты. Если слова греческого философа Гераклита о том, что характер есть судьба,

¹²⁴ James M. O'Toole, *Militant and Triumphant: William Henry O'Connell and the Catholic Church in Boston, 1859–1944* (Notre Dame, IN, 1992), p. 16.

¹²⁵ Ibid., p. 11.

¹²⁶ Ibid., pp. 34, 39.

справедливы, то что мы можем сказать об О'Коннелле? «Он привык не отделять самого себя лично от своей роли доверенного лица большой деятельной организации, которая существует помимо него», – пишет О'Тул. Этот дух, который можно выразить девизом «Церковь – это я», был свойственен и *Pio Nono*. За имиджем прозрачно чистого и боевого епископа скрывалась тенденция быть самому себе законом»¹²⁷. В 1911 году он стал кардиналом.

Кардинал О'Коннелл был важнейшим деятелем из ряда новых прелатов, в основном американцев с ирландскими корнями, которые превращали Католическую церковь в мощный институт между Гражданской войной и всплеском рождаемости в 1950-х. Это были «епископы-строители»: Джон Хьюджс, Патрик Хейс и Френсис Спеллмен в Нью-Йорке, Деннис Догерти в Филадельфии, Джон Айрленд в Сент-Поле, Джеймс Макинтайр (бывший биржевой маклер) и Тимоти Меннинг в Лос-Анджелесе, Патрик Фихан и Джордж Манделейн в Чикаго, Ричард Кашинг, который стал преемником О'Коннелла в Бостоне. Этот список неполон. Епископы той эпохи строили инфраструктуру приходов и школ. Дома для сирот и госпитали создавали в основном ордена монахинь, которые также работали в приходских школах; мужские ордена, особенно иезуитов, доминиканцев, салезианцев, отцов Святого Креста и Христианских братьев, работали в средних школах и колледжах. Но именно решения епископов относительно финансов и недвижимости были основой богатства церкви, которое позволяло финансировать различные служения и школы и создавать инфраструктуру, которая определила характер американских католиков. В Чикаго архиепископ Фихаг побил все рекорды, открыв за срок своего двадцатидвухлетнего правления, завершившегося в 1902 году, 140 приходов¹²⁸.

Итак, О'Коннелл, при росте метр семьдесят с небольшим и весе более ста килограммов, погрузился в бостонскую жизнь, неся в себе римскую атмосферу возрождающейся церкви. Он был своим человеком среди аристократов, создающих общественное мнение, общался с политиками, посещал сановников и президентов. Он высказывал свои мнения о новых законах, критикуя как сухой закон, так и законы о детском труде (которые, как ему казалось, подрывали авторитет семьи). Умелый фандрайзер, он использовал в своих интересах щедрость ирландцев, достигших уровня среднего класса. О'Коннелл разъезжал по городу на лимузине, часто в сопровождении своих любимых пуделей. Он выстроил себе дворец в стиле Возрождения с двадцатью пятью комнатами в Брайтоне. Как первый кардинал в Бостоне, он исполнял свою роль князя церкви, чем снискал расположение людей, еще хранящих воспоминания о тяжелой нищете. Его престиж был их престижем. Раз в каждые семь лет он отправлялся в длительные европейские путешествия, во время которых он старался поддерживать связи с Ватиканом. Позже он стал проводить долгие зимние каникулы на Багамах.

Каждый священник из почти двух сотен церквей должен был спрашивать его разрешения на оплату расходов в сумме, превышающей \$100, другими словами, любой ремонт приходского дома или школы нельзя было совершить без его одобрения. Священники представляли в его канцелярию ежегодные бухгалтерские отчеты для проверки. Со свойственной ему мудростью О'Коннелл тратил поступления своих важнейших приходов на местное благоустройство или благотворительность, чтобы показать мирянам, на что идут их пожертвования. Он купил католический еженедельник *The Pilot* и сделал его газетой своей архидиоцезии, которая публиковала его изображения (в начале ее редактором работал будущий кардинал Нью-Йорка Френсис Спеллмен). В течение своего первого десятилетия, когда он стал распоряжаться в Бостоне, О'Коннелл ежегодно высылал в Рим лепту Петра в раз-

¹²⁷ Ibid., pp. 56–57.

¹²⁸ Charles R. Morris, *American Catholic: The Saints and Sinners Who Built America's Most Powerful Church* (New York, 1997), p. 114.

мере \$20 тысяч¹²⁹. Он стал первым кардиналом в Бостоне (и вторым в Америке) и чем-то в своей теневой роли напоминал Антонелли, только ирландского происхождения и в США. Когда папы занимались и религией, и финансами, это вызывало недовольство, но «епископы-строители» поколения О'Коннелла, преодолевая сопротивление местных жителей, собирали деньги в больших количествах, чтобы создавать масштабную систему социальных и медицинских служб для бедных задолго до появления соответствующих федеральных программ, в рамках которых бедные получали социальное пособие или бесплатную медицинскую помощь.

О'Коннелл воплощал в себе такую форму управления, которая в равной степени отражала верность как Риму, так и США. Подобно другим епископам-строителям, он понимал себя в ключе церкви Средневековья, где епископ был доброжелательным господином, а миряне относились к его подданным. Хотя католики мирно жили в плюралистическом обществе с его юридической системой, выборами и свободной прессой, О'Коннелл и епископы, как будто вышедшие из XII века, воплощали в себе средневековые представления о власти, и эти архаичные представления давали им жизнестойкость на протяжении долгих лет, а одновременно сыграли важнейшую роль в недавних сексуальных скандалах и финансовом кризисе.

Генеральная репетиция спектакля на данную тему состоялась в 1907 году, когда кардинал сделал своим секретарем отца Джеймса О'Коннелла, собственного племянника. Это отражало как солидарность ирландцев, так и приверженность Риму. В 1912-м отец Джеймс, уже ставший монсеньером, занял пост канцлера, то есть возглавил управление финансами. По словам Джона Куни, он «исполнял грязную работу для своего дяди»¹³⁰. Племянник кардинала занимался банковскими счетами архидиоцезии, вел переписку со священниками и наблюдал за страхованием и за тем, куда архидиоцезия инвестирует деньги, – так молодой человек получил огромную власть.

Неизвестно, когда именно у Джеймса О'Коннелла возник роман с женой доктора Нью-Джерси, но 18 апреля 1913 года она быстро развелась с мужем в Южной Дакоте и на следующий день отправилась в Индиану, чтобы заключить брак с монсеньером в присутствии мирового судьи. Им обоим было по двадцать восемь лет. На протяжении семи с половиной лет О'Коннелл «вел странное раздвоенное существование в двух совершенно разных сферах жизни». Дома в Манхэттене на Восточной Тридцать шестой улице (он жил вместе с тещей) его называли Роем, оттуда он приезжал в Бостон, чтобы заниматься церковными делами. Детей у них не было, а жили они хорошо. Джеймс О'Тул пишет:

Летом 1913 года они отправились в Европу, чтобы наконец провести там отложенный медовый месяц. По возвращении они указали в декларации, что сделали покупок на сумму \$1600... Мистер Рой занимался спекуляцией с недвижимостью, и можно сказать почти наверняка, что для этого монсеньер О'Коннелл использовал присвоенные деньги церкви. Необходимость содержать семью в Нью-Йорке толкнула его на это преступление, в то время как доступность огромных денежных средств в Бостоне предоставила ему удобную возможность его совершить. Отец [Джон] Маллен позднее утверждал, что неизвестный бостонский банкир совершил хищение в размере трех четвертей миллиона долларов¹³¹.

¹²⁹ Ibid., pp. 103, 93.

¹³⁰ John Cooney, *The American Pope: The Life and Times of Francis Cardinal Spellman* (New York, 1984), p. 24.

¹³¹ O'Toole, *Militant and Triumphant*, p. 182.

Но колесо судьбы пришло в движение под действием тайной жизни другого священника, отца Дэвида Туни. Этот священник, редактор газеты *Pilot*, был близким другом Джеймса О'Коннелла – настолько близким, что он нанес визит чете Рой во время их европейского путешествия. Миссис Рой прекрасно знала, кем является ее муж. Когда Дэвид Туни влюбился во Флоренс Фоссу, подругу Роев, и вступил с ней в брак, он обманул свою невесту, сказав, что работает тайным агентом и потому часто пребывает в разъездах. Туни был исповедником кардинала О'Коннелла, то есть в буквальном смысле давал кардиналу отпущение грехов. Далее последовала сцена, достойная кинокомедии. Подозрительная Флоренс следила за Дэвидом и тайно последовала за ним в Бостон, где обнаружила не только то, что ее муж – священник, но и то, что он изменяет ей со своей секретаршей в редакции *The Pilot*! Разгневанная Флоренс повела себя безумно: она обратилась в полицию и затем предстала перед кардиналом, которому рассказала горькую правду об обоих священниках, называя монсеньера Джеймса «вонючим мерзавцем». Кардинал успокоил женщину, а потом пригласил в комнату юриста, работавшего на церковь.

Флоренс получила деньги в сумме \$7500; сегодня мы бы назвали эту подачку «взяткой за молчание».

Что же случилось с Туни? На его голову опустился меч канонического права, он был запрещен в служении и отлучен от причастия. Флоренс от него навсегда избавилась¹³².

Что же касается Джеймса, здесь добрый кардинал ничего не предпринимал, хотя слухи о злосчастной участи Туни циркулировали среди священников. Папский нунций в Вашингтоне встретился с Флоренс. Рим требовал увольнения канцлера. Так, по прошествии семи удивительных лет двойной жизни в ноябре 1920 года Джеймс О'Коннелл написал заявление, в котором просил «предоставить ему возможность отдохнуть от утомительных обязанностей»¹³³. Он переехал в Нью-Йорк и жил там счастливо со своей женой. Никакие сведения об этом не просочились в прессу; суд никогда не обвинял племянника кардинала в присвоении денег. Однако епископы Новой Англии попросили изгнать монсеньора. Почему кардинал так снисходительно относится к безнравственному поведению своего племянника? Епископы Новой Англии вызвали О'Коннелла на частную встречу; поскольку он ни в чем не считал себя виноватым, это их еще больше разгорячило.

Епископ Уолш из Мейна приехал в Рим с письмом, подписанным другими епископами из соседних регионов, с требованием снять О'Коннелла с его поста. Уолш вручил это письмо папе Бенедикту XV вместе с пожертвованием от своей скромной диоцезии в размере \$17 тысяч. Папа отнесся к привезенной новости очень серьезно, что вселило надежду в Уолша, и потому, возвращаясь на корабле в Америку, он полагал, что бостонский испорченный кардинал вскоре покинет свою кафедру.

Бенедикт XV прошел через ужасы Первой мировой войны и считал папство нравственной силой миротворчества, что радикальным образом отличалось от куда более узкого круга забот прежних пап. Его предшественник, Пий X, был решительным реакционером и преследовал передовых богословов, обвиняя их в туманной ереси под названием «модернизм» (как бы снова вызывая к жизни *Syllabus* папы Пия IX), в то же время при Пие X отношения с Италией стали менее напряженными, чему способствовала постоянная поддержка Банка Рима. Он смягчил прежние запреты Ватикана относительно участия католиков в парламентских выборах. Пий X оздоровил литургическую жизнь приходов, введя туда грегорианское пение и улучшив качество музыки. Он был единственным итальянским папой с начала XIX века, который вырос в крестьянской семье, и единственным (на момент, пока я пишу эти строки) понтификом за два последних столетия, признанным святым. Считалось, что он совершает

¹³² Ibid., p. 186.

¹³³ Ibid., p. 193.

чудесные исцеления. Он умер в 1914 году, через месяц после начала мировой войны. Его преемником стал кардинал Джакомо делла Къеза, аристократ из Генуи, несший дипломатическую службу в Испании. Нового папу назвали Бенедиктом XV.

Этот папа приостановил охоту на модернистов и вместо этого, используя позицию нейтралитета Святейшего престола, призвал прекратить войну, подобную «омерзительной бойне»¹³⁴. Франция, в которой служили двадцать пять тысяч священников, осуждала нейтралитет Ватикана; ей казалось, что это идет на пользу германской коалиции, использовавшей атаки подводных лодок. В 1916 году Бенедикт заявил, что торговля оружием «противоречит законам стран»¹³⁵. Когда Бенедикт пытался внушить епископам Австро-Венгрии и Германии, что они должны стоять за мирные переговоры, он увидел, что денежные потоки через лепту Петра оскудевают. Все меньше епископов приезжало в Рим; папские аудиенции стали скромнее по количеству народа. Банк Рима нес потери, а это подрывало финансовые основы Святейшего престола.

Католики Америки во время войны собирали в качестве лепты Петра по \$300 тысяч в год, что позволяло Бенедикту содержать госпитали и оказывать помощь жертвам бедствий; он давал дары порядка \$20 тысяч. Кроме того, папа одалживал малые суммы Италии и мобилизовал две тысячи священников, которые стали санитарами. В августе 1917 г. Бенедикт опубликовал «Мирную ноту», в которой призвал воюющих приостановить «бесполезную резню» и вступить в переговоры, где содержался план разоружения в семи пунктах, включающий создание международного судебного органа. Разгневанные итальянские генералы требовали казнить папу. Немецкие сановники требовали вернуть свои доли капиталовложений, когда Германия побеждала в битвах. 24 октября 1917 года войска Австро-Венгрии, поддерживаемые немцами, прорвали линию фронта Италии в Капоретто и начали яростное наступление. 300 тысяч человек погибло, мертвые израненные тела валялись в навозе и лежали кучами вдоль дорог, иногда под мертвыми лошадьми, трупы плыли по рекам. Около 600 тысяч мирных жителей спасались бегством от этого кошмара¹³⁶.

Один раненый солдат, вернувшийся на место издателя в газете, по имени Бенито Муссолини осмеивал «Его Святейшество папу Пилата XV». Муссолини писал, что стране нужен лидер с «нежным прикосновением художника и тяжелым кулаком воина... человек, который знает народ, любит народ и может направлять и гнуть его – применяя, если это нужно, насилие»¹³⁷. Италия мобилизовала около миллиона промышленных рабочих, которые начали производить армейское снаряжение и подвижной состав. Когда германский альянс распался, Италию охватило чувство победы. Папа же стал зависеть от поддержки Америки. Содержание большой армии и флота отражалось на всей экономической жизни Италии.

Когда в 1919 году представители воюющих народов собрались для подписания Версальского договора, папа досадовал на то, что для него там не нашлось места. Президент Вудро Вильсон включил некоторые предложения папы, опубликованные в 1917 году, в свои Четырнадцать пунктов о мире, а позже посетил папу. Версальский договор оказался неудачным, потому что некоторые его пункты вели к глубокому разорению Германии; это больше походило на наказание побежденного, чем на условия для восстановления мира. Папа это понимал, но ничего не мог сделать. В своей энциклике Бенедикт размышлял о «полностью опустошенных огромных районах, необработанной и заброшенной земле... многочисленных вдовах и сиротах, лишившихся всего»¹³⁸.

¹³⁴ Kelly, *The Oxford Dictionary of Popes*, pp. 314–16; Duffy, *Saints and Sinners*, p. 333.

¹³⁵ John F. Pollard, *The Unknown Pope: Benedict XV (1914–1922) and the Pursuit of Peace* (London, 1999), p. 122.

¹³⁶ Christopher Duggan, *The Force of Destiny: A History of Italy Since 1796* (London, 2007), p. 399.

¹³⁷ Ibid., p. 400.

¹³⁸ Pollard, *The Unknown Pope*, p. 146.

В Италии бушевала инфляция, а фашисты Муссолини, применявшие террористические тактики для борьбы с католиками и левыми, набирали силу – именно в этот момент епископ Уолш из Мейна привез Бенедикту новости о кардинале О’Коннелле и его порочном племяннике.

Папы крайне редко снимают с постов князей церкви или даже обычных епископов. Искушение высокомерия – когда гордость оправдывается тем, что какие-то темные дела надо скрывать «для блага церкви», крайне сильно. Кроме того, Бенедикт в какой-то мере чувствовал, что у него связаны руки, поскольку, благодаря упрямству Пия IX, он все еще оставался ватиканским узником. В 1920 году, когда война уже унесла жизни 10 миллионов людей, Бенедикт в торжественной обстановке провозгласил Жанну д’Арк святой. Он надеялся, это снизит уровень напряженности в отношениях между французскими монархистами и современными католиками, которых привлекала идея «свободной церкви в свободном государстве». На торжество по поводу канонизации прибыло около восьмидесяти официальных лиц из Франции. На этом фоне инцидент с бостонским кардиналом был для Святейшего Отца малозначительным событием.

Вскоре Бенедикт дал свой ответ: епископы США должны прийти к единому мнению о вине кардинала до того, как в дело вмешается Ватикан. Папа, недавно видевший ужасы войны, тем самым предложил князьям церкви и епископам, которые снабжали его финансами, самим решать, хотят ли *они* устраивать нечто вроде судебного процесса. Злоупотребления, о которых ему рассказали по секрету, не стали достоянием публики. О грехах племянника кардинала молчали газеты. Наказать кардинала О’Коннелла не значило обнародовать эти факты, напротив: важнее всего прочего для церкви было избежать скандала. Но *какие-то* причины решения нужно представить публике. Кроме того, снять с поста князя церкви означало найти ему какую-то должность в Ватикане, чтобы он мог сохранить свое лицо. Вот что имел в виду папа: если уж придется пойти на эту редко применяемую меру и наказать князя церкви, надо делать это как можно деликатнее и незаметнее.

Рассчитывал ли Бенедикт, перепоручая это дело епископам, на то, что они на этом утихомируются? По логике апостольского преемства епископы считали себя наследниками апостолов Иисуса. Кого из них можно сравнить с Иудой? В 1921 году О’Коннелл внес лепту Петра в виде колоссальной суммы в \$60 тысяч. Его похороны в 1944 году стали событием государственной важности, когда 25 тысяч собравшихся заполнили собор Св. Креста, а еще 10 тысяч стояло на улице¹³⁹.

Опасения тех епископов, которые думали, что непогрешимость погубит церковь, не оправдались. Папу бурно осуждали, но это продолжалось недолго, а тем временем епископы создавали диоцезии от периода восстановления до эпохи экономического бума 1920-х. Американская конституция, провозгласившая свободу для всех церквей вместо превосходства одной из них, сделала свободными иммигрантов из других народов в выборе способа поклонения Богу, вместо того чтобы вести войну за выживание под присмотром духовенства или далекого папы. Столь ненавистная для Пия IX демократия дала новую жизнь церкви в Америке. В Италии, Франции и Испании в начале XX века количество посещавших мессы сокращалось, поскольку здесь стали популярны решительные антиклерикалы, в то время как в США в церкви, основу которой составляли рабочие, еженедельная посещаемость месс составляла 75 процентов. Когда папа выпустил энциклику *Rerum Novarum*, американские священники и многие епископы начали поддерживать профсоюзы.

В 1916 году только что поставленный архиепископ Чикаго Джордж Манделейн послал Бенедикту в качестве лепты Петра \$62 тысячи¹⁴⁰. Манделейн создал собственную банков-

¹³⁹ John Henry Cutler, *Cardinal Cushing of Boston* (New York, 1970), p. 63.

¹⁴⁰ Edward R. Kantowicz, *Corporation Sole: Cardinal Mundelein and Chicago Catholicism* (Notre Dame, IN, 1983), p. 42.

скую систему, с помощью которой священники могли строить или расширять церкви, школы и приходские помещения. Ни один приход не имел права влезать в долги, превышающие \$200 тысяч, любые строительные проекты должен был утвердить канцлер. Манделейн выпускал ценные бумаги с гарантиями церкви. Наметанным глазом банкира он находил избыточные средства в приходах и облегчил процедуру предоставления займов от богатых приходов бедным. Биограф архиепископа Эдвард Кантович отмечает, что «Манделейн относился к большинству священников как к невежам в мире финансов»¹⁴¹. Став кардиналом, он сделал архидиоцезию финансовым центром. Под его управлением церковь в Чикаго росла, и размер его дани, посылаемой в качестве лепты Петра, в 1920-е годы уже измерялся шестизначными цифрами. Но в ту эпоху в Америке рекордное пожертвование было сделано в 1921 году – в год назревавшего в Бостоне скандала, когда О’Коннелл послал папе \$60 тысяч, – тогда филадельфийский архиепископ Деннис Догерти, став третьим американским кардиналом, послал в качестве лепты Петра невероятную сумму – \$1 миллион. После потрясений Первой мировой войны Бенедикт крайне нуждался в деньгах¹⁴².

Филадельфия, подобно Бостону, была городом ирландцев, которые здесь составляли четверть населения, однако лучше вписывались в общую жизнь и жили благополучнее, что отмечает в журнале *American Catholic* Чарльз Моррис, автор статей о финансах. До Гражданской войны процент католиков в обоих городах был примерно одинаков (около 20 %), однако в Филадельфии ирландцы владели 18 процентами лавочек и магазинов, тогда как в Бостоне этот показатель составлял всего лишь один процент¹⁴³. В Филадельфии с ее бурным строительством ирландцы процветали; так, предприниматель по фамилии Рафферти создал 35 приходских касс взаимопомощи с фондом не менее \$15 миллионов. Католики Филадельфии: рабочие и средний класс, живущие в достаточно хороших районах и имеющие стабильный заработок, вместе с отдельными более богатыми людьми – с горячим энтузиазмом встретили своего нового архиепископа Денниса Догерти. Уроженец Скраптона, Догерти учился в Риме, где его поставили епископом, чтобы отправить на Филиппины, затем служил в Буффало, и наконец, зимним днем 1918 года сошел с поезда в Филадельфии, оказавшись среди свиты из 150 священников. Когда он направлялся к собору, его приветствовала толпа из 150 тысяч католиков. «Румяный и улыбающийся, он ехал в открытом лимузине, рев моторов мотоциклов и семидесяти пяти автомобилей смешивался с музыкой пятидесяти духовых оркестров, – пишет Моррис. – Пожилые женщины постоянно прорывали полицейское оцепление и подбегали к нему, чтобы поцеловать его перстень». Не только католики, но и другие влиятельные люди в количестве четырехсот человек, «включая нового губернатора, генерального прокурора штата, мэра, а также важнейших пасторов и раввинов... пожаловали на великий торжественный прием, состоявшийся в тот вечер»¹⁴⁴.

Сегодня подобные торжества никто уже не устраивает. Кризис, вызванный сексуальными скандалами, и требования финансовой прозрачности лишили американских иерархов нравственного престижа, благодаря которому архиепископ может вступать в благодарный город подобно великому герою. Но в те времена Манделейн, О’Коннелл, Спеллмен и другие епископы-строители часто появлялись на городских площадях, символизируя собой торжествующую церковь. При Догерти его архидиоцезия стала одним из крупнейших землевладельцев в Пенсильвании. Кардинал скупал земли соседних районов, пока еще не начался процесс переселения состоятельных людей в пригороды, в надежде в будущем открыть здесь приходы, и сдавал в аренду приобретенные участки «бывшим владельцам, пока не был готов

¹⁴¹ Ibid., p. 39.

¹⁴² Morris, *American Catholic*, pp. 163, 187.

¹⁴³ Ibid., p. 168.

¹⁴⁴ Ibid., p. 171.

сам их использовать – это была долговременная стратегия серьезного дельца, обладавшего большим запасом наличных денег». Догерти предвидел, что в этих местах начнется строительство, а затем владельцам домов понадобится церковь: и тогда стоит ее построить, и появятся прихожане. Догерти сам занимался строительством, продавая земли будущим приходам, которые поддерживала архидиоцезия, и избавляясь от излишней собственности за самые лучшие цены, какие могут предложить на рынке. Наполовину в шутку, наполовину всерьез Догерти называл себя Божьим каменщиком. Его по праву можно было бы назвать и Божьим банкиром. Чарльз Моррис говорит, что он был «в некотором смысле магнатом» в сфере недвижимости. Когда он умер в 1951 году, архидиоцезия, свободная от долгов, обладала активами, справедливая рыночная стоимость которых составляла сумму «порядка нескольких сот миллионов»¹⁴⁵.

Поддержка приходов со стороны американцев из этнических меньшинств демонстрировала, что люди ценят царственный дух Рима и красоту богослужения, которое из года в год остается одним и тем же. Церковь с ее эстетикой была духовным маяком для людей, она возвышала их, позволяя забыть о трудностях и напряженности повседневной жизни. Все большее число прихожан переходило в средний класс, и в те времена присвоение клириками, вроде племянника бостонского кардинала, церковных денег и сексуальные преступления священников казались причудливыми извращениями, которые следует держать в секрете «для блага церкви». Филадельфия при Догерти, Чикаго при Манделейне, Бостон при О'Коннелле вместе с большими диоцезиями в Калифорнии, на Северо-Востоке и Среднем Западе свидетельствовали о торжестве католичества.

¹⁴⁵ Ibid., pp. 186–187.

Дьявольская сделка с фашизмом

Либеральная Италия избавила евреев от гнета *Pio Nono*. При Бенедикте XV, отмечает Дэвид Кертцер, «из прессы, связанной с папой, быстро исчезла антисемитская пропаганда»¹⁴⁶. Оказавшийся первым папой в период мировой войны, Бенедикт владел весьма скромными территориями; он тихо, через посредников, вел переговоры о решении финансовых вопросов с Италией относительно утраченных территорий, в то время как Италия скептически относилась к его призывам начать переговоры о мире, обращенным к Великобритании и Франции. После войны Бенедикт еще яснее продемонстрировал всемирную задачу церкви, разослав миссионеров в бедные страны. Он видел, что в Италии набирают силы социалисты и коммунисты, так что верующие опасались гонений на церковь, подобных тем, что осуществлял в России коммунистический режим Ленина. В Италии папа оказывал негласную поддержку профсоюзам и объединениям крестьян, которые были опорой для политического движения католиков. Папу по-прежнему занимали деньги или их отсутствие. В 1919 году он послал в США своих людей, чтобы те договорились о займе в \$1 миллион. Для епископов это было слишком трудной задачей, но Рыцари Колумба смогли собрать \$250 тысяч и вручили эту сумму во время роскошной церемонии, когда, украшенные рыцарскими регалиями, они получили причастие из рук Верховного понтифика во Дворце апостолов.

В 1920 году, когда папа по-прежнему еле сводил концы с концами, харизматик и священник Луиджи Стурцо, ставший на выборах мэром Сицилии, пробудил к жизни движение, носившее название Народная партия Италии, которое также называли Католической партией. На волне всплеска ее популярности партия Стурцо набрала 1,1 миллиона голосов и стала пятой в палате депутатов, а также второй по численности партией Италии, родившейся почти мгновенно. Блестящий организатор Стурцо стоял за земельную реформу и права рабочих. Легендарный корреспондент газеты *Chicago Tribune* Джордж Селдс был изумлен пацифизмом Стурцо и его преданностью папе¹⁴⁷. Среди церквей и католических групп все популярнее становилась идея насилия, и Бенедикт стремился сделать Италию безопасной страной. Война значительно подняла его престиж, в двадцати семи странах были созданы посольства Святейшего Престола.

В 1921 году Бенедикт послал 5 миллионов лир голодающим в России, а Муссолини и тридцать пять фашистов заняли места в палате депутатов. Муссолини (который называл священников «черными микробами») видел в церкви своего главного противника и использовал терроризм, чтобы обеспечить себе политическую основу. «Его *squadristi* совершали налеты на города и деревни, где они жгли, грабили и убивали, — писал Селдс. — Их жертвами всегда становились католики и социалисты»¹⁴⁸. Премьер-министр, который тайно помогал фашистам покупать оружие, послал к Бенедикту своих людей, чтобы заручиться поддержкой Стурцо при формировании нового правительства. Папа не хотел непосредственно влиять на выборы. Он знал, что фашисты нападают на католиков, которые хранят сбережения и займы в Банке Рима и многих маленьких банках, обслуживающих преимущественно католиков, и нападают на невинных людей, желая нанести удар по церкви. Папа выискивал средства, чтобы поддержать католические газеты, оставшиеся без денег. Но он воздерживался от открытой поддержки партии Стурцо. Многие епископы отошли от Католической партии, на которую нападали фашисты. Несмотря на желание придерживаться миротворческой риторики, Бенедикт не участвовал в делах Католической партии, что объясняется длительной

¹⁴⁶ Kertzer, *The Popes Against the Jews*, p. 241.

¹⁴⁷ George Seldes, *The Vatican: Yesterday, Today and Tomorrow* (New York, 1934), p. 326.

¹⁴⁸ Ibid., p. 330.

политической изоляцией папства. Но когда тебе предлагают выбор между плюрализмом и фашизмом, почему бы *не* попробовать заявить о своей позиции? В 1920-х годах независимые католические партии предложили демократическую альтернативу фашизму и нацизму.

Пока его головорезы безнаказанно убивали людей, Муссолини осудил большевизм и выступил за земельную реформу. В январе 1922 года, когда Стурцо вел свою партию средним путем, Бенедикт, «папа миссий», скончался в возрасте 67 лет от пневмонии после гриппа. Он был одним из величайших пап в истории. Собранный в феврале конклав избрал папой Акилле Ратти, бывшего архивиста Ватикана, карьеру которого определил Бенедикт, пославший его нунцием в Польшу, а затем сделавший кардиналом Милана. В Кракове Ратти узнал о том, как большевики начали бороться с церковью. В 1921 году в Болонье во время торжества в честь победы Италии в Первой мировой войне он позволил фашистам повесить свое знамя в соборе. Несмотря на то, что он начал свою карьеру в окружении книг, одиннадцатый папа из всех, носивших имя Пий, был склонен к авторитаризму и скептически относился к идее «свободной церкви в свободном государстве». Пий XI хотел видеть себя господином, окруженным поддержкой сплоченных католиков, и на этом фоне демократия была делом второстепенным. Кроме того он решил положить конец тупиковым отношениям пап с Италией.

«Миф – это вера, это страсть, – говорил Муссолини. – Наш миф есть величие нашей нации»¹⁴⁹. В 1922 году вместе со своей дурно обмундированной армией Муссолини с маршем вступил в Рим. Это была демонстрация той силы, которую итальянские генералы давно могли бы остановить до того, как она почувствовала свою победу, однако в политически фрагментированной Италии Муссолини с его воинственным духом был способен многого достичь. Италия была значительно беднее, чем Франция или Великобритания, и в стране происходили беспорядки: в сентябре 1920 года 400 тысяч рабочих-машиностроителей заняли фабрики¹⁵⁰. Общество жаждало порядка, централизации, стабильности, чтобы можно было жить благополучно. В 1922 году Муссолини заявил членам парламента: «Насилие – это отвратительная необходимость, нас вынуждают его применять. Мы готовы сложить оружие, если и вы также к этому готовы»¹⁵¹.

Подобно змее, сбрасывающей кожу, став премьер-министром, выскочка Муссолини забыл о своем диком антиклерикализме. Он назначал стипендии приходским священникам, призывал восстановить уроки религии в государственных школах и повесить в каждой классной комнате по распятию. Муссолини крестил троих своих детей, рожденных вне законного брака, и повенчался с их матерью. Либеральная Италия ставила такие условия, на которые до войны не согласился бы ни один иерарх, тогда как фашистская власть понимала, что имеет дело с католической страной, и думала использовать это для своих целей. В 1923 году Муссолини, чтобы договориться с папой, тайно встретился с кардиналом Пьетро Гаспарри, секретарем Ватикана, и через него передал: если Его Святейшество порвет с Католической партией, дуче вложит государственные средства в бедствующий и ставший ненадежным Банк Рима, где хранились вложения Ватикана. Пий XI велел отцу Стурцо выйти из Католической партии. Стурцо отошел от политики, а позднее перебрался в США.

Когда фашисты убили лидера Социалистической партии реформ, Католическая партия в знак протеста вышла из парламента, так что правительство Муссолини оказалось в критической ситуации. В тот самый момент, когда вокруг Католической партии мог бы образоваться антифашистский альянс, Пий XI осудил любое сотрудничество католиков с левыми. Папа поставил знак равенства между гонениями Ленина на церковь в России и хотя бы демократической формой социализма в Италии. Хотя католические партии Италии и Герма-

¹⁴⁹ Ibid., p. 426.

¹⁵⁰ Donald Sassoon, *Mussolini and the Rise of Fascism* (New York, 2007), p. 85.

¹⁵¹ Ibid., p. 427.

нии стремились объединить усилия с умеренными левыми против фашистских правых, Пий желал, чтобы церковь стала абсолютным центром жизни для католиков. Политики, коалиции, солидарность людей, желающих дать отпор политическим гангстерам, – все это не касалось папы. Можно вообразить себе радость Муссолини: *сам папа сражался против католических врагов дуче*. Пий понимал, что фашизм плох, но думал, что он представляет собой меньшее из зол, поскольку сторонники Муссолини постоянно говорили, что хотят восстановить высокое положение церкви в обществе. Пий, отчужденный от политических интересов простых людей, не мог понять, что плюрализм представляет для католиков преимущества по сравнению с диктатом дуче. Когда партия Стурцо распалась, католические профсоюзы и группы крестьян стали более уязвимыми. Семьдесят четыре маленьких банка, которые обслуживали католиков, свернули свою деятельность. Убийства продолжались.

Муссолини включил в руководство Банка Рима фашистских офицеров и стал оказывать ему поддержку, что способствовало стабилизации финансового положения Ватикана. Дуче добился поддержки Уолл-стрит и администрации Хувера, которые помогли ему справиться с послевоенными долгами Италии. В госдепартаменте считали, что Муссолини «хотя бы наш парень», единодушно закрывая глаза на убийства, совершаемые фашистами. Король Георг V вручил дуче в Риме медаль. Подобное циничное отношение к правам человека было характерно для американской и английской политики на протяжении многих поколений. Высланный Муссолини Джордж Селдс опубликовал в 1935 году книгу «Опилочный цезарь» – пророческую биографию дуче.

Пий XI в своем стремлении добиться единства в церкви не стеснялся использовать власть. Раздраженный ретроградными монархистами Франции, создавшими группу под названием Французское действие, Пий отлучил от церкви их предводителя (в числе прочего высказывавшего антисемитские взгляды) и его последователей. Он вызвал к себе главу французской семинарии в Риме и велел ему уволить ректора, симпатизировавшего монархистам. «Да, Святейший Отец, – ответил старый священник. – Я посмотрю, что здесь можно сделать». Взяв себя за бороду, папа пробурчал: «Я ведь сказал: *«Уволить его!»*»¹⁵².

Папа с таким изменчивым характером должен был чувствовать нечто унижительное в том, что он зависел от американских денег. В 1928 году кардинал Манделейн договорился с архидиоцезией Чикаго о займе для Святейшего Престола в размере \$300 тысяч. Молодой бостонский монсеньор Френсис Спеллмен занимал весьма скромный пост в Риме (он надзирал за строительством спортивных площадок Рыцарями Колумба), что позволяло ему водить дружбу с богатыми американцами, проводящими лето в Вечном городе. Спеллмен принимал участие в передаче денежных даров сановникам Ватикана вплоть до самого папы. «Святейший Отец просил меня о трех автомобилях», – записал Спеллмен в своем дневнике 8 февраля 1929 года¹⁵³. Но те дни, когда папы могли выпрашивать для себя лимузины, подходили к концу.

Кардинал Гаспарри встречался с Муссолини в резиденции последнего на протяжении нескольких лет, где они договаривались о тех или иных вещах. 11 февраля 1929 года Гаспарри в качестве заместителя папы во время непродолжительной церемонии подписал вместе с премьер-министром Муссолини Латеранский пакт. Ватикан превращался в суверенное нейтральное государство, владевшее четырнадцатью церквями и другой собственностью в Риме. Италия признавала католичество своей официальной религией. Святейший Престол распоряжается назначением епископов. В качестве компенсации за утраченные части Рима и Папской области Италия выплачивает Ватикану денежную сумму, эквивалентную \$92 мил-

¹⁵² Duff y, *Saints and Sinners*, p. 337. Курсив наш.

¹⁵³ Cooney, *The American Pope*, p. 39.

лионам. Ватикан согласился реинвестировать около 60 процентов этих средств в государственные ценные бумаги.

«Италию возвратили Богу, а Бога – Италии», – восторженно писала ватиканская газета *L'Osservatore Romano*. Пий был рад тому, что в Италии Муссолини одержал победу над коммунизмом. Но Латеранский пакт был сделкой с дьяволом во всех смыслах. Муссолини все крепче держал Италию в своих руках, пользуясь уважением на международной арене, а одновременно финансируя своего противника, которого превозносили во всем мире. Муссолини приобрел крайнюю популярность среди католиков, особенно там, где он в том особо нуждался, – в северной Италии. Пий говорил, что Муссолини был «посланником провидения»¹⁵⁴. Как будто прислушиваясь к советам покойного *Pio Nono*, папа подписал смертный приговор Католической партии, но со временем он со всевозрастающим ужасом наблюдал, как фашизм строит свой собственный символ веры. «Подобно христианскому, идеал фашизма находится в непрерывном становлении», – заявил секретарь партии¹⁵⁵. Этот фашист сравнивал яркие знамена, марши и торжественные факельные шествия с «религией, своей самостоятельной верой в государство с его верховным поклонением... которому все следует приносить в жертву». В 1931 году Муссолини забрал руководство бойскаутами у приходов, чтобы передать его фашистам, сказав: «Вы должны принадлежать нам». В энциклике Пий назвал фашизм «языческим поклонением государству»¹⁵⁶.

Он был абсолютно прав, но в тот момент находился в ловушке, которую сам себе создал.

Гаспарри вышел на пенсию в 1930 году. На протяжении нескольких последующих лет Пий через государственного секретаря Эудженио Пачелли старался договориться с другими странами Европы, чтобы те защищали право папы ставить епископов, оказывали государственную поддержку духовенству, выплачивая ему зарплату, и поддерживали принцип автономии Католического действия. Пий XI видел в этом движении мирян, поддерживаемых епископами и духовенством, крестовый поход армии христиан против безнравственности популярной культуры. «Одной из наших задач, – писал Питер Годмен о Католическом действии, – было вновь завоевать приверженность и симпатии рабочего класса, который мы потеряли из-за коммунизма»¹⁵⁷. Но хотя Пий XI хотел, чтобы церковь поддерживала социальную сплоченность, он отвернулся от политических программ партии в тот момент, когда плюрализм оставался последним убежищем от сапога фашизма. Когда кардинал Пачелли, опытный дипломат, ставший впоследствии папой, подписал в 1933 году конкордат с Германией, это обескуражило центристскую Католическую партию. Беседуя с британским послом, Пачелли грустно шутил, говоря, что нацисты, «вероятно, не будут нарушать все пункты этого конкордата одновременно»¹⁵⁸.

После продолжительного периода отчуждения от либеральной Италии Ватикан сделался финансовым партнером Италии фашистской. Пий приступил к осуществлению крупного строительного проекта после десятилетий, в которые инфраструктуры Ватикана плохо содержались и мало развивались, что истощало силы слабой экономики Рима. Он сделал важный шаг – нанял Бернардино Ногара, чтобы тот распоряжался огромными средствами. Папа Ратти, как итальянцы называли Пия, родился в Милане, центре индустрии и моды. Миланцы презрительно относились к жителям Рима, в которых они видели ленивых и неуме-

¹⁵⁴ Duff y, *Saints and Sinners*, p. 339.

¹⁵⁵ Emilio Gentile, *The Sacralization of Politics in Fascist Italy* (Cambridge, MA, 1996), p. 59.

¹⁵⁶ Duff y, *Saints and Sinners*, p. 339.

¹⁵⁷ Peter Godman, *Hitler and the Vatican: Inside the Secret Archives That Reveal the New Story of the Nazis and the Church* (New York, 2004), p. 27.

¹⁵⁸ Ronald J. Rychlak, *Hitler, the War, and the Pope* (Huntington, IN, 2010), p. 73.

лых бюрократов – “*Roma ladrona*”, Рим большой вор. Пий пригласил группу миланцев распоряжаться деньгами, среди них был его собственный брат, граф, который стал ключевой фигурой управления гражданскими делами Ватикана. Там же был и Ногара, обладавший прекрасной родословной. До войны он работал инженером в Великобритании и Болгарии в сфере добычи полезных ископаемых, затем отправился в Стамбул в качестве вице-президента Итальянского коммерческого банка, а затем служил в экономическом совете конференции 1919 года, составлявшей Версальский договор. Ногара прекрасно разбирался в международном денежном обращении, а кроме того, был верным католиком и хранил у изголовья кровати томик «Божественной комедии». Он был в хороших отношениях с семьей Ратти, двое из его братьев были ректорами семинарий, а сестра – настоятельницей монастыря, еще один из братьев заведовал Ватиканским музеем. Когда Пий XI предложил 59-летнему Ногаре заняться только что созданной Специальной администрацией, которая должна была распоряжаться неожиданно свалившимися после Латеранского договора \$92 миллионами, из которых \$39,7 отходило к Ватикану (остальные \$52,4 миллиона были вложены в пятипроцентные государственные облигации), Ногара, как рассказывали, поставил свое условие: на его действия не должны влиять доктринальные или религиозные соображения, но он будет вкладывать эти деньги туда, куда сочтет нужным. Пий на это согласился¹⁵⁹.

Ногара покупал акции и ценные бумаги, занимался обменом валюты, приобретал золото, и это обеспечивало заметный доход Святейшему Престолу в то время, когда всемирный финансовый кризис терзал Италию. Муссолини создал Институт индустриальной реконструкции (ИИР), который выпускал облигации (обеспеченные банками, страхованием и ипотечными компаниями), с помощью которых государство могло контролировать ключевые производства. Ногара стал консультантом ИИР и вкладывал деньги Ватикана в надежные бумаги.

Беседуя с группой посетителей из Бельгии 6 сентября 1938 года, Пий XI почти со слезами сказал: «Когда бы мне ни приходилось читать слова «жертва отца нашего Авраама», это всегда меня глубоко трогает. Обратите внимание: мы называем Авраама нашим патриархом, нашим предком. Антисемитизм невозможно примирить с этой возвышенной мыслью, с той достойной вещью, которую эта молитва выражает... Антисемитизм недопустим. В духовном смысле все мы – семиты». Отец Стурцо, изгнанный вождь запрещенной Католической партии, позаботился о том, чтобы эти слова папы были опубликованы в бельгийской газете¹⁶⁰.

Однако такая позиция Пия XI не повлияла на коллективное сознание католиков. Ватикан не публиковал эти его слова. В Курии сторонники фашистов работали бок о бок со священниками более широких взглядов. Антисемитизм был проклятием клерикальной культуры, которая отражалась на содержании католических журналов США и Европы, включая *Commonweal* и *America*, в 1930-х¹⁶¹. Многие епископы, поддерживавшие «Новый курс», хранили молчание относительно Муссолини или нападок на евреев Чарльза Каухлина, популярного «радиосвященника» из Детройта, пока его карьера не завершилась.

Когда Муссолини стал соратником Гитлера, Ногара начал вкладывать деньги в промышленные предприятия США, ценные бумаги и, после перемещения ватиканского золота на \$7,6 миллиона из Лондона, в Федеральную резервную систему¹⁶². Италия вместе с Германией готовилась воевать. Пий XI презрительно относился к «варварскому гитлеризму» и «мифу о расе и крови». Когда в 1939 году он скончался, Муссолини сказал: «Наконец-то этот

¹⁵⁹ James Gollin, *Worldly Goods* (New York, 1971), pp. 439, 441.

¹⁶⁰ John Cornwell, *Hitler's Pope: The Secret History of Pius XII* (New York, 1999), p. 190.

¹⁶¹ См. George Seldes, *The Catholic Crisis* (New York, 1945); D'Agostino, *Rome in America*.

¹⁶² Pollard, *Money and the Rise of the Modern Papacy*, p. 186; see also Gollin, *Worldly Goods*, pp. 449–454.

упрямый старик мертв»¹⁶³. Когда в 1945 году закончилась война, партизаны-антифашисты поймали Муссолини вместе с его любовницей, казнили их и повесили их тела вверх ногами в Милане.

Кардинал Пачелли стал Пием XII. Эудженио Пачелли был сыном ватиканского юриста и финансового консультанта пап Пия IX и Льва XIII. Он был связан долголетней дружбой с одним выдающимся врачом Рима, евреем, в доме которого, будучи юношей, он не раз участвовал в трапезе шаббата. В 1916, будучи молодым монсеньором, он писал черновик заявления Бенедикта XV в поддержку польских евреев¹⁶⁴. Оказавшийся понтификом на осадном положении во время Второй мировой войны, Пий XII отдавал указания священникам, монахиням и нунциям (в частности, Анджело Ронкалли, который тогда находился в Стамбуле, а позднее стал папой Иоанном XXIII) помочь евреям избежать депортации в нацистские лагеря смерти. Если он не произнес публичного осуждения Гитлера и нацизма, это объясняется «недостатками самого папства и доминирующей культурой католичества» – такой вывод делает Джон Корнвелл в своей книге с провокационным названием «Понтифик Гитлера»¹⁶⁵. Позже, в издании в мягкой обложке, Корнвелл отказался от некоторых своих критических суждений; тем не менее, его книга показывает, насколько спорными для историков и еврейских деятелей являются вопросы об антисемитизме Ватикана и самой крупной европейской церкви и о том, можно ли было остановить холокост. Дискуссии на эту тему повлияли на отношения католиков и иудеев, так что даже было отложено решение поднятого вопроса о канонизации Пия¹⁶⁶. Тем не менее в 1940 году Альберт Эйнштейн прославлял его как защитника евреев, а после его смерти о нем хорошо отзывалась Голда Меир, тогдашний премьер-министр Израиля. На протяжении тринадцати послевоенных лет на международной арене Пий оставался символом мира. Что бы мы ни думали о молчании Пия XII относительно Гитлера и нацизма в военные годы, две мировые войны превратили пап в миротворцев, а во времена Иоанна Павла II они также стали защитниками прав человека. Кульминационным моментом этой перемены стало выступление Павла VI перед Генеральной Ассамблеей ООН в 1965 году, когда папа, воздев руки, воскликнул: «Да не будет новой войны! Да не будет войны никогда!»¹⁶⁷ Как сильно изменились папы с тех пор, как *Pio Nono* жаловался британскому послу на то, что ему не позволяют казнить ни одного бунтовщика в Папской области.

За то столетие, когда совершилась такая трансформация, изменилась и финансовая система Ватикана: из религиозной монархии, пытавшейся вернуть себе утраченные владения – Рим и Папскую область, – она превратилась в надежную экономику Святейшего Престола, опиравшуюся на лепту св. Петра и приносившую доходы от вложения капитала в инфраструктуру города Рима даже в те десятилетия, когда папы формально оставались ватиканскими узниками. Разумеется, ни итальянцы, ни какие-либо другие верующие Америки не стали бы возражать против такого использования этих средств, если бы они даже о том знали, поскольку они вовсе не хотели видеть своего папу в лохмотьях. Благодаря компенсации, выплаченной Муссолини, Бернардино Ногара создал странную форму религиозного капитализма, вкладывая деньги в экономику Рима, в золото и иностранные рынки. В 1942 году Пий XII создал Банк Ватикана.

¹⁶³ Duffy, *Saints and Sinners*, pp. 343–345.

¹⁶⁴ Rabbi David G. Dalin, *The Myth of Hitler's Pope* (New York, 2005), pp. 55–56; Rychlak, *Hitler, the War, and the Pope*, p. 317.

¹⁶⁵ Cornwell, *Hitler's Pope*, p. 295.

¹⁶⁶ Ronald Rychlak in *Hitler, the War, and the Pope* и Rabbi David Dalin in *The Myth of Hitler's Pope* решительно критикуют выводы Корнвелла.

¹⁶⁷ Eric O. Hansen, *The Catholic Church in World Politics* (Princeton, NJ, 1987), p. 81.

3

Начало бунта

Нельзя сказать, что Питера Борре терзала проблема бедности, однако он верил, что должен исполнять свой христианский долг. В результате строительства жилья для малообеспеченных вдоль Мистик-Ривер вырос самый крупный в Новой Англии район бедноты. Борре видел, что священник прихода Св. Екатерины Сиенской отец Боб Боуэрс не просто «завлекает» беднейшее население в церковь, но делает для него гораздо больше. Он включил в богослужение гимны на испанском. Роуз Пайпер восхищалась Бобом Боуэрсом, священником с молодым лицом и седыми волосами, который говорил о достоинстве человека и искренне стремился принять в приход выходцев из Доминиканской республики и Пуэрто-Рико. Борре нравилась энергичность, с которой действовал отец Боб, сделавший из запустевшего прихода место, в котором кипела жизнь.

Приход Св. Екатерины Сиенской располагался в начале улицы Банкир-Хилл. Поднявшись по холму, на котором располагался Чарльзтаун, можно было увидеть церковь Св. Марии – здание в стиле Тюдоров, расположенное за площадью с остроконечным обелиском, устремленным в небо. Стоило пройти еще несколько кварталов, и ты попадал к церкви Св. Франциска Сальского, где помещался наиболее изолированный из трех приходов, глубоко пропитанный ирландским духом.

Боуэрс организовал раздачу еды голодным и курсы изучения английского, который на добровольной основе преподавал доктор еврейского происхождения. Многие неквалифицированные рабочие, ходившие на эти курсы, не имели бумаг о гражданстве. «Он строит хорошую церковь», – говорила себе Роуз. Она понимала, что ее еженедельное пожертвование в \$10 помогает Боуэрсу управлять этим живым приходом. Думая о судьбе отца Боуэрса через тридцать лет, весной 2003 года Роуз выписала чек на \$100 для пенсионного фонда священнослужителей.

Борре полагал, что после выплат на урегулирование 552 жертвам сексуальных злоупотреблений со стороны священников, чем занимались отважные юристы, денежные запасы церкви оскудеют, так что новому архиепископу придется долго восстанавливать положение. Он считал Боуэрса несколько сентиментальным либералом, но в то же время ценил его работу в приходе и понимал, что этот священник вкладывает все свои силы в общую жизнь.

Боуэрс, теплый и общительный пастырь с открытым умом, черпал вдохновение в радикальном свидетельстве Католического рабочего движения Дороти Дей, члены которого жили в лачугах бездомных и при благотворительных столовых. Он с симпатией относился к латиноамериканской теологии освобождения и принимал участие в помощи жертвам чернобыльской катастрофы в Советском Союзе. Боуэрс видел в Иисусе миротворца и считал, что мир есть живая движущая сила надежды.

Боб Боуэрс родился в 1960 году в семье юриста и вырос в Бостоне, у него было трое старших братьев, благодаря которым он уже имел восьмерых племянников и племянниц. Окончив в 1982 году Бостонский колледж и получив степень бакалавра гуманитарных наук, Боуэрс поступил в семинарию Св. Иоанна в Брайтоне, которой заведовала архидиоцезия. Став священником, он получал назначения в достаточно спокойные приходы, где, за исключением одного случая, его хорошо принимали. До св. Екатерины Сиенской он служил в Милтоне в десяти километрах от Бостона.

Кардинал Лоу дал Боуэрсу новое назначение два дня спустя после теракта 11 сентября 2001. Утомленный сухими богослужениями в Милтоне, священник входил в канцелярию

при блеске множества телеэкранов. На них самолеты врезались в башни, из которых вырывались клубы дыма и огня.

Седоволосый и толстый Лоу, которому тогда было шестьдесят девять, с улыбкой поднялся из-за стола. Боуэрс чувствовал, что он слишком молод, чтобы звать кардинала «Берни», как то делали его коллеги постарше, и решил воспользоваться обращением «Ваше высокопреосвященство». Лоу был важным человеком в Бостоне, который близко знал многих политиков, банкиров и генеральных директоров компаний. Но многие священники замечали, что он хранил эмоциональную дистанцию, был погружен в себя; многие объясняли это тем, что он рос единственным ребенком, который во многих ситуациях чувствовал себя центром мироздания. В 1985 году, когда Лоу решили сделать кардиналом, несколько сот жителей Бостона отправились в Рим. На торжественном приеме во дворе Североамериканского колледжа Лоу заявил: «Мы живем в самый яркий момент существования церкви после Реформации»¹⁶⁸.

Отчасти яркость момента заключалась в том, что Лоу стал членом Конгрегации епископов в Риме: так он стал участвовать в назначении новых американских иерархов. Префект Конгрегации епископов кардинал Джованни Баттиста Ре встречался с папой Иоанном Павлом II еженедельно по субботам, он видел, что папа уважает Лоу, и вел себя подобающим образом¹⁶⁹. Лоу, ставивший епископов, ежемесячно посещал Рим. По вечерам в Бостоне он обходил больницы, навещая пациентов, и не жалел времени на беседы с капелланами. В целом Лоу неплохо относился к своим священникам, хотя он казался холодным и надменным. На конференции духовенства, посвященной каноническому праву, Лоу прервал одного из докладчиков и заявил: «Отец, пока я в этой архидиоцезии, я есть канон»¹⁷⁰.

В прошлый раз Боуэрс встречался с Лоу в 1996 году, когда молодой священник просил перевести его в другое место: он делил приходской дом с пастырем-алкоголиком, что делало всю его жизнь невозможной. Лоу послал его в Милтон, где ему отлично жилось. Но Боуэрс не мог забыть о священнике-пьянице. Он написал статью для *National Catholic Reporter* о своих злоключениях.

Я хочу поделиться с вами пережитым. Какие-то люди не знают, как и зачем заниматься пастырской работой. Они предпочитают титулы и внешнее обличье, относительно которых никому не нужно давать отчета. Я знал таких людей. Мы даже были коллегами. Я надеялся на сотрудничество. Я полагал, что мы будем поддерживать друг друга. Я не думал, что мы лучше прочих. Но я не ожидал, что ко мне будут относиться хуже, чем к прочим.

Если вы не священник и никогда им не были, вам трудно будет понять, о чем я говорю. Я и сам это с трудом понимаю. Я глубоко разочарован. Я считал, что священники следуют за Иисусом и совершают ошибки. Я не знал, что ошибкой была сама мысль о том, что все священники следуют за Иисусом. Иные священники следуют за властью. И они рожают разочарование.

Не слишком ли сурово я сужу? Моему сердцу от этого и смешно, и грустно. Священники, которые не делятся, не умеют делиться любовью. Это деспотичные пастыри, которые знают, что их слово – закон. Это гнилые установления, которые отталкивают людей – отталкивают от Евхаристии, от власти, от возможности участвовать в управлении и вносить свой вклад. Они не слушают ничего, кроме слов отрицания. Им не нужно слушать.

¹⁶⁸ Jack Thomas, "Scandal Darkens a Bright Career", *Boston Globe*, April 14, 2002.

¹⁶⁹ John Allen, *Conclave* (New York, 2004), p. 29.

¹⁷⁰ Bruce Teague, беседа с автором.

Возможно, эти люди чего-то боятся или сильно ранены. Но я их перестал оправдывать.

Это не сетования на «кризис призвания». Дело не в тяжелой работе и ее трудных задачах. Мы не жалуемся на целибат и особый путь с точки зрения пола, ни на те роли, которые играют в церкви мужчины и женщины. Все эти вещи лишь усугубляют уже существующий невыносимый опыт разочарования. Мы просто хотим выжить¹⁷¹.

Кардинал Лоу послал Боуэрсу письмо с требованием объяснить, почему тот написал эту статью. Боуэрс был готов дать объяснения, и Лоу вызвал его к себе. Три кузины Боуэрса были монахинями, а двое двоюродных дедушек – священниками. Он рассказал Лоу, как разительно его жизнь со священником-пьяницей отличалась от того, чему его учили в семинарии, – напившийся пастырь однажды почти на него напал. Он говорил о своих разногласиях с некоторыми старыми священнослужителями, преисполненными самодовольства. Лоу слушал. Когда Боуэрс закончил, Лоу сказал: «Я тебя рукоположил и готов сделать это снова». Вопрос был исчерпан. Лоу сказал то, что хотел сказать: отец, больше не нужно писать о проблемах.

Боуэрс уходил из канцелярии с двойственными чувствами.

Лоу, свободно говоривший по-испански, был защитником цветных иммигрантов, поселившихся в Бостоне. Он родился в Мексике в семье офицера ВВС США и много раз переезжал со своими родителями. Берни Лоу был выбран президентом в средней школе на Виргинских островах, где большинство среди учеников составляли черные, затем учился в Гарварде, по окончании которого поступил в семинарию. Будучи молодым священником в штате Миссисипи в 1960-х, он стоял в первых рядах среди борцов за гражданские права, а затем в диоцезии Джексона его сделали монсеньором, поскольку он занял правильную позицию в истории. Какое-то время он поработал на Конференции епископов в Вашингтоне, а затем был поставлен епископом и несколько лет возглавлял небольшую диоцезию в Миссури. В 1984 году папа Иоанн Павел II сделал его архиепископом Бостона – региона, где было около 144 городов и селений и примерно 2 миллиона католиков. Лоу заявил, что его архидиоцезия покроет расходы на материнство или поможет усыновить любого нежеланного ребенка. В 1985 году он стал кардиналом, после чего уже немногие люди называли его «Берни». Он предпочитал обращение «Ваше Высокопреосвященство».

Его бескомпромиссное осуждение аборт и гомосексуализма не способствовало его популярности среди либералов. Однако он укрепил связи с иудейскими лидерами и публично защищал бедняков, независимо от их гражданства. Консервативные католики возмутились тем, что он дал причастие сенаторам Теду Кеннеди и Джону Керри, которые были сторонниками абортов. Кардинал поддержал конгрессмена Джо Кеннеди, желавшего аннулировать брак, чтобы оставаться добрым католиком после второй свадьбы. Этот процесс десять лет рассматривался в судах Ватикана, а затем конгрессмену было отказано, после того как первая его жена, Шейла Роч Кеннеди, подала свою грамотно составленную апелляцию. Она вспоминала об этом процессе в своих мемуарах 1997 года, носящих название «Пошатнувшаяся вера». После того как Ватикан признал ее позицию справедливой, она назвала этот процесс «крайне нечестным». «Подобные суды, – писала она, – в Америке используют всё, что угодно, будь то неудачный день, смерть твоей золотой рыбки или то, что двадцать лет назад, вступая в брак, ты был не в себе. И тех, кто пытается защищать брак, обычно женщин, на таких судах не слишком слушают»¹⁷².

¹⁷¹ Boston Globe Investigative Staff, *Betrayal: The Crisis of the Catholic Church* (New York, 2002), p. 146.

¹⁷² Andrea Estes, "Vatican Reverses Kennedy Ruling", *Boston Globe*, June 21, 2007.

В своих проповедях Лоу растягивал гласные, что придавало ему серьезности. Его манеры общения были обворожительными. Однако в 1992 году он показал свою другую сторону – свою авторитарность, – когда он набросился на СМИ в связи с освещением в них истории Джеймса Портера, бывшего священника, чьи преступления дорого обошлись диоцезии Фолл-Ривер, когда Портер попал в тюрьму. Потеряв самообладание, что случалось с ним крайне редко, Лоу заявил: «Мы передаем средства массовой информации, особенно *Globe*, силе Божией»¹⁷³. Но можно было заметить, что внутренне он не вполне уверен в себе. В 1998 году Лоу согласился позировать художнице Ченнинг Тиме, которая готовила выставку «Лица Бостона». Тиме, не принадлежащая к Католической церкви, с естественным любопытством отнеслась к кардиналу; они добродушно беседовали на протяжении двух сеансов, пока он сидел в определенной позе. Затем художница показала ему готовый рисунок, и Лоу он понравился. «Что самое трудное в вашей работе?» – спросила она его.

«Суд – решения, которые я должен принимать», – ответил он. И затем, как бы предчувствуя мрачные будущие времена, добавил: «Но это только половина дела. Другая половина – тот суд, пред которым я сам однажды предстану»¹⁷⁴.

Дым из развалин башен-близнецов все еще подымался над Манхэттеном, когда Боб Боуэрс снова беседовал с кардиналом. Он сказал, что ему *нравится* приход в Милтоне, где он прослужил уже почти шесть лет. Лоу сказал, что в Чарльзтауне приход Св. Екатерины борется за свое выживание. Боуэрс все время служил в приходах для средних классов и богатых людей, но он мечтал служить бедным в духе Дороти Дей. Лоу тихо закрывал по несколько церквей в год там, где из-за перемен оставалось слишком мало людей, так что приход не мог свести концы с концами. «Спасите школу», – сказал ему кардинал.

– Приход идет ко дну?

– Этот приход никогда не будет закрыт, – заявил Лоу.

Кардинал вручил священнику ключи и конверт. Так Боуэрс получил свое новое назначение. Ни слова не было сказано о финансовом состоянии прихода и о том, что он должен отчислять диоцезии от своих сборов. Если приход не платил вовремя, у долгов могли нарастать проценты. Лоу простил долги нескольким бедным приходам. Боуэрс не думал о финансах. Он был полон решимости заняться первоочередными делами – стабилизировать приход и спасти школу.

Св. Екатерина Сиенская – это самый бедный из трех приходов, расположенных на территории в три квадратных мили; в других приходах большинство составляли белые. Боуэрс поселился в трехэтажном приходском доме, где было 28 комнат (включая все необходимое для пяти спален); этот дом напоминал о былых временах благополучных священников, а сейчас использовался лишь отчасти. Монахини, которые некогда бесплатно преподавали, исчезли, в школе осталось около 120 учащихся, большинство из них белые. Изучив ситуацию, Боуэрс узнал, что около семидесяти пяти детей из прихода ходят в приходскую школу за пределами Чарльзтауна. Семьи иммигрантов из Доминиканской республики и Пуэрто-Рико, составлявшие треть его прихода, были слишком бедны, чтобы платить за обучение, однако из-за ее репутации школа отталкивала белое население.

В этой церкви сменилось несколько священников. «Одного арестовали за то, что он избил домработницу в прошлом приходе, – вспоминал Боуэрс. – Другой был таким глубоким интровертом, что не мог даже разжечь огонь. Мне досталось гиблое место, – и с улыбкой добавлял: – Именно о таком я мечтал». На воскресные службы приходили самые разные люди. Около трети из них были старыми ирландцами, предки которых жили здесь много

¹⁷³ Steve Marantz, “Law Raps Ex– priest Coverage”, *Boston Globe*, May 24, 1992.

¹⁷⁴ Channing Thieme, интервью по электронной почте. С тех пор художница вступила в брак и носит другую фамилию, так что она известна как Channing Penna.

поколений, еще треть говорила по-испански и в основном состояла из бедняков, кроме того, там были зажиточные люди, такие как Питер Борре, жившие на перестроенной верфи.

Мир пошатнулся 6 января 2002 года, в день Богоявления, когда группа расследования *Globe*, возглавляемая Уолтером В. Робинсоном, начала публиковать материалы о том, как Лоу и подчиненные ему епископы на протяжении последних шестнадцати лет перемещали священников, совершивших сексуальные преступления против детей. Эти статьи были как гром среди ясного неба для Боуэрса и пастырей Бостона и его окрестностей, которые, как и миряне, кипели негодованием против Лоу и его подручных.

Многие священники были этим подавлены; после каждой новой публикации они все больше испытывали стыд, становясь перед алтарем. Лоу приносил публичные извинения. Но адвокаты пострадавших вместе с *Globe* копали все глубже, так что в СМИ имя кардинала Лоу стали связывать с жертвами преступлений. Подобно воинам на холме в «Макбете», жертвы выходили вперед и призывали Лоу к ответу.

Один из пострадавших, Артур Остин, ежедневно приходил к собору и стоял около него, как еврей у Стены Плача, так что он стал сенсацией для СМИ, которые задавали вопросы о том, не скрывают ли епископы и каких-то еще священников. 4 марта Лоу попал на обложку журнала *Newsweek* с подзаголовком «80 священников Бостона обвиняются в сексуальных преступлениях против детей – новая охота на души в Америке». В эти холодные дни Артур Остин, стоявший у собора Св. Креста, говорил: «Я чувствовал себя Сизифом – меня наказывали не за плохое поведение, но за то, что я говорил правду»¹⁷⁵.

Католический мир Бостона переживал смертные муки. Во время мессы отец Боуэрс замечал, что язык тела прихожан передает тревогу, а их каменные лица показывают, что они чувствуют себя преданными. В начале одной воскресной проповеди он сказал, что *ему* нужно послушать *их*. И люди заговорили: они выражали ярость против кардинала и епископов, которые посылают преступников в новые места, где у них будут новые жертвы. «Это мерзавец Бернارد Лоу!» – воскликнул один мужчина. Окружающие сказали: «Тс-сс!» Но Боуэрс его не останавливал.

В СМИ заговорили об отставке Лоу, кардинал был в замешательстве.

В конце апреля Лоу отправился в Рим встретиться с папой Иоанном Павлом и семью другими кардиналами США, поскольку скандал уже упоминался в заголовках газет всего мира. Множество журналистов собралось в Ватикане. Боуэрс следил за событиями с помощью *Globe* и теленовостей.

Иоанн Павел страдал от паркинсонизма. Его лицо было отечным, тело скрюченным, он плохо говорил – когда-то он был крепким папой с харизматическим даром, а сейчас как бы воплощал в себе слабость и изолированность структур управления церкви. Дрожащим голосом он зачитал статью в газете и сказал, что эти сексуальные преступления – «вопиющий грех в глазах Божиих». Но он здесь же стал оправдывать епископов, заговорив о «нехватке общих знаний, а также порой неверных советах специалистов по клинической психологии, из-за чего епископы принимали неверные решения», – *во всем виноваты специалисты*. Церковь стремится «найти более надежные критерии», продолжал он, а пока им не следует забывать о «силе христианского обращения... о радикальном решении оставить грех и повернуться к Богу» – выразив этими словами надежду на исправление некоторых священников, совершивших сексуальные преступления.

Папа не понял сути дела, решил Питер Борре, наблюдавший за этим по телевизору.

Он думал о том, есть ли у кого-то план действий.

«Люди должны знать, что среди священников и монашествующих нет места тем, кто причиняет вред юным людям», – заявил Иоанн Павел.

¹⁷⁵ Art Austin, e-мэйл, посланный автору 18 марта 2002.

Но как это сочетается со словами о «силе христианского обращения»¹⁷⁶? Будут ли педерасты лишены сана? Как суды Ватикана намерены в данном случае осуществлять справедливость?

¹⁷⁶ Jason Berry and Gerald Renner, *Vows of Silence: The Abuse of Power in the Priesthood of John Paul II* (New York, 2004), p. 89.

Кардиналы в критическом положении

Живущие в ином мире, чем Боуэрс и бесчисленные священники Бостона, кардиналы и члены Курии, близкие к папе, удалились для проведения тайного совещания. О Лоу говорить перестали. Борре качал головой. *Если Лоу не удастся оправдаться перед Ватиканом, с ним все кончено.* Вся эта история напоминала ему Уотергейтский скандал.

23 апреля 2002 года на дневном закрытом собрании в Дворце Апостолов под роскошными фресками Болонской залы Лоу приносил извинения папе с его внутренним кругом и своим собратьям кардиналам. До этого газета *Los Angeles Times* приводила слова анонимного кардинала о том, что Лоу должен подать прошение об отставке. Репортер Ларри Стеммер смог поговорить с Рожером Махони, кардиналом Лос-Анджелеса, после чего интересующиеся сделали вывод, что этот высокий долговязый иерарх, который служил мессу на похоронах Френка Синатры, убедив его ранее исповедаться, не признает Лоу достойным оставаться в рядах князей церкви¹⁷⁷.

Кардинал Дарио Кастрилльон Ойос выразил иное мнение. Этот уроженец Колумбии, замечательный лингвист, излучающий доверие, спал на постели папы Пия XII¹⁷⁸. Кастрилльон был префектом Конгрегации по делам духовенства и носил в себе классический латинский дух авторитаризма – был религиозной версией *caudillo*, диктатора. Он проклинал СМИ за их антикатолические выпады. На пресс-конференции за несколько недель до встречи кардиналов Кастрилльон изумил журналистов, заявив, что данный кризис коренится в «пансексуализме и сексуальной распущенности», которыми пропитана американская культура¹⁷⁹.

В 1992 году отец Роберт Трупия, которого обвинили в сексуальных преступлениях относительно подростков, вступил в борьбу с епископом Таксона. Специалист по каноническому праву, Трупия подал прошение в Конгрегацию духовенства, где он утверждал, что расследование под руководством епископа Мануэля Морено основывалось на предвзятом мнении епископа. Трупия написал Морено письмо, в котором он говорил, что уже «не отвечает за себя», и грозил рассказать публике о том, что он вступал в половую связь с покойным епископом и что они двое вместе с третьим священником совершали половой акт с тинейджером-наркоманом. Трупия, которому тогда было сорок два года, просил в обмен на свое молчание отправить его на пенсию с хорошей характеристикой. Морено предложил ему лечь в психиатрический госпиталь. Предшественник Кастрилльона смягчил приказ епископа, предоставив священнику оплачиваемый отпуск. Трупия обратился в Апостольскую сигнатуру, ватиканский аналог Верховного суда. Морено нанял церковного адвоката в Риме, чтобы тот защищал его позицию. Новый префект Конгрегации духовенства (сам специалист по каноническому праву) показал свою власть, обратившись 13 декабря 1996 года с письмом к Морено, где он потребовал «найти «разумное решение» для этой проблемы»¹⁸⁰.

¹⁷⁷ Robert Blair Kaiser, *A Church in Search of Itself: Benedict XVI and the Battle for the Future* (New York, 2006), pp. 68–69.

¹⁷⁸ Allen, *Conclave*, p. 163.

¹⁷⁹ John L. Allen Jr., “Vatican Defends Church’s Handling of Sexual Abuse Allegations”, *National Catholic Reporter*, March 29, 2002. На этой пресс-конференции Кастрилльон приводил следующие цифры: у 3 процентов священников существует «наклонность» к сексуальным преступлениям, но их совершает лишь 0,3 процента. Он взял эти данные из книги Philip Jenkins, *Pedophiles and Priests* (New York, 1996), автор которой, в свою очередь, ссылается на одно исследование среди священников Чикаго 1992 года. Это означало, что кардинал приводит данные десятилетней давности. Отчет *A Report on the Crisis in the Catholic Church in the United States*, by Robert S. Bennett et al., prepared by the National Review Board for the Protection of Children and Young People (Washington, DC: United States Conference of Catholic Bishops, 2004) говорит о цифре в 4 процента среди американских священников.

¹⁸⁰ О переписке Кастрилльона см. Jason Berry, “Vatican Cardinal Bucked U.S. Bishop on Abuse”, *National Catholic Reporter*, April 22, 2010; Patty Machelor, “Moreno Struggled to Defrock 2 Priests”, *Arizona Daily Star*, April 1, 2010. См. также Berry and Renner, *Vows of Silence*, 234–35; Michael Rezendes, “Ariz. Abuse Case Names Bishops, 2 Priests”, *Boston Globe*, August 20,

Мы *настоятельно призываем* Ваше Преосвященство начать осмысленные переговоры с монсеньором Трупией о предложенных им условиях решения проблемы. При этом мы также рекомендуем Вашему Преосвященству... чтобы требование о возмещении убытков не предъявлялось снова в будущем в результате каких-либо новых решений.

Морено написал Кастрилльону: «Как мы полагаем [позиция Трупии], наносит ущерб верующим, а также его «жертвам» прошлого... мы не можем предоставить монсеньору Трупии «свободу», поскольку не знаем, будет ли он относиться к священству с должным уважением и верностью». 31 октября 1997 года Кастрилльон пишет ответ: «Касательно ущерба, нанесенного незаконным указом, Конгрегация считает, что за это несет ответственность Ваше Преосвященство со 2 июня 1996 и далее. Предпочтительнее было бы... разрешить эту проблему беспристрастно», – эти слова подразумевают, что Морено должен сделать так, чтобы Трупия вышел на пенсию с хорошей характеристикой. Кастрилльон также выразил желание, чтобы Морено оплатил расходы Трупии на судебный процесс и посоветовал использовать его как консультанта по вопросам канонического права! Ответное письмо к Кастрилльону епископа Морено отражает понятное чувство разочарования:

«На прошлой неделе я поставил Конгрегацию в известность о том, что мы подали судебный иск относительно действий монсеньора Трупии в середине 1970-х относительно алтарника, тогда несовершеннолетнего. Речь здесь идет о вполне серьезном, а не воображаемом риске.

Я нахожусь в недоумении относительно указаний Конгрегации о компенсации ущерба. Я выплачивал монсеньору Трупии заработную плату в полном объеме и оплачивал страховку машины, о чем Конгрегации хорошо известно. Мне не сообщили никаких подробностей, так что я даже не смогу оправдываться в случае обвинения в причиненном ущербе.

Монсеньор Трупия покинул свой пост и не имеет права туда возвращаться.

Я с глубоким уважением отношусь к деятельности Конгрегации по делам духовенства, тем не менее, для решения этого вопроса я был вынужден обратиться в Сигнатуру».

«Когда я увидел эти документы, – вспоминает адвокат из Таксона Лайн Кедиган, который вел дела нескольких жертв Трупии, – я подумал: *это же просто золотая жила!* Знаю, это звучит ужасно, но здесь в тесных рамках клерикального мира Морено изо всех сил пытался предотвратить скандал, а Кастрилльон продемонстрировал всю глубину испорченности»¹⁸¹. Трупия покинул Таксон с условием, что он будет ежемесячно получать чек на \$1475, и нашел себе жилье в окрестностях Вашингтона. Он стал консультантом по каноническому праву диоцезии Монтерея в Калифорнии – пока жизнь ему не отравил судебный иск в Аризоне. Потрясая письмом Кастрилльона как пресловутым дымящимся ружьем, Кедиган потребовал от Трупии выплатить \$14 миллионов компенсации его жертвам. Когда наконец Ватикан в 2004 году лишил Трупию сана, диоцезия Таксона, сославшись на 11-ю главу Кодекса, попросила о защите от банкротства на фоне исков тридцати трех других жертв сексуальных преступлений, по большей части совершенных другим священником. В итоге диоцезия выплатила нужную сумму в \$22 миллиона¹⁸².

2002. Переписка Кастрилльона доступна для ознакомления на сайте www.natcath.org

¹⁸¹ Телефонная беседа с Lynne Cadigan, 13 мая 2010.

¹⁸² Berry and Renner, *Vows of Silence*, pp. 65–66.

В день встречи по неотложному делу в Ватикане в 2002 году кардиналы, вероятнее всего, не знали о том, как Кастрилльон потерпел фиаско в деле Трупии (статья Майкла Резендея о Трупии в *Boston Globe* вышла несколько месяцев спустя). Но итальянцы, собранные на совещании, понимали, что американцы несут большие финансовые потери. Пока кардиналы обсуждали вопрос о том, что они поведают внешнему миру после совещания, Кастрилльон коснулся реальной темы: надо выразить свое *несогласие*. Он вместе с генуэзским архиепископом Тарчизио Бертоне – бывшим специалистом по каноническому праву Конгрегации Доктрины Веры при кардинале Йозефе Ратцингере – настаивал на том, что надлежит сделать заявление о «сомнительных поступках пастырей». Священники, не придерживающиеся учения церкви, способствовали созданию атмосферы вседозволенности среди священства. Эти люди даже не задумались о мотивации епископов, покрывающих педофилов.

Еще один член Курии поддержал Кастрилльона и Бертоне: это был кардинал Джеймс Френсис Стефффорд, бывший архиепископ Детройта. Он хотел включить в пресс-коммюнике по поводу кризиса упоминание об энциклике 1968 года о контроле рождаемости¹⁸³ – послушание учению пап стоит превыше всего. Но по международным новостным каналам показывали больного папу с дрожащим голосом, который ничего не говорил о внутренней культуре сексуальных отклонений или о том, что он возглавит соответствующее расследование. Кардиналы и архиепископы Ватикана умыли руки, переложив всю вину на низшее духовенство. Иоанн Павел, который был столь великой нравственной силой в борьбе с диктаторами и Советским Союзом, не хотел разбираться со случаями сексуальных преступлений священников в 1990-х, когда он был еще здоров. Он не поставил вопрос о том, почему культура целибата так спокойно смотрит на злодеяния, наносящие серьезный вред детям, и не спросил кардиналов, что они предлагают с этим делать, если не считать их публичных извинений.

В римской Курии преобладали итальянцы. Они смотрели на окружающий мир через прессу, описывающую положение дел Ватикана – читая *Corriere della Sera*, *Il Giornal*, еженедельник *L'Espresso*, *La Repubblica* и другие газеты и журналы. Но система законов Италии не способствовала хирургическим расследованиям, которые могли делать юристы в Америке, Ирландии, Канаде и Австралии, где соблюдались принципы британского общего права. Когда судьи отдали епископам распоряжение открыть папки с делами обвиняемых священников для адвокатов их жертв, в англоязычных СМИ появилось море сообщений о тайной сексуальной жизни духовенства. В то же время в распоряжении итальянских журналистов было крайне мало документов, так что они могли знать лишь о редких подобных случаях. Курия и кардиналы полагали, что настоящий «скандал» был порождением странных законов Америки и СМИ, враждебно относящихся к католикам.

Кардинал Йозеф Ратцингер не делился с журналистами своими мыслями о встрече кардиналов в 2002 году, как это делали другие ее участники. Он, единственный из всех кардиналов Курии, думал о необходимых мерах по решению кризиса. Когда американские епископы ранее пытались исправить положение, они сталкивались с препятствиями. В 1989 году американские епископы через канонистов попросили у Ватикана разрешения лишать сана священников, вина которых в серьезных преступлениях против детей и подростков доказана. Правом дать это разрешение обладал только папа. Иоанн Павел ответил отказом. Ранее он был кардиналом в Польше и знал, что коммунистическая полиция прослушивала телефоны священников, чтобы потом их шантажировать. Польская церковь противостояла режиму. Он видел в священстве героическую силу сопротивления, осаждаемую противниками, и это мешало ему, когда он стал папой, обратить внимание на криминальную сексуальную субкультуру среди духовенства. В то же время канонисты Ватикана видели в просьбе американских епископов вмешательство в сферу их компетенции.

¹⁸³ John Allen, “Catholic Vatican Summit Produces Flawed Document”, *National Catholic Reporter*, May 10, 2002.

«В Америке Конференция епископов пользуется *машиной* для расторжения браков, – сказал мне выдающийся знаток канонического права, пожелавший остаться анонимным, в Риме солнечным днем осени 2002 года. – Это постоянно критикуют в Риме ответчики на процессах аннуляции брака... Подобный опыт ведения дел с американскими епископами вызвал сопротивление, когда встал вопрос об особых действиях относительно педофилов. *Мы видим, как вы обращаетесь с аннуляцией браков. Как вы будете поступать в случае педофилии?*» Этому священнику вопрос казался кристально ясным. «В 1989 году, – продолжал он, – Святейший Престол хотел сказать: у вас есть для этого предписания закона. *Используйте их!*»¹⁸⁴ Он имел в виду следующее: епископы должны устраивать закрытые канонические суды над преступниками, чтобы затем послать их результаты в Ватикан для принятия окончательного решения. Церковных юристов отпугивала мысль ведения официального церковного суда, который затем должен ждать годы, чтобы получить разрешение лишить преступника сана.

Епископы также хотели, чтобы установленный канонами пятилетний срок давности в случае сексуальных преступлений против детей был продлен, чтобы они могли изгонять преступников. «Лишь после шести лет обсуждений этого вопроса – в 1994 году – Рим согласился продлить срок давности для американских епископов до десяти лет с того дня, как жертве преступления исполнится восемнадцать», – пишет Николас П. Кефарди, специалист по каноническому праву¹⁸⁵. Если бы в 1989 году Иоанн Павел дал положительный ответ на просьбу епископов и *если бы они пользовались полученным правом*, лишая преступников сана, а не отправляя их на лечение, скандал не имел бы такого масштаба и церковь не понесла бы таких великих потерь. Вместо этого на протяжении двенадцати лет епископы рассылали папки с материалами на самых злостных преступников по различным службам и конгрегациям в Риме, таким как конгрегации по делам Духовенства и Доктрины веры, в канцелярию, занимающуюся религиозными орденами, в Секретариат Ватикана и Апостольскую Сигнатуру, то есть Верховный суд. Большинство подобных материалов в 1980-х и 1990-х годах поступало из англоязычных стран. При этом «епископы, которые желали наказать и выгнать виновных священников, не могли ничего сделать из-за бесконечных бюрократических и канонических процедур, в которых применялись вступающие в противоречие один с другим законы и существовала неясность относительно того, в чьей компетенции находится решение вопроса», – писали позже Лори Гудстейн и Дэвид Холбфингер в *New York Times*¹⁸⁶. Эта система порождала комические ситуации вроде той, когда Кастрилльон искал работу для педофила Трупии в сфере канонического права. В апреле 2000 года епископы англоязычных стран встретились с бюрократами Ватикана, умоляя их о помощи. В 2001 году Иоанн Павел подписал документ, в составлении которого участвовал Йозеф Ратцингер, в котором говорилось, что ответственность за решения в этой взрывоопасной сфере лежит исключительно на Ватикане¹⁸⁷.

¹⁸⁴ Berry and Renner, *Vows of Silence*, pp. 65–66.

¹⁸⁵ Nicholas P. Cafardi, “The Scandal of Secrecy”, *Commonweal*, August 13, 2010.

¹⁸⁶ Laurie Goodstein and David M. Halbfinger, “Church Office Failed to Act on Abuse Scandal”, *New York Times*, July 1, 2010.

¹⁸⁷ Папский документ был *motu proprio*, что означает написанный «собственноручно» или «по инициативе» папы, что указывает на прямое участие понтифика. Однако доступные материалы о папе Иоанне Павле II, включая биографии Jonathan Kwitny и George Weigel, та близорукость, с какой папа поддерживал Марсиала Ма-сьеля несмотря на все выдвинутые против того обвинения, его пассивность в деле кардинала Ганса Германна Гроэра, архиепископа Вены, покинувшего свой пост в 1995 году после обвинений со стороны бывших семинаристов, – все это свидетельствует о том, что он рассматривал преступления священников как некое случайное явление. Нравственный фундаменталист Ратцингер испытывал глубокое отвращение к этой теме – хотя он не мог предвидеть, каким взрывом все это обернется в Бостоне, – и настаивал на том, что каноническим решением этих проблем должен заниматься Ватикан, тем самым поддерживая папу. В статье, напечатанной в *New York Times* (см. примечание 18), журналисты Goodstein и Halbfinger отмечают, что Ратцингер пользовался огромным авторитетом и мог бы им воспользоваться еще тогда. Они подтверждают это мнение весомыми доводами.

Следует добавить, что ни один из кардиналов не завидовал Ратцингеру, когда ему досталось решение этого вопроса.

Ратцингер был префектом Конгрегации Доктрины Веры – которая ранее называлась Священной Палатой инквизиции. Хотя она была переименована в 1965 году, на величественном рыжевато-палаццо, стоящем за колоннадой слева от Св. Петра, все еще красовалась надпись Sant'Uffizio (Священная палата). В этом здании в 1633 году Галилея обвинили в ереси, поскольку он учил, что Земля вращается вокруг Солнца. Чаще всего Конгрегация занималась делами богословов, отклонявшихся от ортодоксии. После выхода соответствующего указа в 2001 году на протяжении последующих девяти лет здесь разбирались три тысячи дел о священниках, обвиняемых в сексуальных преступлениях против детей и подростков¹⁸⁸. Финансовые результаты этих дел фиксировала Конгрегация по делам Духовенства, расположенная в величественном бледно-желтом четырехэтажном здании примерно в пятистах метрах от Священной палаты, если пересечь площадь Св. Петра.

В декабре 2001 года, когда папский документ подтвердил полномочия Ратцингера в этих делах¹⁸⁹, была установлена предельная сумма в \$5 миллионов для продажи собственности епископами. Епископ мог самостоятельно заниматься продажей собственности на меньшую сумму. В июне 2002 года, когда наихудший скандал в истории современного католицизма был в самом разгаре, епископы собрались в Далласе для проведения своей ежегодной конференции, а их преследовало семьсот репортеров. В новостях постоянно писали о публичных протестах жертв священников и о том, как епископы устроили голосование о мерах по защите детей и подростков. Куда незаметнее был другой шаг: епископы проголосовали за то, чтобы поднять предельную сумму ликвидации активов в больших архидиоцезиях до \$10,3 миллиона без необходимости спрашивать разрешения у Рима. В Америке около двух десятков священников, отбывших тюремное наказание, вернулись к своему служению. Конференция католических епископов США наняла R. F. Binder Partners Inc., манхэттенскую компанию, которая занималась пиаром и предупреждением ущерба, чтобы та помогла им существовать в условиях яростных нападениях СМИ после первых четырех месяцев 2002 года.

В том же 2002 году в Ватикане кардиналы обсуждали меры по преодолению кризиса, и Ратцингер предложил устроить день молитвы за жертв священников. Это был жест доброй воли, но американские кардиналы переживали столкновение с суровой реальностью. Вьедливые адвокаты по гражданским искам нашли судебные повестки и получили доступ к материалам о духовенстве, в частности к записям специалистов, занимавшихся терапией со священниками, совершившими преступления, и пытались понять, как много епископы обо всем этом знали. Получить доступ к подобным документам в судах Италии или Испании было куда сложнее. Чем ужаснее были открывшиеся сведения, тем больше денег (и престижа) теряла церковь.

На второй день встречи кардиналов американцы ожидали выражения солидарности от своих коллег из других стран. Однако, когда вечером 23 апреля завершилось последнее заседание во Дворце Апостолов, у собравшихся не было единого мнения о *причинах кризиса*.

Как в 1921 году американские епископы отказались вынести осуждение бостонскому кардиналу О'Коннеллу в связи с тайным браком и финансовыми преступлениями его племянника, так в 2002 году иерархи избегали говорить о бедственном положении кардинала Лоу. Его Высокопреосвященство принес свои официальные извинения в начале встречи.

¹⁸⁸ John Thavis, "CDF Official Details Response to Sex Abuse", Catholic News Service, *National Catholic Reporter*, March 16, 2010. Работающий в Конгрегации монсеньор Charles Scicluna сообщил, что только в 10 процентах случаев речь шла о детях препубертатного возраста, а в 60 процентах дела касались священников, жертвами которых стали мальчики-подростки.

¹⁸⁹ John Thavis, "Doctrinal Congregation Takes Control of Priestly Pedophilia Cases", Catholic News Service, December 5, 2001.

Епископы не видели нужды кого-либо здесь наказывать и перешли к более насущным вопросам. Заключенные в своей маленькой вавилонской башне прелаты и князья церкви опаздывали на встречу с прессой. Кастрилльон и Бертоне набрасывали итальянский черновик коммюнике, по рукам собравшихся ходили три версии английского текста – им надо было ясно выразить слишком много мыслей. Когда вечером наконец начался брифинг, вашингтонский кардинал Теодор Мак-Каррик, который всегда уверенно держал себя с журналистами, запнулся, отвечая на вопрос, почему в документе нет ни слова о мирянах: «Сейчас, дайте поискать... мы об этом сегодня писали». Знаменитый автор Дэвид Гибсон написал о прихожанах, которые в течение пяти месяцев с тревогой могли видеть поражение и позор своей церкви: «Ни слова не было сказано об их горе, их гневе или о том, как в будущем они могли бы участвовать в предотвращении подобных скандалов»¹⁹⁰.

В ответ на самый тяжелый для Католической церкви кризис со времен Реформации иерархи ответили прославлением celibата как «Божьего дара». Кардиналы и архиепископы призвали пастырей «давать отпор тем, кто порождает раздоры». Ватикан проинспектирует семинарии США. Епископы посвятят один день молитве за жертвы преступлений и постараются исключить «печально известных» священников из числа духовенства. Многие из них уже готовятся отбывать тюремные сроки.

«Где же Лоу?» – спросил один журналист. «Или он прячется от нас?» – добавил другой. «Это не так, – ответил официальный ведущий брифинга архиепископ Уилтон Грегори, президент Конференции епископов США. – Но я не могу вам сказать, почему его нет здесь»¹⁹¹.

Лоу вылетел в Бостон, чтобы уладить вопрос с жертвами Джона Гехана, в надежде хотя бы отчасти спасти свою репутацию, ради которой он трудился в течение четырех десятилетий и которую он потерял за четыре месяца.

В пригороде Уэллсли, где живут состоятельные люди, возникла группа «Голос верных», к которой быстро присоединилось несколько тысяч членов. Члены группы желали оказывать поддержку жертвам сексуальных преступлений, напоминать священникам о честности и требовать перемен от иерархов. Финансовые вопросы вызывали сильные эмоции. Джо Финн, дипломированный бухгалтер, долгое время работавший в проектах архидиоцезии, беспокоился о средствах прихожан, которые пойдут на компенсации жертвам. Операционный бюджет архидиоцезии составлял \$18 миллионов, из которых \$14 миллионов поступали в ответ на традиционную ежегодную просьбу кардинала о пожертвованиях. «Ситуация на грани катастрофы, – заявил Финн членам «Голоса верных». – Они уже сокращают все расходы как безумные... Задумайтесь! Это пятьсот случаев. *Пятьсот!* Бостон будет буквально бороться за выживание»¹⁹².

Финн посоветовался с одним канонистом, чтобы передать его мнение богатым жителям Бостона, которые входили в финансовый совет Лоу. Эти люди, когда их о том просил кардинал, брались за телефоны и могли собрать значительную сумму. Канонист сказал, что они в состоянии наложить вето на урегулирование, и добавил: «Парни, в вашей власти сказать кардиналу «нет». Именно так и поступил финансовый совет на очередной встрече с Лоу, и тогда юридические переговоры зашли в тупик. Разгневанный адвокат жертв Митчелл Гарабедьян обвинил своего коллегу Уилсона Роджерса в том, что он обманул жертвы преступлений. Тем временем кардинал Лоу был в растерянности: он не мог уладить юридические проблемы и *жить дальше*.

¹⁹⁰ David Gibson, *The Coming Catholic Church* (San Francisco, 2003), p. 22.

¹⁹¹ David France, *Our Fathers* (New York, 2004), p. 423.

¹⁹² Ibid., p. 430.

Когда в июне того года епископы собрались в Далласе, юридические проблемы в Бостоне все еще не были решены. Команда из компании Binder, занимавшаяся подачей информации, помогла Конференции епископов изобразить спектакль, в котором за кризисом следовало его преодоление. В зале заседали епископы, в это время журналисты сидели в большом холле и смотрели видеофильм, в котором четыре жертвы священников дрожащими голосами рассказывали епископам о том, что с ними произошло. После этого епископы с мрачными лицами приступили к голосованию и приняли постановление о защите детей и подростков. Они заявили, что изгонят любого священника, если тот совершил хотя бы одно нарушение в прошлом, они не готовы терпеть ничего подобного – это попало в новостные заголовки по всему миру и должно было затруднить работу сотрудников Священной Палаты, руководимых Ратцингером, которые решали вопросы о судьбе провинившихся духовных лиц. Епископы согласились создать консультационный совет, который будет разбирать жалобы на священников. Ватикан уже дал понять, что комиссии мирян не вправе судить епископов и кардиналов. Правосудие для священников не таково, как для епископов, – во втором случае оно мягче.

Была создана Национальная комиссия по защите прав детей и подростков, куда вошли двенадцать известных мирян и которую возглавил уходящий в отставку губернатор Оклахомы Фрэнк Китинг (бывший прокурор). Комиссия должна была устраивать слушания и публиковать отчеты. Епископы наняли Колледж криминальной юстиции имени Джона Джея, чтобы тот собирал данные о правонарушителях, жертвах и юридических расходах церкви. Епископы все еще оставались в центре внимания СМИ, но завоевали доверие, поскольку принесли извинения, устроили голосование и создали план решения проблемы.

В Бостоне любопытные стремились оценить активы церкви. Газета *Boston Herald* сообщила, что «церковь владеет собственностью, которая не используется, в виде земли и зданий на сумму около \$160 миллионов». Джек Салливен и Эрик Конвей утверждали, что эти активы – лишь «часть всей собственности архидиоцезии, которую можно оценить в \$14 миллиардов». Архидиоцезия, «богатая землей и бедная наличными», имеет все преимущества на оживленном рынке недвижимости жилищного строительства.

В соседнем Бруклине архидиоцезия закрыла две церкви, включая храм Св. Айдана, в котором крестили убитого президента Джона Кеннеди и где он служил алтарником. Храм и приходской дом стоимостью в \$2,8802 миллиона будут превращены в жилье, включая девять жилищ высшего класса и несколько более скромных.

В Бруклине на Западной Роксбери Парквей бывшая церковь Младенца Иисуса, некогда объединенная с церковью Св. Лаврентия, вместе с приходскими домом с четырьмя спальнями не используется и будет превращена в элитное жилье. Стоимость комплекса оценивается в \$1,5124 миллиона... В Ньюбэри застройщики горячо желают приобрести здание церкви стоимостью в \$3,34 миллиона¹⁹³.

Разгневанный отец Боуэрс, не забывший о том, как Лоу советовал ему не писать статей, рассказал репортеру *Globe* о «чувстве омерзения и что нас предали». «Я не думаю, – продолжал он, – что кто-либо из нас понимает, какую роль здесь играла церковь, что это было: нежелание принять реальность или некомпетентность. Я думаю, жюри еще это не

¹⁹³ Jack Sullivan and Eric Convey, "Land Rich: Archdiocese Owns Millions in Unused Property", *Boston Herald*, August 27, 2002. Адвокаты истцов призывали к ответу Лоу, а не архидиоцезию. С юридической точки зрения кардинал был единоличной корпорацией, то есть имел власть распоряжаться всеми активами церкви. По законам Массачусетса благотворительные организации не вправе возмещать убытки на сумму свыше \$20 тысяч. Но если члены организации получают зарплату, можно подавать иски против кого-то из них лично. Гарабедьян подавал иски против Лоу и других иерархов, хотя те могли расплачиваться деньгами церкви и ее страховщиков.

выяснило»¹⁹⁴. Группа расследования из *Globe* неделями изучала материалы на священников, прежде чем опубликовала свой первый отчет. По мере появления дальнейших публикаций, постепенно открывавших ужасную картину, в публике росло возмущение против церкви. Боуэрс понимал, что иерархия образует круг своих людей, старых знакомых, которые помогают друг другу. И священники не безгрешны. Но как можно было переводить на новые места преступников вроде Пола Шенли (который одобрял «любовь к мальчикам» – и об этом знало его начальство)? Это уже было недоступно пониманию Боуэрса.

Сидя на церковной скамье рядом со своей тещей, Питер Борре наблюдал за отцом Боуэрсом, как тот пытается найти подход к разгневанным прихожанам. Кроме того, Борре мучило любопытство. Как, думал он, «богатая землей» церковь распоряжается своим имуществом?

Боуэрс видел, что многие священники обескуражены скандалом и его влиянием на ту церковь, которую они помогали строить. Он обращался к пастырю соседнего прихода св. Франциска Сальского отцу Дэну Махони с просьбой, чтобы тот направлял детей школьного возраста в Св. Екатерину, но из этого ничего не вышло. Махони был на поколение старше Боуэрса и думал только о своем приходе. Боуэрс собрал у себя серьезных добровольцев, преимущественно женщин. Один местный житель, который некогда отсидел срок из-за наркотиков и уже семнадцать лет к ним не прикасался, вел ежедневные встречи Анонимных алкоголиков. Несмотря на возмущение своих прихожан, Боуэрс стабилизировал финансовое положение прихода, хотя он ничего не перечислял архидиоцезии.

В это время Лоу тоже пытался свести концы с концами. Обычно, когда архидиоцезии не хватало денег, она брала кредит у Банка Флит: летом и осенью они получали деньги, а зимой или весной возвращали. Между Рождеством и Пасхой приток наличности в приходах возрастал. «Пожертвования в ответ на ежегодное Обращение кардинала обычно поступают в два этапа, – писала *Globe*. – Во-первых, в конце мая и начале июля, когда выходит Обращение, а затем – в ноябре или декабре, когда многие жертвователи хотят добиться уменьшения налоговой суммы». Поскольку поступление наличности резко сократилось, в конце сентября архидиоцезия решила заложить имение кардинала католической группе страхования – Рыцарям Колумба – за \$38 миллионов.

Значительная часть аванса пойдет на погашение краткосрочного долга в \$9 миллионов Банку Флит, это часть необеспеченного кредита на \$17,5 миллиона, ранее в этом году банк отказался предоставлять кредиты. Другая часть займа у Рыцарей Колумба будет использована для завершения нового Семейного центра Шонесси, который будет оказывать социальную помощь малообеспеченным семьям Южного Бостона.

По словам официальных представителей церкви из-за экономического застоя приток пожертвований в этом году сократился, положение усугубили спад активности на фондовой бирже и сексуальный скандал, разыгравшийся в январе этого года¹⁹⁵.

Форум священников Бостона в это время переживал свой собственный кризис. Этот Форум был создан в 2001 году тремя клириками, которых беспокоила изолированность и слишком трудная работа священнослужителей, так что он стал местной группой поддержки; сначала в него записалось 200 человек, а на тот момент, когда скандал был в полном разгаре, количество его членов возросло уже до 1250 священников, занимающихся пастырской деятельностью. Теперь участникам приходилось утешать друг друга: священники чувствовали

¹⁹⁴ Michael Paulson, "After Abuse Scandals Many Priests Tread Warily", *Boston Globe*, January 13, 2002.

¹⁹⁵ Michael Rezendes and Thomas Farragher, "Archdiocese Mortgages Law's Home to Pay Debt", *Boston Globe*, September 28, 2002.

себя преданными и испытывали негодование. Боуэрс видел комизм этой серьезной ситуации. Подобно доброму князю, Лоу не предъявлял к ним претензий из-за того, что приход не перечислял деньги архидиоцезии. Но в то же время кардинал, даровавший ему лучшую работу всей его жизни, предал местных священников.

Скандал свалился на плечи Боуэрса в тот момент, когда он открыл для себя важность миротворчества. Мир измеряется справедливостью – которую доктор Мартин Лютер Кинг называл «подсчитанной любовью». Если ты следуешь за Христом, служа бедным, следует дать место любви. 42-летний священник учился любви в заброшенном приходе, где люди, у которых водились деньги, вступали в духовное общение с Другим. «Можно было это переживать, – размышлял он, – вместе с голодными, отверженными людьми, с теми, кто употребляет наркотики и живет в мире насилия и страха. Это было совсем не похоже на привычный образ церкви, но это пробуждало лучшую сторону в людях, включая меня самого». Его собственный кардинал со своими подручными епископами растоптал невинность, семена мира. «Нагромождение человеческой лжи, власть и контроль. Грязное желание скрыть и защитить от света то, о чем невозможно говорить. Боже, они сделали все испорченным и больным!»¹⁹⁶

9 декабря 2002 года Боуэрс вместе с другими 57 священниками подписал открытое письмо к Лоу, где говорилось: «Вы настолько подорвали доверие людей, что уже не можете осуществлять духовное руководство церковью Бостона»¹⁹⁷. Об этом письме писали во всех СМИ, и оно многих поразило. Четыре дня спустя на частной аудиенции с Иоанном Павлом Лоу добровольно согласился уйти с поста бостонского архиепископа.

Уход самого влиятельного американского архиепископа (который, тем не менее, оставался кардиналом) означал, что Ватикану надлежит сделать преемником Лоу *действительно* безупречного пастыря и хорошего менеджера. Подыскивая замену, Рим в качестве временной меры поставил 55-летнего викарного епископа Ричарда Леннона апостольским администратором. Не замешанный в скандале Леннон хранил верность Лоу, который, по сути, и сделал его епископом. Леннон отличался раздражительностью, и священники его недолюбливали. Но он был готов трудиться не покладая рук и умел распоряжаться, что позволяло ему осуществлять поставленные задачи. Изучив условия, которые ставили адвокаты пострадавших, Леннон приступил к разработке плана масштабного закрытия приходов.

За три дня до Рождества, изучив требования 552 жертв и их адвокатов, Леннон объявил, что он изучает вопрос о собственности церкви, которую нужно выставить на продажу «как можно скорее, чтобы показать наше стремление» удовлетворить пострадавших; по мнению *Globe*, страховые компании Kemper и Travelers должны были при этом покрыть значительную часть расходов¹⁹⁸.

«Но зачем распродавать собственность, – удивлялся Питер Борре, – если действует страхование?»

Боуэрс предполагал, что план Леннона вызовет возмущение в его приходе, который он так сильно любил. Он попытался договориться о встрече с Ленноном, но из этого ничего не вышло.

¹⁹⁶ Выражение Кинга взято из Stewart Burns, *To the Mountaintop: Martin Luther King Jr.'s Mission to Save America* (San Francisco, 2004), p. 27. Мысли Боуэрса из его неопубликованной статьи, используются с разрешения автора.

¹⁹⁷ Michael Paulson, “58 Priests Send a Letter Urging Cardinal to Resign”, *Boston Globe*, December 10, 2002.

¹⁹⁸ Michael Rezendes and Walter V. Robinson, “Lennon Picks Sites for Sale, Eyes Court Test in Abuse Cases”, *Boston Globe*, December 23, 2002.

День реконфигурации

Сын заместителя начальника пожарной охраны Дик Леннон с его ростом в 1 метр 88 сантиметров в юности любил спорт, однако мальчик так сильно заикался, что почти не открывал рта в школе, чтобы над ним не смеялись. Он поступил в Бостонский колледж, где изучал математику. В 1967-м, окончив обучение, он поступил в семинарию Св. Иоанна при диоцезии, расположенную неподалеку от Бостонского колледжа в Брайтоне. В 1968 году по студенческим кампусам прошла волна протестов, которая не миновала и семинарии. Одни семинаристы призывали друзей к участию в судьбе обитателей гетто в Роксбэри, другие, приверженцы более традиционного пути, считали, что главное дело – учиться, не отвлекаясь на события внешнего мира. Либералы вступили в борьбу с кардиналом Кашингом, вскоре половина учащихся покинула семинарию. В эти годы Дик Леннон влюбился в каноническое право. Он неумоимо изучал этот предмет даже в часы досуга, забывая ради него о богословских предметах и своей диссертации по истории церкви. Он прочел массу книг по церковному праву и собрал себе соответствующую библиотеку из трехсот томов. Леннону не хватало того лоска, который отличал духовенство, обучавшееся в Риме, но он преодолел свое заикание и мог многого добиться в жизни. В 1989-м, после десятилетия работы на приходе, кардинал Лоу предложил канонисту-самоучке стать его консультантом по каноническому праву. В 1999-м Лоу сделал его ректором семинарии. В 2001 году он стал викарным епископом. Священники знали, что это холодный и беспристрастный епископ¹⁹⁹.

Боуэрс был полон решимости спасти свой приход и потому искал съемщиков для неиспользованной территории огромного приходского дома. Одна юридическая фирма была готова принять его предложение. Компания мобильной связи обратилась к нему с вопросом об установке вышки за шпилем церкви. Боуэрс горел энтузиазмом. Хорошо бы частный сектор финансировал его школу. Если обеспечить финансовую сторону, можно платить стипендии достойным ученикам. Но здесь он наткнулся на препятствие. Канцелярия архидиоцезии запретила приходам заключать новые контракты до того момента, пока епископ Леннон не совершит реконфигурацию приходов. Невозможно было ни сдать помещение фирме, ни получать доходы за счет вышки мобильной связи.

На фоне тяжелой демографической ситуации в Чарльзтауне – где было три обезлюдивших прихода и где дети стремились избегать местных школ, – Боуэрс вместе с директором школы с грустью объявили, что весна 2003 года станет последним семестром учебы в Католической начальной школе Чарльзтауна, которую ему поручил спасти кардинал Лоу.

Кардинал Лоу за семнадцать своих бостонских лет сократил в архидиоцезии число приходов с 402 до 357, и это не вызывало заметного возмущения. Но епископ Леннон оказался на минном поле. Благодаря обращению кардинала было собрано лишь \$8 миллионов из требующихся архидиоцезии для покрытия текущих расходов \$17 миллионов. Зимой 2003 года, пока адвокаты вели переговоры о возмещении ущерба жертвам преступлений, Леннон изучал топографию католического Бостона – инфраструктуру церквей города и его ближайших окрестностей в сочетании с тем, сколько чего стоит. Что можно закрыть – то можно продать. Вырученные от продаж деньги помогут церкви встать на ноги в финансовом смысле.

В городе, где соседи стояли друг за друга, закрыть церковь означало нанести глубокую рану социальному телу. В южной части Бостона находилась Начальная школа Св. Августина, где учились дети полицейских, пожарных, рабочих и служащих. Кладбище Св. Августина с его часовней в греческом стиле было старейшим католическим кладбищем Бостона. Один

¹⁹⁹ Walter V. Robinson and Matt Carroll, "Lennon Is Viewed as Skilled Manager", *Boston Globe*, December 14, 2002.

политик из «южан» как-то пошутил: я хочу быть похороненным здесь, потому что «хочу оставаться политически активным»²⁰⁰.

Но «южане» старших поколений, создавшие большие семьи, уже умерли, многие из их детей разъехались, так что юг Бостона, подобно Чарльзтауну, теперь состоял из немногочисленных потомков ирландцев, окруженных бедняками, живущими в дешевых домах, и зажиточными супружескими парами, иногда без детей, которые вселялись в перестроенные здания, в которых ранее обитали рабочие. Брайен Уоллейс, представитель «южан» в правительстве, говорил: «Шестьдесят один процент обитателей юга Бостона живет на этом месте менее пяти лет. У большинства из них нет детей... и количество учеников католических школ здесь резко сокращается»²⁰¹. Из 158 учеников Начальной школы св. Августина 8 пользовались субсидией архидиоцезии, составлявшей в сумме \$100 тысяч. Местный пастырь, монсеньор Том Мак-Доннелл, был родом из «южан» и поддерживал хорошие отношения с кардиналом; в 2000 году Лоу простил приходу долг накопившихся невыплат в размере \$328 тысяч.

Три года спустя, в мае, когда епископ Леннон начал перекраивать карту католического Бостона, ученики пришли домой с записочками к родителям: школа Св. Августина закрывается. Официальный представитель архидиоцезии, священник, заявил, что «данное решение исходило от прихода». Сокращение численности населения и повышение стоимости ремонта «не позволяют приходу и далее содержать школу».

По словам одной из родительниц, Анны Спенс, это вовсе не так. Архидиоцезия «упорно отрицала, что собирается закрыть школу. А затем, совершенно внезапно, нам пишут: школа закрывается, всего доброго, в следующем году вам уже не потребуется сюда приходить»²⁰².

Возмущенные этими событиями прихожане кричали на своего пожилого пастыря монсеньора Мак-Доннелла, говоря, что он их предал. Активисты прихода начали быстро собирать деньги, двое членов муниципального совета и один сенатор штата встретились с Ленноном, который хранил каменное лицо, чтобы предложить ему альтернативные планы. Брайен Уоллейс с коллегой также приходил в канцелярию, чтобы поговорить с епископом. Уоллейс понимал, что церковь отчаянно нуждается в деньгах, но закрытие школы Ленноном поставило ничего не подозревавшего отца Мак-Доннелла в неловкое положение. В канцелярии Уоллейс сел напротив апостольского администратора. Взглянув на часы, Леннон произнес: «У вас есть пять минут».

«Пять минут? – воскликнул Уоллейс. – А пяти секунд не хотите?» С этими словами представитель удалился.

Если Леннон и переживал нечто подобное медовому месяцу в отношениях с католическим Бостоном, настроение ему портили СМИ, постоянно говорившие о закрытии школы Св. Августина. Ярость против предателя Лоу люди перенесли на Леннона.

Когда летом 2003 года архиепископом Бостона был назначен Шон О'Мелли, епископ Леннон перестал привлекать всеобщее внимание. О'Мелли с его белоснежной бородой, спокойным поведением и мягкостью казался всем миротворцем. Он встретился с жертвами священников, чем сделал еще один шаг к разрешению кризиса. Архидиоцезия согласилась выплатить \$85 миллионов 542 жертвам преступлений священников; угроза банкротства уменьшилась, когда архидиоцезия вместе с Бостонским колледжем занялась продажей недвижимости кардинала. Но сам О'Мелли не спешил раскрывать своих затаенных мыс-

²⁰⁰ Kevin Cullen, "Legends on the Waterfront", *Boston Globe*, July 25, 2004. Имя политика Billy Bolger.

²⁰¹ Brian Wallace, интервью по телефону и электронной почте с автором, 24 августа 2009; Megan Tench, "4 Accuse Bishop of Breaking Promise", *Boston Globe*, June 28, 2003.

²⁰² Megan Tench and Anand Vaishnav, "Catholic School in South Boston to Close", *Boston Globe*, June 11, 2003.

лей насчет финансового кризиса. 13 февраля 2004 года Леннон в письме объяснил бостонским священникам, что архиепископ О'Мелли «сознательно избрал каноническую процедуру изъятия, а не слияния». При первой процедуре церковь закрывается, а ее собственность переходит к архидиоцезии. В случае же слияния с другим приходом активы закрытой церкви переходят к новой. Слова Леннона о том, что архиепископ «сознательно избрал... процедуру изъятия», говорили о том, что О'Мелли участвовал в составлении проекта реконфигурации. Архиепископ потребовал от лидеров восьмидесяти районов, чтобы к 8 марта они подали ему сведения о том, какие церкви на их территории можно будет закрыть.

Питер Борре, которому приходилось участвовать в деятельности корпораций, вынужденных закрывать предприятия, удивлялся холодной логике плана реконфигурации. На соответствующем приказе стояла подпись архиепископа, но все знали, что Леннона окружает группа советчиков, которые голосуют за то, какая церковь станет жертвой процесса. При сокращении в корпорации никто не решает голосованием вопрос о том, кого уволить, а кого оставить. «Изъятие» – термин канонического права, отдающий инквизицией. Он означает, что тебя выселяют из твоего духовного дома, а все деньги, которые ты вместе с твоими близкими принес в это священное место за долгое время, получает канцелярия, которая иначе не может отдать свои долги. «*Это им отзовется*», – думал Борре про себя.

Боуэрс договорился о встрече с архиепископом О'Мелли.

Новый прелат в своем монашеском облачении сидел за длинным столом. Шон О'Мелли выглядел подавленным. Он говорил медленно и так тихо, что Боуэрсу пришлось к нему подвинуться, чтобы расслышать его слова. Церковь, говорил он, оказалась в сложном положении и ей приходится проводить консолидацию приходов. Боуэрс яркими красками описал свой приход с его многообразием, сказав о дружбе бедных с богатыми и о его надежном финансовом положении. О'Мелли, будучи молодым диаконом, совершал миссионерское служение среди индейцев на острове Пасхи, неподалеку от Чили. Сердце прелата, изучавшего на последних курсах университета испанскую литературу, должна была согреть эта картинка: коричневые пуэрториканцы находят себе духовный дом в приходе Св. Екатерины Сиенской. По крайней мере, отец Боуэрс надеялся на это. Но пока он говорил о жизнеспособности своего прихода, О'Мелли слушал его сухо. «Мы вынуждены принимать трудные решения», – произнес он. Боуэрс хотел пригласить О'Мелли в свой приход. Может быть, он посетит Св. Екатерину и отслужит здесь мессу? «*Да*», – сухо сказал О'Мелли.

После ухода Боуэрса О'Мелли выглядел грустным и апатичным.

Как и предполагал Борре, многие люди с горечью думали о том, не закроют ли их приходы. 12 марта 2004 года группа по изучению положения, в деятельности которой участвовал Боуэрс, послала епископу Леннону «мнение меньшинства», главным автором которого был Вэл Малкехи. Документ содержал беспристрастный экономический анализ ситуации и набросок программы преодоления финансового упадка и создания условий для процветания района. С политической точки зрения этот документ обеспечивал Леннону прикрытие.

Одно поколение назад показатель посещения мессы составлял 45 тысяч в неделю, теперь по трем церквям Чарльзтауна вместе он равен 1500. Здесь было бы достаточно одной церкви. На обслуживание долга двух церквей в год расходуется \$250 тысяч. «Роскошь содержания двух приходов означает, что местное сообщество отказывается от ежегодного дохода в \$115 тысяч», – говорилось в отчете.

Три прихода, которые борются за свое существование, неспособны содержать школу, которая бы пользовалась доверием родителей, поскольку на нее не хватает средств. Так создается порочный круг: плохое финансирование ведет к сокращению числа учеников, что ухудшает финансовую ситуацию и еще сильнее ограничивает возможности школы. Процветающий приход, возможно, был бы в состоянии мобилизовать силы

для поддержки успешной школы. Людям нужны хорошие школы, а не такие, которые еле-еле сводят концы с концами²⁰³.

Поскольку прихожане из старинных местных семейств умерли или разъехались, демографические изменения вынуждают принимать меры. «Новые обитатели больше оценят финансово стабильный приход с энергичной культурой, чем тот, который просто пытается сохранить за собой историческое здание», – говорилось в документе. А затем отчет прямо касался той ситуации, с которой столкнулась бостонская архидиоцезия – и церковь Америки в целом:

Сегодня большие католические семейства исчезли и вместо них появилось пестрое население, количество которого сократилось. Здесь [в Чарльзтауне] будет все больше относительно бедных семей, заселяющих государственные дома, и временные обитатели – одинокие молодые люди и юные пары, которые через сколько-то лет переселятся в пригородные дома для среднего класса. Если здесь появятся практикующие католики, они будут принадлежать к этим новым группам людей. Традиционно эти группы не принадлежат к числу самых щедрых жертвователей, и это понятно: их денежные ресурсы ограничены. Так что не следует ожидать в будущем новой волны финансового изобилия, которая бы оправдывала сохранение трех приходов.

Это не повод для печали. Люди этой группы несут в себе новые силы, молодые (неизбежно) состарятся, бедные (даст Бог) станут богаче и переедут в другое место. Но они будут поддерживать в Чарльзтауне живую и созидательную веру.

Закрытие одного прихода в Чарльзтауне не гарантирует наступления финансовой стабильности. Но закрытие двух приходов – вполне надежная мера. Единая католическая община станет более дееспособным пастырским присутствием в городе²⁰⁴.

Данный отчет оставлял открытым вопрос о том, как именно следует закрывать приходы, хотя между строк можно прочесть, что здесь должен действовать какой-то посредник. Леннон не высказывался по поводу этого плана.

Два месяца спустя, 25 мая, канцелярия архидиоцезии разослала письма восьмидесяти трем пастырям с помощью почтовой компании Federal Express, что было немалым расходом на фоне финансового кризиса и при доступности электронной почты. Журналисты и люди с телекамерами собрались в приходском доме, чтобы стать свидетелями того момента, когда Боуэрс и его немногочисленные сотрудники и добровольцы, преимущественно женщины, воспримут эту новость. Получение письма было большой трагедией. Дрожащим голосом Боуэрс зачитал послание О’Мелли: приход должен быть закрыт. Каждый приход может обжаловать это решение, обратившись к архиепископу О’Мелли и, если тот откажет, в Ватикан. Но Боуэрс понимал, что Конгрегация по делам Духовенства вряд ли отменит решение архиепископа. Священник плакал перед телекамерами. На следующее утро на первой странице *Globe* появились две фотографии: О’Мелли зачитывает свое решение, Боуэрс со скорбным лицом.

Архидиоцезия пощадила два других прихода Чарльзтауна. Леннон и О’Мелли не придали значения выводам группы по изучению положения, которая указала, что на отсроченное обслуживание должно уйти ровно \$1,73 миллиона. Закрытие одного прихода не решало про-

²⁰³ V. Val Mulcahy, “The Case for a Single Parish” (unpublished), March 12, 2004, p. 3.

²⁰⁴ Ibid.

блем с долгами двух других. Самым мудрым решением здесь было бы создание одного объединенного прихода. Агенты реконфигурации, оставившие два прихода и закрывшие один, проигнорировали данные отчета чарльзтаунской группы.

«Многие приходы из обреченных на закрытие этим вечером совершают молитвенное бдение», – отметил Майкл Полсон, проницательный журналист, освещающий религиозную жизнь в *Globe*. Он попытался разобраться в причинах и масштабах закрытия:

По словам О’Мелли, приходы приходится закрывать по той причине, что католическое население перемещается в пригороды и потому что все меньше людей посещает мессы. Здесь есть и другие причины, добавил он: финансовые проблемы, плохое состояние многих приходских помещений и сокращение числа священников. Он сказал, что более одной трети всех приходов испытывают текущий дефицит и что 130 пастырей архидиоцезии – люди старше 70 лет.

Архидиоцезия пригласила специалистов по недвижимости, чтобы те помогли продать собственность закрывающихся приходов, многим из которых принадлежат здания церкви, приходские дома, монастыри, школы и другие строения, а иногда и пустые земельные участки. Архидиоцезия не сообщила, в каком объеме будет совершена эта распродажа, но можно не сомневаться в том, что этот объем будет значительным²⁰⁵.

На следующий день после этой публикации, 27 мая, стало известно, что папа Иоанн Павел II назначил кардинала Лоу пастырем – или «старшим священником», как говорят в Ватикане, – Санта-Мария-Маджоре, одной из крупнейших базилик Рима. Питер Борре знал, как корпорации стараются позолотить пилюлю, отправляя начальников в отставку, но подобное *восстановление* Лоу, который из обитателя монастыря в Мэриленде превратился в важное духовное лицо в Риме, казалось вопиющей несправедливостью перед лицом всех тех, кому он причинил страдания. Жертвы преступлений священников и активисты группы «Голос верных» подняли шум по этому поводу. Джон Л. Оллен, корреспондент в Ватикане для *National Catholic Reporter*, объяснял позицию Курии в газете *Globe*: «За этим стояло желание найти такое положение, в котором прошлое не было бы для него великим препятствием, но дать ему место, где он мог бы развернуть свои дары и где к нему продолжают относиться с уважением и почтением – отчасти потому, что он кардинал, а отчасти потому, что по мнению некоторых людей с ним поступили несправедливо»²⁰⁶.

Для Леннона – а еще более для О’Мелли – это было ужасное время.

Разгневанные прихожане видели, что их церкви выставлены на продажу, в то время как предавший их Лоу был восстановлен и получил приятную работу в Риме. На следующий день архиепископ О’Мелли встретился со священниками архидиоцезии. Машины журналистов стояли около церкви Уэстона. Новая должность Лоу «подливает масла в огонь», сказал Боуэрс журналисту. «Это глубокий позор»²⁰⁷. Его слова должны были разгневать архиепископа, францисканца, который всерьез относился к обету послушания; разумеется, это был не слишком удачный ход для ведения переговоров. Но некоторые священники пылали гневом против Леннона, которого сам Лоу готовил себе в преемники, и задавались вопросом: знал ли Леннон, как Лоу распорядился деньгами?

Отец Стивен Джосома пришел на встречу в глубокой печали. Его приход св. Сусанны в Дедхеме на острове Чарльз попал в список закрываемых лишь по той причине, что вла-

²⁰⁵ Michael Paulson, “65 Parishes to Be Closed”, *Boston Globe*, May 26, 2004.

²⁰⁶ Michael Paulson, “Pope Names Law to Ceremonial Position in Rome”, *Boston Globe*, May 28, 2004.

²⁰⁷ “Pastors Meet with O’Malley About Church Closings”, WCVB Boston, www.thebostonchannel.com, May 27, 2004.

дел восемью акрами земли с тенистыми деревьями. В письме не было дано объяснений, почему этот приход решили подвергнуть изъятию. Он требовал ответа от имени своих прихожан. Закрывая встречу, О'Мелли говорил, что план закрытия приходов епископа Леннона был тщательно продуман; реконфигурация – болезненный процесс, приходы вправе требовать пересмотра решения, но священники должны оказать поддержку осуществлению этого плана.

Во время пятичасовой встречи архиепископ О'Мелли успокоил священников, сообщив, что никто из пятидесяти восьми священников, подписавших открытое письмо с требованием отставки Лоу, не понесет наказания. Закрытие приходов не дисциплинарная мера, подчеркнул он.

Служащие архидиоцезии раздали экземпляры руководства на 168 страницах, где говорилось о том, как рассчитаться с увольняемыми, куда девать священные предметы и что говорить журналистам. Священные предметы следует собрать в особом месте. «Вскоре после того, как двери будут закрыты, архиепископ Шон секуляризует здание церкви, так что его можно будет продать, – продолжало руководство. – Священные предметы будут удалены... После этого церковь можно будет продать для любого рода использования, за исключением использования в явно дурных целях»²⁰⁸.

Во время перерыва отец Джосома сказал архиепископу, что он один из пятидесяти восьми священников, требовавших ухода Лоу. «Вы требуете от меня поступить наперекор моей совести, – сказал он. – С чем связано это решение: со мной лично или с недвижимостью?» «Ни с тем, ни с другим», – ответил О'Мелли. Газета *Globe* опубликовала список закрываемых приходов с оценочной стоимостью их имущества, при этом их справедливая рыночная стоимость составляла сумму порядка \$100 миллионов. «Мы будем рады тому, если продадим их хотя бы по оценочной стоимости», – добавил О'Мелли. «Что же, давайте заключим сделку, – сказал отец Джосома. – Наш приход оценили в \$320 тысяч. Я готов выписать вам чек на \$600 тысяч. Вы получите вдвое больше». Священник протянул руку архиепископу. Тот засмеялся, но не стал жать протянутую руку. «И вы знаете, и я знаю, что этот приход стоит гораздо больше», – сказал Джосома. В ответ О'Мелли лишь загадочно улыбнулся.

В последнее воскресенье мая Питер Борре со своей тещей отправились на мессу в приход Св. Екатерины Сиенской. Церковь была полна народу: все хотели услышать, что им скажет отец Боуэрс. Журналисты также не забывали о приходе и освещали ход событий. Отец Боуэрс был настолько расстроен, что с трудом совершал богослужение. Он также боялся. Выступление против архиепископа дурно скажется на его карьере. После службы он предложил устроить обсуждение. «Давайте прочитаем розарий», – предложила какая-то женщина. Но люди плакали и злились, им нужно было выговориться.

Роуз Мэри Пайпер толкнула локтем в бок своего зятя. «Ты любишь рассуждать обо всем на свете. Скажи что-нибудь». Питер Борре поднялся и предложил составить прошение к архиепископу и предложить ему встретиться с прихожанами. Люди захлопали в ладоши. Измученный отец Боуэрс спросил: «Вы будете помогать в этом деле?»

«Я только что заявил, что буду», – ответил Борре, сам не вполне понимая, почему он так сказал.

С помощью Мэри Бет Борре, расставшейся с Католической церковью, Питер и другие добровольцы собрали около 3500 подписей прихожан. Теплым июньским днем Питер с двумя прихожанками вошел в канцелярию в Брайтоне, напротив Бостонского колледжа. Секретарь смотрел на них через стекло. В воздухе канцелярии висело напряжение. Борре понимал, что сотрудникам здесь в течение последних изнурительных восемнадцати месяцев приходилось нелегко. Он сообщил секретарше, что они пришли с прошением к архи-

²⁰⁸ Michael Paulson, "Church Offers Guidance on Closings", *Boston Globe*, May 28, 2004.

епископу. Она глядела на него с тревогой. В этот момент в приемную вышел священник. Борре, не изменяя своим хорошим манерам, объяснил ему цель их визита. «Нас не интересуют прошения», – пробурчал священник.

«Что же нам делать с прошением?» – спросил Борре. Клирик, служащий канцелярии, ответил: «Засуньте его себе в жопу».

Священник удалился, оставив двух изумленных женщин и Борре в гневном недоумении. Они вышли на солнце. Питер сел за руль, чувствуя, как в нем подымается неукротимая ярость. Он считал римлян самыми антиклерикальными людьми на свете, что было связано с воспоминаниями о *Pio Nono* и историей господства Ватикана. Теперь же потерпела крах его вера в нынешнюю иерархию. Когда он позвонил из машины жене и сообщил, что его только что грязно оскорбил ублюдок в священническом воротничке, Мэри Бет могла почувствовать гнев в его голосе. В течение последующих нескольких дней гнев превратился в план борьбы, из-за которого ему придется вернуться в Рим, чтобы там снова столкнуться с той структурой власти, что некогда казалась ему священной.

4

Ватикан, молитвенные бдения и недвижимость

Когда Шон О’Мелли прибыл в Бостон, он был кем-то вроде кризисного менеджера церкви, специалиста по диоцезиям в беде. Он не мог себе представить, что будет выполнять такую роль, когда начинал свое священническое служение: тогда церковная культура казалась незыблемой. О’Мелли родился в 1944 году в Лейквуде, штат Огайо, и рос в Западной Пенсильвании. Он вступил в орден Меньших Братьев Капуцинов – ветвь францисканцев, которые служат бедным. Став доктором наук по испанской и португальской литературе в Католическом университете Америки, он остался в Вашингтоне и основал здесь Католический латиноамериканский центр, который давал образование и оказывал юридическую помощь иммигрантам. В 1984 году Иоанн Павел II сделал его епископом и поставил над диоцезией Сент-Томас на Виргинских островах.

В 1993 Ватикан послал О’Мелли в диоцезию Фолл-Ривер, штат Массачусетс, где была большая португальская община и где верующие приходили в себя после шока из-за печально известного отца Джеймса Портера. В качестве компенсации ущерба 131 жертве преступлений бывшего священника, оказавшегося в тюрьме, пришлось заплатить \$13,2 миллиона, около половины этой суммы выплатили страховые компании. О’Мелли распорядился продать собственность, не принадлежавшую приходам²⁰⁹, но чтобы обезопасить необходимый резерв средств, он обратился к Мальтийским Рыцарям, элитарному братству, которое (по словам бывшего священника Тома Дойля, служившего канонистом при посольстве Ватикана в 1980-х и предупреждавшего епископов о грядущем кризисе)²¹⁰ пожертвовало на урегулирование несколько миллионов долларов. Суверенный военный орден Мальты появился во время крестовых походов и постепенно превратился в общество мирян с рыцарской атрибутикой. До Второй мировой войны Мальтийские Рыцари с симпатией относились к фашизму, потом стали яростными антикоммунистами. Трое директоров ЦРУ – Джон Мак-Кон, Уильям Колби и Уильям Кейси – и бывший государственный секретарь Эл Хейг принадлежали к Мальтийским Рыцарям²¹¹. «Кандидаты в члены Рыцарей должны обладать богатством, и их подвергают строгой процедуре отбора», – писал журналист Мартин Ли в 1983 году. Члены ордена выпускают собственные паспорта; известно, что они оказывают помощь жертвам бедствий на международном уровне²¹². Отец Питера Борре был принят в орден во время торжественной церемонии, которую вел папа Иоанн XXIII в соборе Св. Петра.

Когда в 2002 году только начал разгораться бостонский скандал, Ватикан перевел Шона О’Мелли в диоцезию Палм-Бич во Флориде, после того как епископ Энтони О’Коннелл спокойно признал во время пресс-конференции, что, да, давным-давно он вступал в недозволенную связь с семинаристом, который только что его публично обличил, и подобное обвинение может предъявить еще один человек. В результате иски против О’Коннелла подали трое²¹³. О’Мелли выпала неприятная задача в Палм-Бич, одной из богатейших диоцезий, заменить виновного епископа, заменившего другого виновного епископа. До ирландца

²⁰⁹ О последствиях скандала в Фолл-Ривер см. сайт www.bishopaccountability.org/diocese. См. также also Sean Gonsalves, “Diocese Details Abuse”, *Cape Cod Times*, February 21, 2004.

²¹⁰ Дойль (Tom Doyle) вместе с юристом F. Ray Mouton и Michael Peterson, священником, психиатром и основателем Института св. Луки в 1985 году написал отчет на девяносто трех страницах о кризисе с педофилией, который Peterson разослал епископам. См. Jason Berry, *Lead Us Not into Temptation* (New York, 1992), pp. 98–103.

²¹¹ Betty Clermont, *The Neo Catholics: Implementing Christian Nationalism in America* (Atlanta, 2009), p. 21.

²¹² Martin Lee, “Their Will Be Done”, *Mother Jones*, July/August 1983.

²¹³ Mary McLachlin, “Turbulent Year for Diocese, Church”, *Palm Beach Post*, March 9, 2003.

О'Коннелла оттуда в 1998 году ушел епископ Дж. Кит Саймонс, когда стало известно, что он растлил мальчика-алтарника много лет тому назад²¹⁴. Саймонс переехал в Мичиган в приют, О'Коннелл отправился в монастырь в Южной Каролине. Но в силу представлений Ватикана об апостольском преемстве оба они остались в звании епископов. Трибунал кардинала Ратцингера в Конгрегации Доктрины Веры лишал сана священников, но не иерархов.

²¹⁴ Dan Moffett, "Bishop Symons Resigns", *Palm Beach Post*, June 3, 1998. После ухода Саймонса и до появления О'Коннелла роль временного администратора исполнял здесь епископ Сент-Питерсбурга Роберт Линч. В 2002 году диоцезия Сент-Питерсбурга выплатила сумму более \$100 тысяч официальному представителю диоцезии Биллу Урбански, который обвинял Линча в сексуальном домогательстве. Линч отрицал свою вину. После выплаты денег Урбански согласился не заводить судебного процесса. Диоцезия утверждала, что это была «выплата выходного пособия». См. Chuck Murphy and Waveney Ann Moore, "Church Paid \$100,000 to Bishop Lynch's Aide", *St. Petersburg Times*, March 23, 2002.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.